ОГОНЁК

№ 24 ИЮНЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«СПАРТАК» В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 24 (2137)

8 ИЮНЯ 1968

Основан 1 апреля 1923 года

КАПИТАН КОМБАЙНА

Ростовский комбайн на полях Чехословакии. П. Фаустов (первый слева) знакомит словацких механизаторов с советской машиной.

Михаил АНДРИАСОВ

Фото А. Гостева.

Незаметно опустились сумерки. Повеяло прохладой. После жаркого дня дышалось легко...

Весь день Фаустов провозился с комбайном. В горячие дни уборки машину не очень жалели, да и времени для этого не было, и сейчас, к концу лета, комбайн, как загнанный конь, стал прихрамывать: задыхался мотор, в трубопроводах появилась течь, с трудом переключались скорости. Но это была своя, родная ростовская машина, он знал каждую ее деталь и, расставшись с ней на берегу тихого Дона, теперь рад был встретить ее у голубого Дуная. Вон сколько прошел степной корабль, первым капитаном которого был он — Петр Иванович Фаустов.

Конь сразу узнает руку хозяина. Хотя у комбайна стальное сердце, но он тоже узнал руку своего опытного обкатчика. Несколько часов работы, и Петр Иванович вернул комбайну его ритмичное дыхание, его силу.

Фаустов добрался до Братиславы. Он каждый день возвращался после работы туда, в гостиницу. Шел второй месяц его чехословацкой командировки.

— Содруг Фаустов! Вас вызывала Прага. Очень просили позвонить в советское торгпредство,— сказал Петру Ивановичу дежурный, вручая ключ от номера.

С Прагой соединили быстро.

— Фаустов? Петр Иванович? Здравствуйте. Вам телеграмма из Ростова. Слушайте, читаю: «Дорогой Петр Иванович! Сердечно поздравляю званием Героя Социалистического Труда. Вместе с тобой радуется весь Сельмаш. Горячо обнимаем. Табунщиков». С вас причитается, Фаустов! А кто такой Табунщиков?

— Петр Порфильевич. Секретарь парткома нашего завода...

— Мы тоже, все работники торгпредства, от души поздравляем вас, Петр Иванович.

Через несколько месяцев Фаустов вернулся домой. В канун Нового года во Дворце культуры «Ростсельмаша» первый секретарь Ростовского обкома партии Иван Афанасьевич Бонда-

ДОБРАЯ ТРАДИЦИЯ

3 июня Москва гостеприимно встретила короля Афганистана Мухаммеда Захир Шаха и королеву Умайру, прибывших в Советский Союз с дружественным визитом.

Взаимные поездки государственных деятелей СССР и Афганистана давно стали доброй традицией. Они свидетельствуют о прочности связей, соединяющих наши страны вот уже около пятидесяти лет.

На снимке: встреча высоких афганских гостей на Внуковском аэродроме.

Фото А. Гостева

В эти бурные для Франции дни, когда рабочий класс продолжает вести мужественные сражения за удовлетворение своих насущных нужд, когда по стране развертывается предвыборная кампания, лозунгом борцов за лучшую жизнь остается могучее слово «единство». Единство спаяло ряды сотен тысяч демонстрантов, которые вышли по призыву Всеобщей конфедерации труда на парижские улицы (см. снимок), единство придает силы для продолжения борьбы. Решимость французских трудящихся защитить свои права и добиться социальных изменений остается непоколебленной.

Фото ЮПИ.

На нашем снимке — товарищ Суан Тхюи, глава делегации Демократической Республики Вьетнам на парижских встречах между ДРВ и США. За ходом этих встреч по-прежнему внимательно следит мировая общественность. То, что творят американские агрессоры на вьетнамской земле, вызывает гнев и протесты во всех странах мира. Первым решающим шагом, который нужен для того, чтобы положить конец этой войне, должно стать прекращение Соединенными Штатами бомбардировок территории ДРВ и отказ от всех других актов войны против этой страны. Но американская делегация в Париже придерживается тактики проволочек и пытается затянуть решение этого вопроса. А тем временем военщина США продолжает свои кровавые дела и в Северном и в Южном Вьетнаме. Возмутительная позиция США на встречах в Париже и продолжающаяся агрессия на вьетнамской земле заведут политику американского правительства в еще более глубокий тупик.

ренко вручил обкатчику Петру Ивановичу Фаустову орден Ленина и Золотую Звезду.

Звезда Героя Социалистического Труда рядом с солдатскими медалями...

Четверть века назад, в апреле 1943 года, военная судьба привела двадцатилетнего солдата Петра Фаустова в город Елец. Почти родина. До Рябинок рукой подать. Но военная дорога в ту суровую пору вела Петра не в родную деревню, а на ту огненную землю, что осталась в вечной памяти народа под именем Курской дуги.

Рябинки лежали в стороне. И отец, и мать, и деды, и прадеды, и четверо братьев, и три сестры — все Фаустовы вышли оттуда, из Рябинок.

Там же, в Рябинках, пошел он в школу. Окончил ее — и в колхоз «Красный сноп». В восемнадцать лет стал бригадиром полеводческой бригады. А через год — война. Закончилась она для Петра на немецкой земле. Из армии вернулся в Рябинки коммунистом. Работал в Хитровской МТС. В апреле пятьдесят первого поехал на Дон, с точным адресом — «Ростсельмаш»!

...На главном конвейере сборочного цеха бьется пульс всего «Ростсельмаша». С разных сторон доносится перестук слесарных молотков, грохочут жестяные корпуса и бункеры, негромко, но часто позванивают гаечные ключи, а все это перекрывается нарастающим гулом испытываемых моторов.

Сюда, на главный конвейер, семнадцать лет назад и пришел орловский парень из деревни Рябинки. Сначала работал слесарем-сборщиком, но хотелось, очень хотелось стать таким рабочим, как Иван Степанович Жовин. Обкатчик. Вот это профессия! Как летчик-испытатель! Он первый испытатель машины, первый капитан комбайна. И Фаустов пошел подручным к Ивану Степановичу.

С бригадой Жовина я познакомился десять лет назад. Стояли знойные июльские дни. Сельские механизаторы приезжали на «Ростсельмаш», торопили рабочих и прямо со двора уводили машины в поле. Шла борьба за каждую минуту. Помню, как Иван Степанович сказал обкатчикам:

— А вы заметили, ребята? Колхозники своим ходом гонят машины на уборку.

— Я думал, что это заводские водители,— сказал Петр Фаустов.

— Нет, Петя, это колхозные комбайнеры. Время-то видишь какое, урожай отменный. Хлеб не ждет. Дорого стоит сейчас минута. Драться надо за каждую. Понял?

Понять-то понял. Только минуты не сразу одолеешь. Сначала надо взять на прицел секунды, иначе нельзя,— в то время с конвейера «Ростсельмаша» каждые пять минут сходил комбайн.

Петр Иванович давно стал обкатчиком. Научился экономить время на каждой машине и сокращать нормы, разумеется, не в ущерб качеству. Теперь он испытывает за смену почти вдвое больше машин, чем прежде.

ДЛЯ ВСЕХ И КАЖДОГО

Этот снимок сделан на Курском заводе синтетического волокна.

День работников легкой промышленности отмечается вскоре после Дня химика. Пожалуй, не случайна такая последовательность. Ныне просто невозможно представить текстильщиков, которые по старинке обходились бы только шерстью или льном. Теперь если лен, то с лавсаном, шерсть — с териленом, орлоном или другой мудреной добавкой. Зато немнущиеся, ладные, очень современные и, что немаловажно, обычно сравнительно недорогие ткани.

Легкая промышленность — индустрия для всех и для каждого. Почти 30 различных отраслей производства собраны воедино, чтобы давать нам одежду и обувь, меха и ткани... Море тканей — миллиарды квадратных метров ежегодно. В их числе немало и новинок. Ивановские текстильщики освоили и выпускают трехволоконные ткани для костюмов — из лавсана, шерсти и вискозы.

В нашей стране изготавливается одежда более двухсот типов и размеров; понятно, на долю женщин падает бо́льшая часть их. Любопытно, что в создании всего этого изобилия приняли участие не только текстильщики, но и ученые. Они провели десятки тысяч измерений жителей самых разных уголков нашей страны. И уж потом электронно-вычислительные машины дали точный совет, куда посылать какую одежду и каких размеров. Скажем, в Ставрополье и Краснодарском крае наиболее «типичная фигура» — от 52-го до 56-го размера. В средней полосе страны самые ходовые размеры — 48 и 50. А если взять страну в целом, то окажется, что очень значительная часть ее населения (в данном случае мужского) требует для себя костюмов большого размера.

Заметно расширяется ассортимент изделий легкой промышленности. Только в нынешнем году к наступившему сейчас летнему сезону подготовлено несколько десятков новых тканей, сотни моделей обуви, а швейники позаботились о том, чтобы костюмы и платья выпускались не только из синтетики, но и из благородного льна, из натуральной шерсти. Нет, это вовсе не противоречит началу этой заметки. Современная мода благожелательна не только к терилену, но и к хлопку...

К. САМОЙЛОВ

ЛИРА И ЛАВРЫ

«Дни чехословацкой культуры в РСФСР» — так называется яркий праздник искусства наших друзей, проходивший в городах Российской Федерации. На эмблеме этого праздника изображены лира и лавровая ветвь — традиционные символы искусства и славы. В данном случае лавры — это еще и символ горячей признательности и благодарности советских зрителей артистам братской Чехословакии за их щедрый талант.

Такие встречи уже стали доброй традицией: в год пятидесятилетия Великого Октября в Чехословакии прошли дни культуры Российской Федерации. 28 мая в Братиславе начались дни культуры и искусства Украины.

Гости Российской Федерации в эти дни — известные творческие коллективы и деятели культуры ЧССР. Среди них чешская хоровая капелла под руководством Иозефа Веселки, лауреат государственной премии Словацкий ансамбль песни и танца «Лучница», Пражский камерный оркестр, солисты Словацкого национального театра в Братиславе, самодеятельный хор «Типография» — всего около четырехсот человек представляют в Москве и на берегах Волги — в Горьком, Казани, Волгограде, Ульяновске — искусство ЧССР.

С большим успехом прошел в эти дни фестиваль чехословацких художественных и мультипликационных фильмов, открывшийся 29 мая в кинотеатре «Россия» показом фильма режиссера К. Земана «Похищенный дирижабль».

В программе «Дней чехословацкой культуры в РСФСР» также выставки произведений словацких художников группы «Жизнь», «Художники Чехословакии в промышленности», «Художественные промыслы Словакии». Кроме того, гости привезли три интересные выставки художественной фотографии.

Выступления чехословацких артистов — это не просто гастроли. Значение этого события гораздо шире. Дни чехословацкой культуры в РСФСР стали широкой демонстрацией дружбы народов Чехословакии и Советского Союза.

На снимке: выступает Словацкий ансамбль песни и танца «Лучница».

Фото М. Савина.

Конечно, и другие ростсельмашевцы, каждый на своем участке, тоже вели бой за секунды и минуты. И всем этим большим и малым победам подводил итог главный конвейер: каждые четыре минуты — новый комбайн, каждые три с половиной, три, две с половиной...

Коммунисты избрали Фаустова членом парткома цеха комбайнов. Он депутат Ростовского областного Совета. На предвыборном собрании один из избирателей сказал о нем так:

— Говорят, что через руки нашего кандидата прошло тридцать тысяч степных кораблей. Он был их первым капитаном. Это верно. Но верно и то, что тридцать тысяч комбайнов прошло не только через руки Петра Ивановича — они прошли через его горячее сердце!

* * *

...«ТУ-104» приземлился в Брюсселе. Вместе с другими пассажирами в столицу Бельгии прилетел Фаустов, прилетел по служебному делу.

Среди зарубежных покупателей ростовских комбайнов «СК-4» есть и бельгийская фирма. Она продает машины местным фермерам. Петр Иванович был представлен директору фирмы.

— Господин Фаустов,— сказал мсье Дагинай,— мы рады вашему приезду. Мы знаем вас как отличного специалиста. И хотя наши фермеры очень довольны комбайнами фирмы «Ростсельмаш», но мы надеемся, что вы поможете нам в ремонте машин.

Вместе с механиком фирмы мсье Камилем Петр Иванович разъезжал по фермам, как опытный врач, «прослушивал» металлических земляков, быстро устранял недуги.

Как-то один из бельгийских фермеров спросил у Фаустова:

— Мсье Пьер! Скажите, пожалуйста, сколько машин выпускает ваш завод?

— Триста тридцать тысяч комбайнов в год.

— О-о, это колоссально! Огромный завод. Куда же вы деваете такое большое количество?

— Но у нас и страна большая, дорогой друг. Кроме того, наши комбайны покупают в тридцати зарубежных странах. А многие не верили, что мы сможем построить такой завод.

Я слушал рассказ Фаустова о его бельгийских встречах и вспоминал лето 1929 года. В Ростов приехал Алексей Максимович Горький. Размах строительства Сельмаша поразил его. Высокий, чуть сутулый, окруженный строителями, Горький не по летам широко и молодо шагал по огромной стройке, влюбленно трогал руками стены только что воздвигнутых цехов.

— Вы кирпичи кладете,— взволнованно говорил рабочим Алексей Максимович,— а в буржуазных газетах какой вой идет — про ваш завод пишут, смеются, удивляются, не верят. А нам доказать надо, всему миру доказать надо... И я верю: вы докажете!

Юность Болгарии встречает фестиваль. Его участником станет и бургасский танцевальный ансамбль.

Фото автора.

ДЕВЯТЫЙ ВСЕМИРНЫЙ

Все меньше остается листков календаря до самого важнейшего события в международной жизни молодежи: 28 июля в столице Народной Республики Болгарии Софии взовьется флаг IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

За 21 год, которые отделяют софийскую встречу юности от первой, пражской, пятицветная ромашка, ставшая символом всемирных фестивалей, расцветала в Праге и Бухаресте, Будапеште и Берлине, Варшаве и Москве, Вене и Хельсинки. Девиз первых фестивалей «За мир и дружбу!» объединял прогрессивных, демократически мыслящих молодых людей, независимо от их национальности, вероисповедания и политических взглядов, в борьбе за лучшую жизнь, за свободу, демократию, социальную справедливость, против сил реакции.

Солидарность юных — как важна она для решения жгучих проблем современности и прежде всего для немедленного прекращения бесчеловечной, разбойничьей войны американских империалистов на многострадальной вьетнамской земле! Солидарность с мужественным народом Вьетнама будет главной темой на IX фестивале. Жан Диар, секретарь-координатор Международного подготовительного комитета, беседуя со мной в Софии о программе фестиваля, подчеркнул:

— Крупнейшим событием станет манифестация солидарности молодежи мира с героическим вьетнамским народом. Фестиваль станет также местом широкого обмена мнениями между молодежью и студентами по волнующим их темам: труд, учеба, профессиональное образование, доступ к культуре и спорту, проблема свободного времени; пройдут острые дискуссии по вопросам европейской безопасности, активизации милитаризма и неонацизма в ФРГ, израильской авантюры на Ближнем Востоке, военно-фашистского переворота в Греции, идеологической диверсии империализма против миролюбивых народов. Само собой разумеется, что каждой делегации будет предоставлена возможность показать самое лучшее, что есть в национальной культуре. Вся программа, рассчитанная на десять дней, тесно связана с особенностями нынешнего фестиваля и полностью соответствует идеалам солидарности, мира и дружбы.

...С каждым днем все больше возрастает интерес к софийской встрече. Из самых отдаленных уголков земли приходят в штаб-квартиру фестиваля сообщения о создании национальных подготовительных комитетов. Уже сотни молодежных организаций из 120 стран мира заявили о своей готовности послать в Софию представительные делегации.

Триста — четыреста человек из «Молодежи генерального совета профсоюзов», «Лиги социалистической молодежи», «совета Сейнендан», «Олимпийского молодежного комитета» войдут в состав японской делегации, которая подготовит на фестивале «День Хиросимы», будет участвовать в семинарах о ядерном разоружении, за ликвидацию военных баз, прежде всего в Азии и районе Тихого океана. Около трехсот членов молодежных организаций Америки — «Клубы Дюбуа», «Студенты за демократическое общество», «Конгресс за расовое равенство», «Сопротивление», «Студенческий мобилизационный комитет за прекращение войны во Вьетнаме», молодые сельскохозяйственные рабочие штата Калифорния расскажут о том, как они борются с расовой дискриминацией, против позорной войны США во Вьетнаме, собирают средства в фонд помощи Вьетнаму, сдают свою кровь для вьетнамских патриотов.

Каждая делегация, независимо от религиозных, политических и идеологических убеждений, готовится внести свой вклад в фестиваль. Недавно мне довелось побывать в Западной Германии и встретиться во Франкфурте-на-Майне с Карлом Шредером, одним из руководителей Национального подготовительного комитета ФРГ — Рабочий Круг «Фестиваль». Карл Шредер отметил одну важную особенность IX фестиваля.

— Многие из тех,— сказал он,— кто раньше был против самой идеи проведения фестивалей, считая их «коммунистической пропагандой», заявили о своем желании приехать в Софию. Это прежде всего относится к «Социалистической молодежи Германии» — «Соколам», профсоюзной молодежи, крупнейшему правительственному молодежному объединению «Федеральный круг молодежи», который всегда находился в рядах активных «антифестивальщиков». Конечно, не нужно переоценивать их решение и считать, будто они сразу «перевоспитались» и полностью поддерживают идеи фестиваля. Дело в другом. Нынешнее так называемое «скептическое» поколение молодежи превратилось в поколение «критическое». Оно все больше тянется к активной политической деятельности, к идеям, которые их волнуют. В этих условиях правые лидеры «Федерального круга молодежи», боясь оказаться выброшенными за борт событий, применили обходной маневр и согласились участвовать в IX Всемирном фестивале. Однако не нужно обольщаться. Они обязательно попытаются проповедовать в Софии свои политические концепции. Те же, кто входит в наш Рабочий Круг «Фестиваль», приедут в Софию с призывом крепить солидарность с народом Вьетнама. Мы выступаем против запрета прогрессивных молодежных и студенческих организаций Греции, Греческого подготовительного комитета фестиваля. Мы призвали молодежь ФРГ материально поддержать молодых греческих патриотов, чтобы и они смогли принять участие в фестивале. Нами открыт специальный счет «Свободу Греции!..»

Юность Болгарии — хозяйка IX Всемирного фестиваля — готовится к нему как к самому большому празднику, как к торжественному экзамену. Об этом говорили мне в Национальном подготовительном комитете Любомир Дочев, молодые кооператоры из села «Сенокос» Толбухинского округа, студенты Софийского университета имени Климента Охридского. И это сказано не для красного словца. Действительно, вся страна от мала до велика живет фестивалем. Национальный подготовительный комитет, над которым шефствует Председатель Совета Министров Тодор Живков, состоит из выдающихся представителей болгарского народа.

— Мы ожидаем,— сказал мне секретарь Центрального комитета Димитровского коммунистического союза молодежи Петр Младенов,— что в дни фестиваля к нам в гости приедет не менее тридцати тысяч человек — делегатов и туристов. Мы потрудились на славу для того, чтобы каждый наш гость остался доволен традиционным славянским гостеприимством. В Софии уже закончена постройка фестивального городка, комплекса «Дианабад» с двумя 17-этажными жилыми блоками. Оборудованы четыре ресторана на 1 тысячу мест, столовая на 1 500 мест, еще несколько ресторанов поменьше, много кафе, торговых павильонов. Для массовых праздников искусства мы построили дополнительно 15 летних эстрад, капитально отремонтировали 180 объектов: кинотеатров, библиотек, театральных салонов. Спортсмены тоже должны остаться довольными. Новый легкоатлетический зал на Слатинском редуте может принимать до 6 500 зрителей, спортивная арена в этом зале позволяет проводить одновременно пять волейбольных состязаний. В «Дианабаде» вступил в строй закрытый бассейн олимпийского типа.

Сейчас София одевается в праздничный наряд, преобладает в основном синий цвет — цвет мира и труда. В одном из проспектов, выпущенных болгарским Комитетом по туризму, можно прочитать такие слова: «Добро пожаловать, дорогие друзья! София приветствует вас и отдает все свои богатства, свои алые розы, свое синее небо, свою изумрудную Витошу. София отдает вам, желанным гостям, самое дорогое, что у нее есть,— дружбу и любовь. Она протягивает вам тысячи дружеских рук. Вас ждут молодость Болгарии и неувядающая молодость Софии. Ведь недаром на гербе нашей столицы написано: «РАСТЕТ, НО НЕ СТАРЕЕТ!..»

Выбор Софии столицей IX Всемирного фестиваля не случаен. Это признание достойного вклада болгарской молодежи в развитие демократического движения молодежи мира, признание социально-экономических успехов нового общественного строя.

Считанные дни остаются до торжественного открытия IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов, и с каждым днем все пышнее расцветает фестивальная ромашка — самый популярный ныне цветок на родине знаменитых болгарских роз.

А. ФЕДОТОВ

София — Москва.

Валериан Владимирович Куйбышев в Тбилиси. 1925 год. Редкое фото.

РОЗЫ В ЖЕСТЯНОЙ КРУЖКЕ

Книги и документы довольно полно воссоздают облик В. В. Куйбышева, верного соратника В. И. Ленина, выдающегося партийного и государственного деятеля Страны Советов, 80 лет со дня рождения которого исполнилось 6 июня. И все же... Я пришла к сестре Валериана Владимировича, потому что хотелось услышать о нем от близкого ему человека.

— Какую черту характера вы больше всего ценили в своем брате? — спросила я.

— Трудно выделить что-то одно,— ответила Галина Владимировна.— С одной стороны — совершенная непреклонность, бескомпромиссность во всем. Вот, например, в каких словах излагал Валериан свое кредо: «Принадлежность к партии не дает привилегий, а дает лишь обязанности». Этому он следовал до конца. А с другой стороны, ему был присущ глубокий лиризм и неистребимое жизнелюбие.

Валериан очень любил цветы. Однажды наша сестра, несмотря на строгий запрет тюремщиков, ухитрилась передать роскошные розы в одиночку, где сидел брат. Наш узник заметался по крошечной камере, не зная, куда пристроить букет так, чтобы его не заметил надзиратель сквозь дверной глазок. Наконец сунул цветы в угол. Но тут же Валериану показалось, что это — надругательство над красотой, и он поставил розы в жестяной кружке на самое видное место, на стол...

Мне запомнились слова брата: «Ходить по одной стороне улицы — это значит лишиться многих радостей жизни, связанных с неожиданными встречами». Уж кому-кому, а самому Валериану такая опасность не грозила. От этого его избавляло многообразие интересов и разносторонность знаний. По-моему, такая разносторонность интересов очень помогала ему в работе.

Мне хотелось бы упомянуть еще об одном качестве Валериана Владимировича. Это качество — прозорливость. Всем известно, например, как горячо поддерживал Валериан Владимирович в конце двадцатых годов К. Э. Циолковского. А Константин Эдуардович в то время слыл чистейшим утопистом.

А вот случай малоизвестный. В конце 20-х годов, когда Валериан Владимирович был председателем ВСНХ, в его секретариат частенько наведывался посетитель, который не понравился тамошним сотрудникам. Этот молодой инженер изобрел установку, работающую на энергии солнечных лучей. Затея тогда казалась, мягко говоря, зряшной. Кроме того, антипатию сотрудников ВСНХ инженер заслужил и тем, что был превосходно одет.

И вот, в очередной раз явившись в секретариат ВСНХ, инженер привычно твердо потребовал, чтобы его пропустили к В. В. Куйбышеву. Ему так же привычно твердо отказали. В разгар препирательств из своего кабинета вышел Валериан Владимирович. Он пригласил изобретателя в свой кабинет. Прошло пять минут, десять, полчаса. В секретариате забеспокоились: мало ли какие бывают посетители. Тихонько отворили дверь и увидели такую картину: во весь пол просторного кабинета разложены чертежи, схемы, а председатель ВСНХ и изобретатель, ползая по этому своеобразному ковру на коленях, увлеченно беседуют.

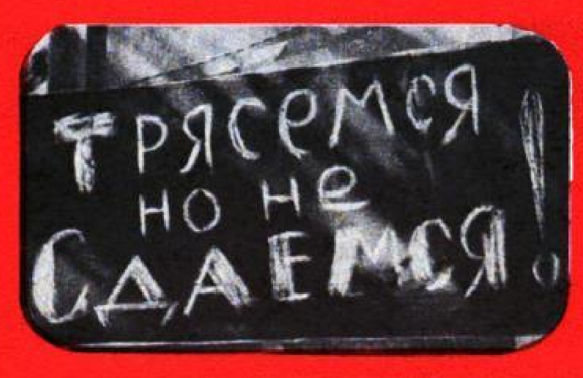
После этой беседы Валериан Владимирович немедленно командировал инженера в Геную, где была очень высокая концентрация солнечного излучения, чтобы изобретатель довел там до конца работу над своей установкой.

Н. ВЛАСОВА

ПОДВИГ ТАШКЕНТА

Часы остановились с первым толчком.

Девиз горожан в те месяцы.

Девочка, на помощь которой пришла вся страна.

Они поспешили в Ташкент по велению сердца.

Есть новый город!

«Ташкент, землетрясение» — так просто и лаконично назвали свой новый документальный фильм кинематографисты узбекской столицы. Фильм о событии, известном, пожалуй, каждому.

Перед зрителем проходит несколько месяцев жизни огромного города, то и дело сотрясаемого подземными толчками. Мы видим, какие большие разрушения причинил первый из таких толчков, разбудивший город в тихий час апрельского рассвета. Эпицентр был под самым городом. Фильм напоминает о том, что были разрушены тысячи домов, сотни общественных зданий. Были жертвы. Но паники не было.

Еще оседала пыль развалин, а кинооператоры уже были на съемке. И благодаря им мы видим, как утром того же дня Ташкент идет на работу. Такие сцены не организуешь. Их ставит сама жизнь.

Подобных кадров немало в этом волнующем, берущем за сердце фильме. Вот каменщик Курбан-ата Бекмухамедов, ветеран революции. Тем самым апрельским утром он зашел в разрушенный дом и сказал незнакомым людям: «Вам негде жить, переселяйтесь ко мне». И его семья увеличилась на сорок шесть человек.

Толчки землетрясения следовали один за другим. За первые двое суток их было 130! А в ночь на 10 мая сильнейший удар снова потряс город. И снова в час, когда люди спали. Самым безопасным укрытием стали палатки.

А город жил. Студенты сдавали весенние экзамены и расчищали развалины. Люди, как и прежде, по утрам спешили на работу. И все, конечно, помогали Ташкенту залечивать его раны.

Тысячи метров пленки сохранят для современников и будущих поколений картину тех тревожных ташкентских месяцев. Разумеется, в фильм вошла лишь малая часть отснятых кадров. Но и они — лучшее свидетельство подвига Ташкента.

Рассказ о мужестве города перерастает в кинопоэму о братской дружбе советских народов. Когда вместе, всем миром, помогают попавшему в беду человеку, то по-узбекски это называется «хашар». Ташкент стал местом всесоюзного хашара. И это прекрасно показано в фильме. Со всех концов страны сюда идет помощь. Спешат строители, мчатся железнодорожные составы, доставляя городу все необходимое.

Недра земли никак не хотели успокаиваться, а в Ташкенте тем не менее уже работала всесоюзная бригада лучших архитекторов. В невиданно короткие сроки их планы и чертежи перемещались из мастерских на строительные площадки. На экране мы видим, как люди, только что расчищавшие город от руин, начинают строить новый Ташкент. И мы видим его новые кварталы.

Жизнь продолжается и побеждает. Люди, их дружба — сильнее стихии. И секрет успеха этой необычайной ленты прежде всего в ее суровой правдивости. Разрушения и жертвы, горе и слезы, запечатленные кинообъективом, не умаляют, а, наоборот, возвеличивают подвиг города. В этом смысле фильм можно назвать полемичным. Он борется против облегченного подхода к показу действительности в документальном кино.

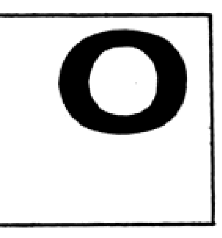
Успеху этой работы ташкентских кинематографистов способствует и их высокое профессиональное мастерство, проявленное в тяжелейших условиях. Мастерство, которое сочетается с хорошим вкусом и чувством меры.

Остается назвать участников талантливого коллектива, создавшего фильм «Ташкент, землетрясение»: авторы фильма — М. Каюмов, Г. Гурков, операторы — Д. Салимов, Т. Надиров, Т. Рузиев, Н. Азимов, Х. Файзиев, Э. Тимлин, композитор — Л. Гедравичус.

В. НИКОЛАЕВ

С. В. КУЗНЕЦОВ

БРАК, СЕМ

публикован проект Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье. Советское законодательство, как отмечается в проекте, призвано активно содействовать окончательному очищению семейных отношений от материальных расчетов, устранению остатков неравного положения женщин в быту и созданию коммунистической семьи, в которой найдут свое полное удовлетворение наиболее глубокие личные чувства людей.

Проект Основ включает в себя наряду с уже действующими нормами ряд важных положений, которых ранее в законодательстве не было. На них прежде всего необходимо остановиться.

Заключение брака. Личные и имущественные права супругов

Исходя из заинтересованности государства и общества в создании прочной семьи, а также с целью охраны личных и имущественных прав и интересов супругов и детей, в проекте сохраняется действующее правило о заключении брака в государственных органах загса. Только брак, заключенный в загсе, порождает права и обязанности супругов. Заключение брака — событие, которое остается в памяти на всю жизнь. Поэтому проект Основ предусматривает заключение брака в торжественной обстановке. Возведение в правовую норму обрядной категории говорит о большом значении, которое придается этому вопросу.

В законодательстве Союза ССР впервые предполагается записать требование о том, что заключение брака происходит по истечении месячного срока после подачи желающими вступить в брак заявления в загс. Такое требование даст возможность как жениху, так и невесте со всей ответственностью подготовиться к столь важному событию в их жизни.

В настоящее время брачный возраст в большинстве союзных республик действующим законодательством установлен в 18 лет. Однако в отдельных союзных республиках (Украинской, Армянской и др.) брачный возраст для женщин определен в 16 лет. Проектом предусматривается брачный возраст для мужчин и женщин, проживающих на территории всех союзных республик, в 18 лет, то есть по достижении полного совершеннолетия. В исключительных случаях этот возраст может быть понижен, но не более чем на два года. Условия, при которых может быть снижен предусматриваемый возраст и порядок рассмотрения таких ходатайств, должен будет определяться законодательством союзных республик. Какого-либо предельного возраста для вступления в брак наше законодательство не знает. Заключение брака между лицами, из которых один старше другого, не может служить основанием для отказа в регистрации брака. Само собой разумеется, что достигшие брачного возраста лица для вступления в брак должны в соответствии с общими началами гражданского права обладать дееспособностью; вследствие этого граждане, хотя и достигшие брачного возраста, но признанные в установленном порядке недееспособными или душевнобольными, вступить в брак не могут. В проекте Основ по этому вопросу сказано, что не допускается заключение брака между лицами, из которых хотя бы одно признано судом недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия.

Заключение брака не допускается также между лицами, из которых хотя бы одно уже состоит в другом браке, между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии, между полнородными и неполнородными братьями и сестрами, а также между усыновителями и усыновленными.

Имеется в виду, что прямыми родственниками по восходящей линии являются отец, мать, дед, бабка и т. д., а прямыми родственниками по нисходящей линии — сын, дочь, внук, внучка и т. д. Братья и сестры могут происходить от общих отца и матери, и тогда они носят название полнородных братьев и сестер. Если же братья и сестры имеют общего отца, но различных матерей или общую мать, но различных отцов, они называются неполнородными братьями и сестрами. Будучи неполнородными братьями и сестрами, они при общем отце и различных матерях называются единокровными братьями и сестрами, а при общей матери и различных отцах — единоутробными братьями и сестрами.

Раскрывать эти понятия родства в таком основополагающем документе, как Основы законодательства о браке и семье, едва ли целесообразно. В развитие Основ будут приняты кодексы законов о браке и семье в союзных республиках, в которых положения Основ будут изложены более подробно.

Супруги при заключении брака избирают по своему желанию фамилию одного из супругов в качестве их общей фамилии или остаются при своих добрачных фамилиях. Согласно проекту, им предоставляется также право присоединить к своей фамилии фамилию другого супруга.

Супруги совместно решают вопросы воспитания детей и другие вопросы жизни семьи. Каждый из них свободен в выборе занятий, профессии и места жительства.

Имущество, нажитое супругами во время брака, является их общей совместной собственностью, которой они на равных правах могут владеть, пользоваться и распоряжаться. Вместе с тем отмечается, что супруг, который был занят уходом за детьми, домашним хозяйством или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного заработка, имеет такое же право на нажитое в браке имущество, как и другой супруг, имеющий заработок.

При разделе общего имущества супругов их доли признаются равными, но суду предоставляется право увеличить долю одного супруга за счет доли другого супруга, если того требуют интересы детей или заслуживающие внимания интересы одного из супругов.

Что же касается имущества, принадлежащего супругам до вступления в брак, то оно по-прежнему признается раздельным имуществом супругов. Собственностью каждого из супругов является, согласно проекту, также имущество, полученное ими в дар или в порядке наследования.

Если супруги являются членами колхозного двора, то указанные правила распространяются лишь на то имущество, которое является их личной собственностью. Права супругов на собственность колхозного двора определяются законодательством союзных республик.

Об обязанностях супругов по содержанию

Проект предусматривает, что супруги обязаны материально поддерживать друг друга. В случае отказа в такой поддержке нуждающийся в материальной помощи нетрудоспособный супруг имеет право получать по суду содержание от другого супруга, если он в состоянии эту помощь предоставить.

Действующим законодательством союзных республик по-разному решается вопрос о том, в течение какого срока после развода нуждающийся нетрудоспособный супруг имеет право на получение содержания от другого супруга. В большинстве союзных республик этот срок установлен в один год. Проектом предлагается внести в решение этого вопроса значительные изменения. В нем указывается, что право нуждающегося нетрудоспособного супруга на получение содержания от другого супруга сохраняется и после расторжения брака. Поскольку это право не ограничивается в проекте каким-либо сроком, следовательно, оно сохраняется на все время после расторжения брака, пока не изменятся условия, служившие основанием для получения содержания. Кроме того, супруг, который во время брака был трудоспособным и не нуждался в материальной помощи, а после развода стал нетрудоспособным, будет также, согласно проекту, иметь право на такое содержание при условии, что нетрудоспособность его возникла в течение года после развода. Если супруги длительное время состояли в браке, суду предоставляется право взыскать алименты в пользу разведенного супруга и в том случае, если этот супруг достиг пенсионного возраста не позднее чем через пять лет с момента расторжения брака.

Согласно действующему законодательству, жена вправе получать по суду алименты на свое содержание от другого супруга в период беременности и родов, при этом срок, в течение которого это содержание должно выплачиваться, определяется судом. Проектом предлагается установить, что право на содержание жена имеет в период беременности и в течение года после рождения ребенка.

Проектом допускается возможность освобождения в отдельных случаях супруга от обязанности по содержанию другого супруга или ограничения этой обязанности сроком. Предусмотрено, что условия, при которых суд может вовсе освободить от алиментов на содержание другого супруга или ограничить эту обязанность сроком, должны устанавливаться законодательством союзных республик.

В отдельных союзных республиках в 1967—1968 годах были внесены изменения и дополнения в действующее законодательство о браке и семье и уже установлено право нуждающегося нетрудоспособного супруга на получение содержания от другого супруга и после прекращения брака, если нетрудоспособность наступила до расторжения брака или в течение одного года после расторжения брака. К числу оснований, по которым суд вправе освободить от уплаты таких алиментов или ограничить эту обязанность определенным сроком в этих республиках, отнесены непродолжи-

ЬЯ И ЗАКОН

тельность срока пребывания супругов в браке, недостойное поведение во время брака супруга, требующего алименты (в РСФСР), виновность в разводе (в БССР). Право на получение содержания прекращается в случае вступления нуждающегося нетрудоспособного супруга в новый брак (в РСФСР).

Прекращение брака

Проект сохраняет судебный порядок разводов по заявлению одного или обоих супругов. Дела о расторжении брака рассматриваются районными (городскими) народными судами, которые тщательно анализируют причины, вызвавшие семейный разлад, и принимают меры к примирению супругов. Временный разлад в семье и конфликты между супругами, вызванные случайными и преходящими причинами, равно как и не обоснованное серьезными доводами нежелание одного или обоих супругов продолжать брак не могут считаться достаточным основанием к расторжению брака. Только в том случае, когда суд придет к убеждению, что возбужденное дело о разводе вызвано глубоко продуманными и обоснованными причинами и что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи невозможны, суду предоставляется право расторгнуть брак.

Вместе с тем проект вводит новое правило, согласно которому муж не вправе без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение одного года после рождения ребенка.

В проекте сохраняется правило о признании брака недействительным при нарушении условий, установленных законом, а также в случаях регистрации брака без намерения создать семью (фиктивный брак). Признание брака недействительным не влияет на права детей, родившихся в таком браке.

Права и обязанности родителей и детей

В проекте подробно излагаются взаимные права и обязанности родителей и детей. Они основываются на происхождении детей, удостоверенном в порядке, установленном законом.

Происхождение детей от родителей, состоящих между собою в браке, удостоверяется записью о браке родителей.

Проектом вносятся значительные изменения в законодательство, касающееся внебрачных детей. Так, если родители не состоят между собой в браке, допускается возможность установить происхождение ребенка путем подачи совместного заявления отцом и матерью ребенка в органы загса. Предусматривается, что при отсутствии такого заявления мать ребенка вправе обратиться в суд с иском об установлении отцовства. Однако судебное установление отцовства предлагается установить лишь при определенных условиях, а именно: если судом будет установлено, что родители ребенка еще до его рождения проживали совместно и вели общее хозяйство, либо когда после рождения ребенка отец участвовал в его воспитании или содержании.

Установление отцовства в судебном порядке имеется в виду только в отношении детей, родившихся после введения в действие Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье.

Проект Основ кладет конец существованию так называемого «прочерка» в свидетельствах о рождении внебрачных детей.

Отец и мать ребенка, состоящие в браке между собой, записываются родителями ребенка в книге записей рождений по заявлению любого из них. Что же касается регистрации детей, родившихся у лиц, не состоящих между собою в браке, то запись о матери внебрачного ребенка производится по заявлению матери, а запись об отце ребенка — по совместному заявлению отца и матери ребенка, либо отец записывается согласно решению суда. В тех же случаях, когда нет совместного заявления родителей и нет решения суда об установлении отцовства, запись об отце ребенка производится по фамилии матери, по указанию матери записывается имя и отчество отца ребенка. Таким образом, ликвидируется прочерк в свидетельстве о рождении ребенка.

В проекте решается также вопрос об установлении отцовства внебрачных детей, родившихся до введения в действие Основ. Регистрация в органах загса отцовства производится в таких случаях по совместному заявлению лица, признающего себя отцом, и матери ребенка с внесением записи об отце в свидетельство о рождении ребенка. При этом запись об отцовстве в отношении лиц, достигших совершеннолетия, производится только с их согласия. При отсутствии совместного заявления родителей запись об отце в книге записи рождений и в свидетельстве о рождении производится по фамилии матери, а имя и отчество отца ребенка записываются по указанию матери.

Проект Основ предусматривает обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей и нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в помощи.

Имеется в виду сохранить определенный действующим законодательством размер алиментов на несовершеннолетних детей, то есть на одного ребенка — одна четверть, на двух детей — одна треть, на трех и более детей — половина заработка (дохода) родителей.

Однако в отличие от действующего законодательства предлагается суду предоставить право уменьшить размер этих долей в следующих случаях: во-первых, если у родителя, обязанного платить алименты, имеются другие несовершеннолетние дети, которые при взыскании алиментов в указанном выше размере оказались бы менее обеспеченными материально, чем дети, получающие алименты, во-вторых, если родитель, с которого взыскиваются алименты, является инвалидом первой или второй группы и, в-третьих, если дети работают и имеют достаточный заработок.

По действующему в данное время законодательству суд не вправе освободить от уплаты алиментов или снизить размер алиментов на детей, которые находятся на полном государственном обеспечении, например, в Суворовских училищах. Проектом предлагается предоставить суду право уменьшить размер алиментов или вовсе освободить от их уплаты, если дети находятся на полном содержании государства или общественной организации.

В отдельных случаях, когда взыскание алиментов в долевом отношении невозможно или затруднительно, алименты могут быть взысканы в твердой денежной сумме. При взыскании алиментов на нетрудоспособных совершеннолетних детей, а также в остальных случаях взыскания алиментов (например, когда дети остаются при каждом из родителей) размер алиментов определяется в твердой денежной сумме, исходя из материального и семейного положения лица, с которого взыскивают алименты, и лица, получающего их.

Проект предусматривает также обязанность детей по содержанию нетрудоспособных родителей. Совершеннолетние дети обязаны содержать нетрудоспособных родителей, нуждающихся в помощи. Однако из этого правила проектом допускается исключение и предусматривается возможность освобождения детей от обязанности по содержанию своих нетрудоспособных родителей, если судом будет установлено, что родители уклонились от выполнения своих родительских обязанностей.

Необходимо отметить, что проект не оставляет без внимания вопросы усыновления. Усыновление допускается только в отношении несовершеннолетних детей и в их интересах.

Для усыновления требуется согласие родителей, если они не лишены родительских прав, а также согласие усыновляемого, если он достиг десяти лет.

Проектом предлагается допустить в виде исключения усыновление и без согласия родителей, если они не принимают участия в воспитании ребенка. Этот вопрос должен быть подробно регламентирован законодательством союзных республик, которым устанавливается порядок усыновления и условия, при наличии которых оно допускается без согласия родителей.

При усыновлении ребенка лицом, состоящим в браке, требуется согласие другого супруга на усыновление. Согласно проекту, усыновление может быть в виде исключения произведено и без согласия другого супруга при наличии определенных условий. Эти определенные условия могут быть не везде одинаковыми, и поэтому имеется в виду устанавливать их законодательством союзных республик.

Усыновленные и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным и их потомству приравниваются в личных и имущественных правах к родственникам по происхождению.

В проекте отмечается, что несовершеннолетние, имеющие к моменту усыновления право на пенсию или пособие от государственных или общественных организаций, полагающееся им по случаю потери кормильца, сохраняют это право и при их усыновлении.

Рассматриваемый проект закона предусматривает лишь основные вопросы брака и семьи, относимые к ведению Союза ССР. Союзные республики имеют обширные возможности конкретизировать положения, содержащиеся в проекте Основ о браке и семье, но наиболее важные положения предлагается установить единообразными для всех союзных республик.

Широкое обсуждение опубликованного проекта окажет большую пользу совершенствованию законодательства о браке и семье.

ЧЕЛОВЕК, ПОЭЗИЯ, КРАСОТА

Н. НЕРСЕСОВ

Не каждый посетитель Государственного Эрмитажа в Ленинграде обратит внимание на две скромные, но превосходные по живописи небольшие картины замечательного французского художника Луи Ленена. Одна из них называется «Посещение бабушки». Здесь нет развернутого сюжета, повествования, впрочем, как и всегда у этого художника. Люди слушают песню, которую один из мальчиков играет на свирели. Но ведь именно в такие минуты каждый человек раскрывается в самом непосредственном проявлении своей натуры. Очевидно, художника и привлекла эта возможность показать людей в момент отрешенности от суетных, повседневных забот. Слушая музыку, каждый погружен в размышления и реагирует на нее по-своему. Мягкая, чуть заметная улыбка осеняет лицо бабушки, заботливо и внимательно смотрит мать на сидящую у нее на руках дочь, красивое лицо старшего сына, стоящего справа, сосредоточенно и задумчиво. Его одухотворенное выражение особенно характерно для героев картин Луи Ленена. Ленен всегда любил изображать людей мыслящими. Он дает им характеристику не через действие, поступки, взаимоотношения друг с другом, а именно передавая работу их мысли. Его герои думают, вспоминают, мечтают. Он обрисовывает их прежде всего с духовной стороны. Поэтому, в частности, он выбирает такие сюжеты, как беседа, отдых или музыка.

О жизни Луи Ленена мы почти не имеем достоверных сведений. Он родился в 1593 году в городе Лане. Когда ему было около 40 лет, он вместе со своими братьями (старший, Антуан, и младший, Матье, тоже были живописцами) поселился в Париже. В этот же период он, очевидно, посетил Италию. В начале 40-х годов XVII века были созданы его лучшие произведения. В 1648 году он был принят в только что основанную Королевскую академию живописи и скульптуры, а спустя три месяца после этого умер.

Через два дня умер и Антуан. Скорее всего обоих братьев унесла одна из тех эпидемий, которые часто возникали в те времена. Младший, Матье, пережил своих братьев на 29 лет. Он был профессионально умелым и преуспевающим живописцем. Однако его искусство не могло подняться до уровня выдающегося явления, каким было творчество Луи.

Может быть, отчасти поэтому в течение последующих двух столетий искусство братьев Ленен было почти совершенно забыто. Лишь в середине прошлого века в связи с подъемом реалистического искусства во Франции возник интерес к изучению их творчества. Постепенно исследователи выявили произведения, которые могли быть написаны этими художниками, а в начале нашего столетия удалось уже довольно точно установить подлинные работы каждого из трех братьев. С этого времени началось изучение творчества Луи Ленена, одного из интереснейших французских живописцев XVII века. Значительный вклад в эту работу был сделан двумя крупнейшими советскими искусствоведами, В. Н. Лазаревым и М. В. Алпатовым.

Луи Ленен посвятил свое искусство изображению жизни народа. А эта жизнь была в те времена очень тяжелой и безрадостной. Об этом говорят дошедшие до нас свидетельства современников.

Бесконечные, почти не прекращающиеся войны и поборы низвели французское крестьянство до крайней степени нужды и бедности. Вот как описывал ужасающее положение крестьян во Франции во второй половине XVII века знаменитый писатель того времени Лабрюйер: «Там и сям вы встречаете диких зверей, самцов и самок, черных, совершенно обожженных солнцем, они низко склонили к земле свои согбенные спины, обрабатывая ее с непобедимым упорством; они обладают чем-то вроде членораздельной речи и, когда поднимаются во весь рост, обнаруживают человеческое лицо — и в самом деле, ведь это люди; ночью они скрываются в свои логова, где живут, питаясь черным хлебом, водой и кореньями; они избавляют других людей от труда сеять, работать и собирать жатву, для того чтобы жить, и поэтому не заслуживают того, чтобы у них отнимали хлеб, который они посеяли».

Какой же нужно было обладать смелостью и насколько нужно было любить свой народ, чтобы показать его исполненным высокого человеческого достоинства, духовной красоты и совершенства! Гораздо правдивее на первый взгляд были современные Ленену голландские и фламандские живописцы, изображавшие крестьянскую жизнь в бесконечных пирушках, азартных играх и потасовках. Но Луи Ленена отличает от них прежде всего поэтическая интерпретация жизни. Он хотел видеть и увидел в крестьянах людей, ту социальную среду, в которой сохраняются нравственные, духовные силы народа. В образах простых тружеников своей родной земли поэт-гуманист Луи Ленен воспел достоинство и красоту человека.

Но дело не только в поэтическом даре художника. XVII век — это эпоха образования крупных национальных художественных школ в искусстве Западной Европы. Французское искусство этого времени очень сильно отличалось по своему характеру от искусства, например, соседних Италии, Испании, Фландрии. Во Франции складывалось новое художественное направление, названное впоследствии классицизмом. Оно стремилось воскресить пластическую красоту великого искусства Древней Греции и Рима, оно утверждало образ идеализированного героя, наделенного высшими нравственными качествами, как единственно достойный предмет изображения в искусстве. Это направление нашло свое высшее и наиболее яркое выражение в творчестве великого французского живописца XVII столетия Никола Пуссена.

Луи Ленен был современником Пуссена, и хотя его собственное творчество не входит в направление классицизма, некоторые общие характерные черты последнего, как и сама атмосфера художественной жизни страны, несомненно, оказали сильное воздействие на его творчество. В то же самое время, когда прославленные живописцы Франции воплощали идеал высокого нравственного совершенства в образах мифологических и легендарных героев, скромный и малоизвестный живописец Луи Ленен нашел его в среде трудового народа.

На высоком пригорке, за которым открывается бескрайняя, чуть всхолмленная равнина, мы видим стоящих около своего осла крестьянина в широкополой шляпе и крестьянку с большим медным бидоном за спиной. Рядом с ними их дети — мальчик постарше и девочка в синем платье. Все очень просто и безыскусственно в маленькой картине «Семейство молочницы». В ней также нет никакого действия. Люди стоят неподвижно, и каждый из них кажется погруженным в свои мысли. Это и есть содержание картины — ее герои думают. Они способны мыслить и мечтать, их внутренний мир так же чист и свободен, как этот расстилающийся пейзаж с огромным, бескрайним простором неба, с бескрайней, овеваемой вольными ветрами землей.

Очарование этой картины заключено прежде всего в том удивительном единстве, в той цельности, которая сливает человека и природу, раскрывая в них высокую одухотворенную красоту жизни. Человек в понимании художника здесь так же прост и ясен, так же глубок и наполнен жизнью, как и природа, среди которой он живет, которую он облагораживает своим трудом. Художник любуется этими людьми труда. Их лица изборождены морщинами, в их глазах отражено глубокое знание нужды и забот, тяжелого повседневного труда и горя. Но в них в то же время светится ум и доброта, в них притягивает мягкая, умудренная опытом жизни человечность. Глаза леденовских персонажей всегда смотрят на нас с вниманием и доброжелательностью.

В характерах персонажей «Семейства молочницы» сокрыта та удивительная гармония, которая отличает творчество талантливого и своеобразного поэта в живописи Луи Ленена.

Гармония, выраженная в линейной композиции картины, дополняется ее цельным колористическим построением, объединяющим все цвета в единой и мягкой серебристо-голубой гамме. В картине разлита какая-то удивительная торжественная тишина, она царит и в природе и в задумчивых лицах людей.

Лишь немногие музеи мира обладают подлинными картинами Луи Ленена. Творчество этого художника, глубоко поэтичное в своей основе, воспевает человека, его духовную красоту, и поэтому оно радует и волнует людей и сегодня, спустя триста лет, прошедших с тех пор.

Луи Ленен. СЕМЕЙСТВО МОЛОЧНИЦЫ. 1640-е годы.

Луи Ленен. 1593—1648. ПОСЕЩЕНИЕ БАБУШКИ. 1640-е годы.

Михаил ДОМОГАЦКИХ

МАВРИКИЙ БЕЗ ЭКЗОТИКИ

НА ПУТИ К ЭКЗОТИКЕ

Второй раз я лечу на остров Маврикий и, наверное, опять буду удивлен, как это находят среди безбрежного океана такую малюсенькую ракушку. Ну что такое, в самом деле, две тысячи квадратных километров суши — сорок на пятьдесят километров — среди безграничности воды!

Геологи говорят, что примерно двести миллионов лет назад подводный вулкан взбудоражил юго-западную часть Индийского океана в зоне тропика Козерога и выбросил на поверхность миллионы и миллионы тонн камней и лавы, которые и образовали группу островов, в том числе Маврикий. А еще через сто миллионов лет новые вулканы помогли сформировать уже нынешний ландшафт острова с его горами и долинами. Потухшие вулканы на Маврикии и действующие на соседнем Реюньоне — живое напоминание о происходящих некогда в этом районе грозных явлениях природы.

По книгам, по захватывающей дух легенде о самой редкой и дорогой почтовой марке, известной под именем «Голубой Маврикий», люди давно составили себе каждый свое представление об острове, затерянном в далеком океане. Другие марки и почтовые открытки, печатавшиеся обычно в Лондоне, тоже были поэтичны: синь океана, густая зелень пальм, бескрылая птица додо, старинные форты с чугунными пушками манили воображение Колумбов всех возрастов.

Я изъездил Маврикий вдоль и поперек, побывал, кажется, всюду, и мне хорошо известно, что на острове отнюдь не одна экзотика. Это остров-труженик, дающий значительную долю мирового производства тростникового сахара. Хотя, конечно, есть там и синь океана, и густая зелень пальм, и старинные форты. Вот только птицу додо, истребленную еще в семнадцатом веке, не увидишь, если не считать изображения в музее, сделанного из папье-маше.

Но главное — плантации сахарного тростника, прямые линии оросительных каналов, сахарные заводы и мельницы, широко раскинутые крылья дождевальных установок, асфальтированные дороги и вереницы машин.

В африканской печати появилось сообщение о том, что между Англией и Маврикием будет подписано новое военное соглашение, по которому Англия увеличит численность своих войск на острове и будет иметь право впредь пользоваться ключевыми позициями на его территории по крайней мере в ближайшие шесть лет.

Маврикий всегда играл важную стратегическую роль. Как нетонущий плот посреди океана, притягивал он к себе внимание. Таким его считали арабские первооткрыватели, потом голландцы, назвавшие Дин Ароби, «Остров Арабов», Маврикием — в честь принца Мориса Нассау, а затем французы, давшие ему имя Иль-де-Франс — «Остров Франции». Французская Восточно-Индийская компания, обосновавшаяся на острове, получила от самого Наполеона подарок в виде корабельного колокола, хранящегося и поныне в небольшом музее в Маэбуре. Однако и французы не смогли удержать этот «щит Мадагаскара». Потерпев поражение в боях, они оставили Иль-де-Франс англичанам, которые и вернули ему голландское название.

Полтораста лет господствовали на Маврикии англичане, используя его как наблюдательный пункт за своими владениями в Азии и Африке, над которыми, по словам, кажется, Пальмерстона, «никогда не заходило солнце». По иронии судьбы, что ли, одним из последних владений Британской империи, развалившейся под ударами освободительного движения, оставался именно этот маленький кусочек суши.

Но пришло время и Маврикия. В марте этого года остров стал независимым государством. Населенный креолами, индийцами, китайцами и европейцами, он медленно шел к нынешним событиям. На острове сформировалась «партия маврикийцев», которую возглавил Гаэтан Дюваль, выступившая против независимости. Лейбористская партия во главе с Сивусагуром Рамгуламом требовала свободы. Богатая часть креолов, боясь усиления азиатской общины и ослабления в результате этого связей с метрополией, организовала на острове кровавые беспорядки, надеясь сорвать провозглашение независимости. Из тропических дебрей Малайи англичане перебросили «пожарную команду» — парашютистов, чтобы «восстановить порядок». Загорелые парни в маскировочных халатах десантников контролировали улицы и дороги острова и в дни провозглашения независимости.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВОБОДЫ

Через открытые двери и окна пресс-центра вливается горячий воздух. Пресс-центр помещается в бывшей резиденции генерал-губернатора, ставшей теперь резиденцией премьер-министра.

Разносится слух, что внизу, в здании парламента, за час до спуска английского флага и официального провозглашения независимости будет подписано военное соглашение о взаимной обороне между Маврикием и Англией.

— Ну, теперь Англия может чувствовать себя спокойной, Маврикий не даст ее в обиду,— шутит кто-то.— «Звезда и щит Индийского океана» (девиз на гербе Маврикия.— **М. Д.**) воссияют еще ярче.

Вот так оборачивается независимость: вместе с атрибутами независимого государства Маврикий получает... дополнительный контингент английских войск, размещаемых в стратегических пунктах.

— А знаете ли вы,— присоединяется к разговору член исполкома Всемирной федерации профсоюзов товарищ Луи Лубеденес,— что сегодня специальным декретом английского правительства Маврикию сделан подарок — ему вернули часть земли, которая раньше принадлежала англичанам.

— А что же это за земля?— спрашиваем мы.

— В основном пляжи. Теперь мы можем ходить к океану по своей земле.

Приближается время идти на стадион. Дорога к нему запружена машинами и людьми. В дверях и окнах домов, на крышах и деревьях — всюду люди. С интересом смотрят, как на автомобильных платформах разыгрываются сцены из истории Маврикия. Одноглазые пираты со свирепыми лицами и огромными ножами идут на абордаж мирного судна. Над их головами реет «Черный Роджерс» — пиратский флаг со скрещенными костями; Поль и Виргиния. Это уже из сентиментального романа восемнадцатого века французского писателя Бернардена де Сен-Пьера о двух влюбленных, удалившихся на необитаемый Маврикий и предающихся идиллической жизни среди сказочной красоты; первые поселенцы, первые плантации сахарного тростника, завезенного на остров французами, первые рабы, доставленные сюда из дебрей Африки, начало борьбы за независимость...

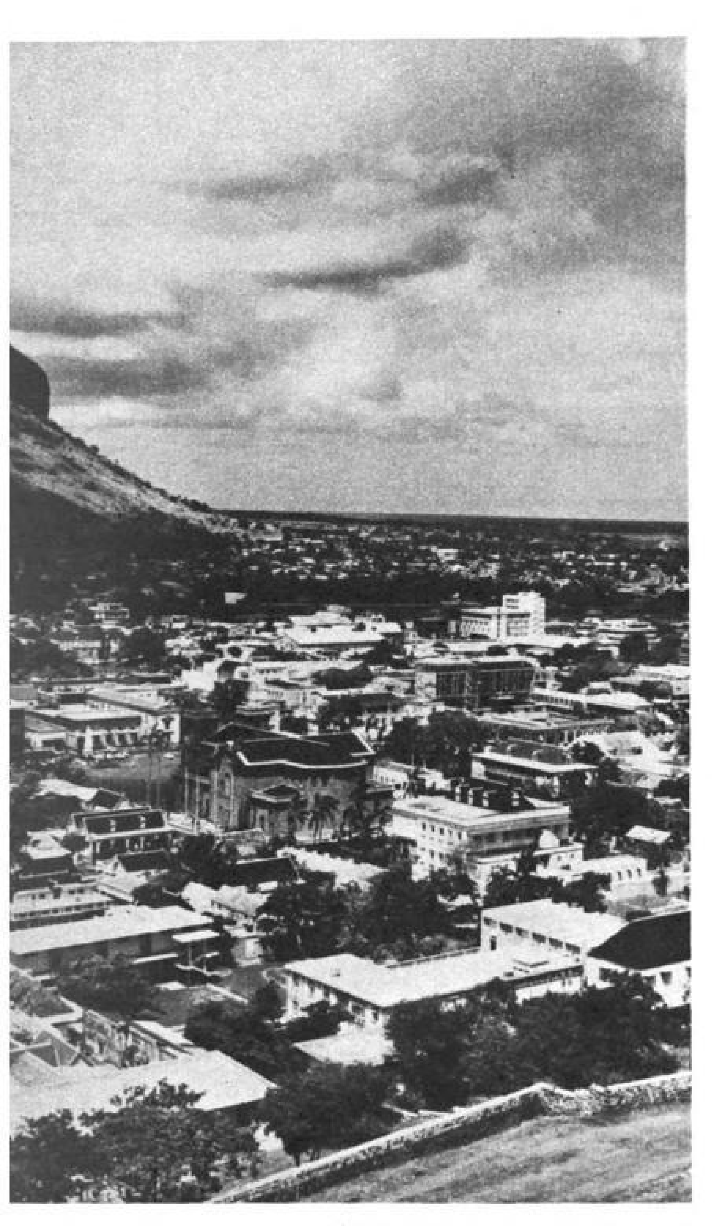
Выступает сводный полицейский оркестр, музыканты которого одеты в плотные костюмы с отделкой из леопардовой шкуры, в высоких меховых шапках, от одного вида которых становится еще жарче. Это дань английской традиции. Точно такие же представления я видел во всех странах, где пришлось присутствовать на провозглашении независимости.

Как-то не очень торжественно проходила церемония спуска и подъема флага. Обычно всюду это делалось ровно в полночь. Неожиданно гасли огни на стадионе, и «Юнион Джек», как называют английский флаг, в полной темноте, будто стыдясь позора, спускался вниз. Потом вспыхивали прожектора, и в их голубовато-фосфоресцирующем свете торжественно поднимался к вершине древка флаг нового государства. Гремел салют, взлетали в небо огненные шары фейерверка. Рождалась независимость.

На Маврикии все было проще, я бы сказал, будничнее. Старый флаг спустили в двенадцать часов. Затрепетал на легком ветерке новый, и все кончилось, больше вроде и делать нечего. Начали расходиться.

ВСТРЕЧИ, ВСТРЕЧИ...

Провозглашение независимости, как все хорошо понимают, само по себе не решает ни одной сложной проблемы, кроме политиче-

Порт-Луи — столица Маврикия.

В центре столицы.

ской. Для Маврикия, пожалуй, особую остроту представляют проблемы экономические, социальные, расовые. Ведь Маврикий не материк, где люди могут переезжать из провинции в провинцию или даже из страны в страну в поисках работы. Весь остров можно обойти за несколько дней. Рабочие живут трудно, бедно. Профсоюзы ведут борьбу за улучшение жизни, но действия их часто разрозненны. А хозяева, зная, как держатся рабочие за свое место, умело используют это, угрожая локаутами.

На Маврикии была одна-единственная железнодорожная линия длиной сто тридцать два километра. Она и сейчас еще числится во многих справочниках. На самом деле дороги уже нет, три года как нет. Еще сохранились от нее бетонные платформы; на потемневших от дождей и солнца металлических досках виднеются названия станций: Бью Валлон, Мар де Альберт, Нью Грове. Там, где лежало стальное полотно, остался битый щебень, через который проросла жесткая трава. А дороги нет. Скоро трава поглотит последние напоминания о некогда оживленной артерии. Куда же делась дорога? Ведь это не мелочь какая-нибудь! Ее продали американцам на металлолом. Продали все: паровозы, рельсы, вагоны, депо, ремонтные мастерские. Она стала невыгодна. Рабочие требуют повышения зарплаты, нужны расходы на содержание и ремонт. Куда выгоднее использовать для вывозки тростника тяжелые грузовики.

— И вот видите, что получилось?— сказал товарищ Лубеденес.— А ведь на дороге работало более пяти тысяч человек. Представляете, как тяжело им пришлось. Ведь далеко не все могут пойти на плантации, там тоже лишних рук не держат.

Потом я видел мертвые паровозы и вагоны. Они ждали, когда их разрежут на части, погрузят на какой-нибудь транспорт и отправят на переплавку в Цинциннати или Питсбург.

Позже, когда об этом зашла речь среди рабочих, один из них сказал, невесело улыбнувшись:

— Что железная дорога! Продали целый остров. Говорят, что получили сорок миллионов рупий, уступив американцам Диэго Гарсиа, и что эти деньги пошли на нужды народа. Я лично не почувствовал этого. А на острове будут обосновываться американцы: нагонят флот, начнут строительство и превратят Диэго Гарсиа в Окинаву Индийского океана.

Однажды нас пригласили к себе дорожные рабочие. Мы приехали в Роз-Хилл перед обедом. Группа человек в тридцать заканчивала ремонт участка. Окружили нас плотным кольцом, жмут руки, угощают самодельными сигарами из местного табака. Мы просим рассказать их о жизни.

— Какая жизнь?— отвечает мужчина, густо обросший седой щетиной.— Разве это можно назвать жизнью? Бьешься из последних сил, стараешься вырваться из нужды, а она тебя со всех сторон хватает.

— Ну, теперь страна стала независимой, легче станет.

Машут руками:

— Что говорить! Это пока не для нас. Вся независимость — три дня отдыха, а нам и это не на пользу: за праздники не платят.

— Вы же сами боролись за независимость,— говорим мы.

— Верно, боролись. За настоящую независимость, чтобы сами могли распоряжаться хоть чем-нибудь. А пока все остается по-старому, и, наверно, надолго: ни пособия по безработице, ни страхования, ни помощи при болезни. А тут еще беда может свалиться в любой момент: вдруг останешься без работы. Потом рассчитывать на постоянное место уже нечего.

Ари Фарсад Бакори сердито сплюнул на землю, вытер рукавом рваной рубахи лицо, оставив на нем полосы.

— Я вот уже двадцать три года работаю на постоянной работе. Вот на этой. Пожалуй, нет такого уголка на острове, где бы я не ремонтировал дорог. А что заработал? Проносятся по дорогам машины — грузовые, легковые. Будто твоя жизнь проносится мимо.

Ари Фарсад получает в месяц сто сорок рупий (одна рупия — приблизительно 15 копеек). Двадцать пять он платит за жилье («Какое жилье, конура!»), сорок рупий — за учебу детей («Думаю, пусть сам недоем, а детям, пока есть силы, дам поучиться»), потом за свет, за воду. Остаются крохи.

— Как питаемся?— Делает несколько шагов в сторону, достает из брезентовой сумки алюминиевый котелок с крышкой.— Вот, смотрите.

В котелке немного риса, на нем несколько кусочков вареной цветной капусты, все залито острым перечным соусом.

— Да и этого, если по правде, не всегда досыта. Мяса и рыбы месяцами не видим. А бывает, и год пройдет, а ты так и не попробовал мяса.

— Живем на сахарном острове,— добавляет Жозеф Арокьен,— а дети не знают вкуса конфет.

Жозеф — ветеран второй мировой войны, воевал в Северной Африке, в Италии. Он дробит кувалдой камень. Жара. Один раз поднять тяжелую кувалду и то трудно, а тут восемь часов и все время на солнцепеке.

— Сто шестьдесят рупий в месяц стоит такая работа, а у меня куча детей. Обращался в организацию помощи ветеранам, а там говорят: «Связался с красными, пусть они тебе помогают».

Крупный, широкий в кости мужчина обращается ко мне:

— Вот, товарищ, мы тут жалуемся. Жизнь и впрямь не сладкая. Но мы работаем круглый год. А как тем, кто работает только несколько месяцев в году, я уж о безработных и не говорю. Знаете, какая норма у сезонника? Срубить, очистить и перенести к месту погрузки две тонны тростника — семь рупий. Переведите на свои деньги.

— А чего переводить, и так ясно. Беда в том, что и эту работу приходится ждать, ее еще надо получить.

Да, сезон — это несколько месяцев работы. Лакинарен Ситохел, высокий застенчивый парень, окончивший юридический факультет Московского университета, переводит нам с креольского на русский. Он растерян, кажется, впервые почувствовав, что такое настоящая бедность. Сам он тоже не может получить работу по специальности, потому что на Маврикии не признают его диплома. Учился в Москве? Вот если бы в Англии, пусть в самом захолустном учебном заведении, тогда другое дело.

— Но ничего,— говорит Лакинарен,— когда-нибудь признают.

Была и еще одна интересная встреча на Маврикии — с ребятами из организации Ленинской молодежи, которой руководят молодые, энергичные Г. Калимуту и П. Рамлал. Два года назад ленинцы, как они себя называют, показывали мне книжный магазин, торгующий литературой социалистических стран. Они создали тогда курсы по ликвидации неграмотности, проводили сеансы советских кинофильмов, сами распространяя на них билеты по городу. У них была хорошая выставка, посвященная странам социализма. Теперь они открыли народную школу, и ее директором стал Покунлал Рамлал, выпускник Московского университета. Советская молодежь и Комитет солидарности стран Азии и Африки подарили школе две лаборатории — физическую и химическую, и теперь молодежная школа, в которой учится более трехсот парней и девушек, оснащена лучше любой другой школы города.

П. Рамлал организовал здесь и курсы русского языка.

— Сначала было мало ребят,— говорит он,— а сейчас просто отбоя нет от желающих учить русский.

В некоторых газетах Рамлала обвинили, что он якобы занимается «коммунистической пропагандой», а он потом в большом интервью для печати дал достойную отповедь клеветникам и рассказал о дружбе, которую поддерживает молодежь Маврикия со всей демократической молодежью мира.

...Таким я увидел Маврикий — сложный, трудный, борющийся, надеющийся на будущее. И, может быть, поэтому у меня пропало желание писать про экзотику.

Демонстранты с красными флагами собрались в Бонне у памятника Бетховену. Они прибыли издалека, чтобы бросить свой протест в лицо боннским властям. Население ФРГ не хочет чрезвычайных законов.

Фото ЮПИ.

Владимир МИХАЙЛОВ

БОНН — ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

...Она стоит на белой черте, разделяющей дорогу. Одно неосторожное движение, и можно попасть под колеса автомобилей, несущихся по обе стороны шоссе навстречу друг другу. Удивленные отвагой девушки, водители притормаживают, и она сразу же протягивает им какой-то листок. Пробираюсь сквозь лабиринт машин.

Девушка и мне дает розовый листок. На нем воззвание к гражданам подняться на защиту демократии.

— А не страшно? Ведь могут задавить? — спрашиваю девушку.

— А во Вьетнаме разве не опасно?! — бросает она.— Надо действовать, пока не поздно! Не ждать же, когда чрезвычайными законами задушат демократию...

Кажется, что эти гремящие железные потоки сотрут в порошок эту маленькую Жанну д'Арк из рурского города Дуйсбурга. Анна-Мария — одна из сотен тысяч идущих сейчас в поход против неофашизма и военной диктатуры. Они будят спящих, вселяют веру в неверящих, зовут к действиям медлящих!

Покушение неофашистов на студенческого вожака Руди Дучке вызвало первое стихийное выступление молодежи и жестокую полицейскую расправу. Во Франкфурте я был свидетелем начала одной из сотен таких демонстраций. Одна из центральных улиц города разделена стеной проволочных заграждений. Они в шесть рядов двухметрового роста. За ними стенка из металлических решеток, а дальше ряды пеших и конных полицейских, водометные машины. В город стянуто свыше трех тысяч полицейских, введены отряды жандармерии, оснащенные тяжелым оружием. Есть сообщения, что приведены в боевую готовность части пограничных войск бундесвера.

Колонны застывают перед проволочным валом. За ним, расставив ноги, с дубинками в руках стоят полицейские. Нервно гарцуют жандармские кони.

— Друзья! — обращается к демонстрантам один из молодых людей.— Правительство сосредоточило крупные военные силы. Оно думает, что мы дадим повод для побоищ. Мы же хотим лишь воспрепятствовать распространению в стране клеветнических изданий газетных концернов Шпрингера. Сейчас все улицы вокруг издательства перекрыты полицией. Мы их перекроем со своей стороны. Мы не допустим выезда грузовиков с газетами.

Перед проволочными заграждениями несколько сот человек располагается прямо на мостовой. Вперед с микрофоном выходит юноша, и начинается дискуссия о том, что дала бы национализация концерна Шпрингера и как ограничить власть монополий вообще. Заседание необычного политического университета внезапно обрывается. Из переулка выскакивает юноша. С одежды ручьями льется вода: «Товарищи! На Шпеерерштрассе полиция уже бьет демонстрантов. Пущены в ход водометы. Есть раненые. Нужна поддержка!»

Улица вдоль высокой железнодорожной насыпи забита народом. Парень лет 20, бледный, с широко раскрытыми глазами, прерывающимся голосом рассказывает другим: «От удара по голове я сразу потерял сознание...» В другой группе откуда-то появляется кулек лимонов. «От слезоточивых газов хорошо помогает»,— говорит один из раздающих лимоны.

Вдруг толпа замирает. «Идут, идут!» — раздаются впереди крики. Я вижу несущихся навстречу жандармов. Они врезаются в толпу, топчут людей лошадьми, бьют наотмашь двухметровыми дубинами. Люди бегут, кто-то падает. Жандарм с остервенением бьет лежащего. Несколько человек бросаются на выручку, стаскивают жандарма с лошади. Вскачь несутся новые отряды, с присвистом, как мясники, жандармы бьют дубинами. Храпят лошади. Крики, стоны.

Мимо меня бежит окровавленный мужчина. Крики мечущихся раздирают ночную тишину. Мой знакомый тянет меня за рукав: «Скорее, скорее нужно уходить отсюда!» Откуда-то двое парней тащат свиток колючей проволоки — видимо, они вырвали его из полицейских заграждений. В один миг они перегораживают улицу. Жандармские кони попадают в ловушку. Летит один жандарм, другой.

Где-то далеко завыли сирены «Скорой помощи». Мимо меня пробегают люди. До меня доносятся обрывки фразы: «Видел, как его изувечили, наверное, не выживет...»

— Они придут еще! — кричит кто-то рядом.

И никто не расходится.

Тревожная весна переросла в тревожное лето. В мае волна гнева ударила о стены Бонна и захлестнула его. Здешние старожилы не помнят такой грандиозной демонстрации, каким был антивоенный поход на Бонн.

Этот поход, по сути дела, был народным референдумом против чрезвычайных законов, а его участники говорили: «С нас хватит одного Гитлера!»

У главного подъезда бундестага толпится народ. Охранники оттесняют напирающих.

— Куда? Сюда нельзя!

— Но мы же приехали издалека! — раздраженно кричит какая-то женщина.— Хотим видеть своих депутатов!

— Депутатов ждите на улице. Если выйдут, попытайтесь их поймать.

А в самом бундестаге тем временем уже кипели дебаты.

— Господа депутаты, народ хочет и имеет право знать, кто и как голосовал в этом жизненно важном вопросе. Поэтому мы настаиваем на поименном голосовании!

Но тщетно заклинает представитель оппозиции. Господа депутаты из коалиционных правящих партий боятся гласности. Поднимая руки за чрезвычайные законы, они все же не хотят оставлять свой след, будто это может спасти их от осуждения истории. Но больше всего их страшит осуждение современников.

Это проскальзывает в короткой реплике депутата от партии Кизингера — Штрауса: «Нельзя этого требовать, когда за стенами парламента атмосфера накалена до предела».

Власти спешат похоронить западногерманскую конституцию, будто, прогнав чрезвычайные законы через парламент, они смогут преодолеть сопротивление народа.

Глухое недовольство обрушивается сейчас прежде всего на вожаков социал-демократической партии. От партии Кизингера — Штрауса ничего иного не ожидали: она как партия капитала была инициатором чрезвычайных законов. Но в отношении социал-демократических руководителей существовали еще надежды. Избиратели, партийные организации на местах и прежде всего профсоюзы в телеграммах, письмах заклинали социал-демократических депутатов не делать роковой шаг, не голосовать за военные законы.

— Сейчас еще трудно представить, сколь велик вред, нанесенный нашей партии и вообще рабочему и демократическому движению Федеративной республики в результате соглашательской политики,— говорил мне на днях один из руководителей западногерманских профсоюзов.— За большую коалицию мы уже расплачиваемся поражениями на выборах. Чрезвычайные законы могут кончиться военным переворотом.

Никогда за все послевоенные годы процесс поляризации политических сил Западной Германии не шел так бурно, как этой весной и летом. Когда по улицам западногерманских городов идут антивоенные выступления, в штаб-квартирах бешеных от политики — промышленников и генералов — разрабатывают различные варианты на будущее. Почуяв, куда дует ветер, главарь неофашистов все чаще и чаще употребляет формулировку: «Вот если бы я был канцлером...»

Да, фашисты чувствуют себя прочно на ногах. Их фюрер фон Тадден говорит: «Национал-демократическую партию уже нельзя запретить».

Сильные мира сего с благосклонностью относятся к участию неофашистов в травле демократов. Черно-коричневый фон приобретает все более ясные очертания.

Бонн, по телефону.

Так мы выглядели сначала...

Все с иголочки...

А теперь мы вот какие!

К. ЧЕРЕВКОВ, Н. АНАНЬЕВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Удивительно разношерстный народ эти призывники. «Форма одежды» — сплошное противоречие: кепки, шляпы, щегольские ботинки и спортивные кеды, короткие модные пальто и ватники. Одни уже острижены под нулевку — только уши торчат, а у других вьются по ветру доживающие последние минуты экстрамодные прически. То и дело распахиваются настежь ворота, впуская команды, прибывающие одна за другой.

— Откуда, хлопцы? — встречают их «старожилы» сборного пункта, те, кто провел здесь уже день-два, успел осмотреться.

— Волгари — костромские и сызранские...

— А мы псковские...

— Горьковские есть?

— Есть. Из Арзамаса...

— С Урала-то кто будет?

Всего несколько дней как из дома ребята, а уж соскучились, ищут земляков.

Новобранцы не спеша направляются в глубь двора, располагаются, складывают свои чемоданчики, рюкзаки. Кое-кто тут же открывает чемоданы и начинает закусывать, ну прямо-таки как первоклассники на первой переменке. Громкий смех, бренчание гитар, песни под гармошку. Однако все стихает, как только слышится поверка:

— Никоноров Петр Федорович!

— Я!

— Любомиров Иван Трифонович!

— Я!

Офицеры по списку четко вычитывают фамилии тех, кто через час-два отправится в части для прохождения воинской службы.

Новобранцы волнуются: куда направят? Но это пока известно только их будущим начальникам. А ребята, естественно, пытаются угадать:

— Наверное, тут, в Ленинграде останемся...

— Почему это ты так думаешь? Вчера вот, например, отправляли в Минск...

— По двое — становись! — раздается команда.

Подполковник Д. И. Александров здоровается с ребятами, сообщает, что в частях, где им предстоит служить, их ждут с нетерпением.

— А банька будет? — раздается веселый вопрос.

— Разумеется, это уж первым делом!

Быстро разобрались по машинам, и колонна тронулась в путь. Ехали по тем местам, где отцы и братья нынешних призывников остановили врага, не пропустив его в город Ленина. Машины идут мимо Марсова поля, где на граните меж могил героев революции ветер раздувает яркое пламя вечного огня.

— «Аврора»! «Аврора»! — кричат новобранцы. Многие из них видели легендарный крейсер лишь на фотографиях да на картинах, а вот теперь — настоящий!

Дорога позади. Прибыли в часть. На плацу гремел оркестр. Здесь уже выстроился весь личный состав: на правом фланге в парадной форме — подтянутые, прошедшие воинскую выучку солдаты; слева встали новобранцы в пестрой штатской одежде.

Перед строем — командир полка, бывалый воин, грудь его украшают боевые ордена. Под звуки оркестра торжественно проплывает знамя полка, защищавшего подступы к Ленинграду. Командир сердечно поздравляет новое пополне-

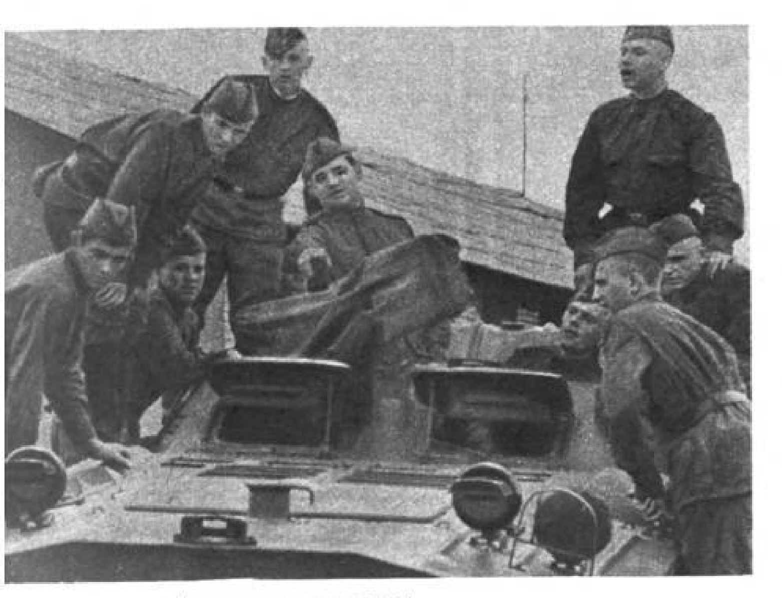
ЕСТЬ СТАТЬ В СТРОЙ!

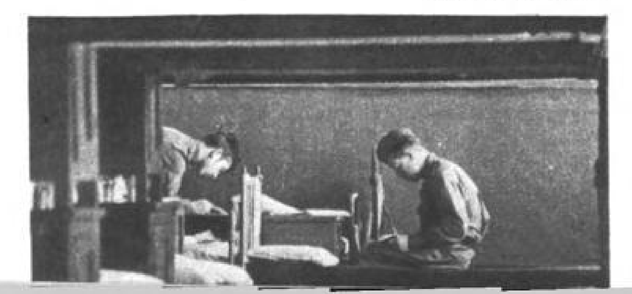
Прощайте, кудри молодецкие!

Учимся отдавать воинское приветствие.

Солидная штуковина!

Пишем письма...

Попрыгаем...

Вахтанговцы на аэродроме.

ПОРА ГАСТРОЛЕЙ

- НА ДВУХ ФЕСТИВАЛЯХ
- ЯПОНИЯ РУКОПЛЕЩЕТ
- ИЗ ЛУГАНСКА В ЛАТИНСКУЮ АМЕРИКУ
- РУССКАЯ ПЕСНЯ В АНГЛИИ И ИРЛАНДИИ

«Лето — пора гастролей» — уверенно и бодро поставила я заголовок и собралась излагать материал, но тут... Но тут произошло сопротивление материала.

Лето! Это, стало быть, с 1 июня по 1 сентября. А как же быть со всеми поездками, что были до тех пор и будут после?..

Лето! Да, за прошедшие 5 месяцев советские артисты уже проделали столько витков вокруг земного шара, что никакое самое грандиозное бюро путешествий за ними не угонится. А маршруты?!. Даже пресловутая контора Кука, о географическом размахе которой так весело когда-то написал Маршак, покажется захолустным экскурсионным бюро.

В Таджикистан возвращается из Афганистана Театр имени Лахути, а в это время их земляки — артисты Музыкального театра имени Айни — отправляются на Урал и в Сибирь. Туда же поедет и Киргизский театр. Актеры Молдавии держат путь в Белоруссию и Ленинград. А гастроли их азербайджанских коллег объявлены во Франции.

Всего на две недели покидал Театр имени Вахтангова родной Арбат, а пожал за это время лавры двух фестивалей. Первый — Вена — Международный фестиваль, посвященный итальянскому театру масок. Сколько веселья, смеха принесли сюда очаровательная Принцесса Турандот и хитроумные мудрецы дивана! Почти полвека прошло с тех пор, как умирающий Вахтангов — словно завещание последующим поколениям — оставил этот спектакль, солнечную, искрящуюся Турандот. И за все эти годы она не постарела, не угомонилась, не поблекла и по-прежнему несет радость людям.

Второй фестиваль — в Цюрихе — «Живой труп». Впервые зрители Швейцарии принимали советский театр, впервые слушали в подлиннике Толстого, и здесь успех превзошел все ожидания.

...Кажется, это было совсем на днях: ленинградцы радостно встречали свой балет, возвращающийся после триумфальных гастролей в ОАР. Сейчас уже посланники Терпсихоры с берегов Невы завоевали сердца зрителей ФРГ... Это труппа Театра имени Кирова. А молодого ленинградца победителя III Международного конкурса имени Чайковского, пианиста Григория Соколова, слушает Токио. В концертах, которые проходят с огромным успехом, выступают Государственный симфонический оркестр под управлением Евгения Светланова и Максима Шостаковича и любимец японских слушателей Леонид Коган.

В Японию второй раз поедет МХАТ, поездка состоится осенью. Вслед за ними там побывает и Краснознаменный имени А. В. Александрова ансамбль песни и пляски, который может составить карту кругосветных путешествий по своим поездкам.

Пожалуй, не менее интересная карта получится и у Ансамбля украинского народного танца под руководством Вирского, у «Березки» и хора Пятницкого, Ансамбля народного танца СССР и Мюзик-холла... Право, стоит пожалеть, что ярлыки с указателями места назначения принято приклеивать к чемоданам, а не к афишам!

Но мы начали свой репортаж разговором о маршрутах искусства — о больших его дорогах, о многообразных путях. А они идут и к районному Дому культуры, и к дощатому помосту на полевом стане, и к лучшим театральным и концертным залам мира!..

На днях мы позвонили в Луганск. Там заканчивал гастроли Московский музыкальный театр имени народных артистов К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

Главный режиссер театра Лев Дмитриевич Михайлов сказал:

— Эти гастроли для нас — как бы итог работы коллектива за прошедшие 50 лет. Ведь наш театр почти ровесник революции — основан в 1918 году. Среди спектаклей, которые мы показали здесь, в Донбассе, две постановки принадлежат создателям нашего театра. Это «Евгений Онегин» Станиславского и «Перикола» Немировича-Данченко. И каждое поколение артистов считает за честь войти в эти спектакли. В поездке, которую мы рассматриваем как рапорт крупнейшему промышленному району страны, 360 человек: опера, балет, оркестр... Параллельно с Луганском мы выступаем в Коммунарске, Кадиевке, Красном Луче, Северо-Донецке, даем концерты на шахтах, в домах культуры, на заводах, в цехах...

В Луганске закончились гастроли 2 июня. После этого путь 70 актеров театра лежит в Латинскую Америку. Там будут показаны «Лебединое озеро», «Корсар», «Айболит» и три программы одноактных балетов.

...В дни, когда будет отмечать вековой юбилей украинский оперный театр, своим творчеством будет его приветствовать старший и старейший собрат, Малый театр. Встреча Киева с мастерами московской сцены произойдет в первый месяц лета; в то же время замечательным искусством советских артистов будут наслаждаться Прага, София, Берлин, Варшава, Бухарест... В Англии под аккомпанемент балалаек и баянов поют русские народные песни Людмила Зыкина и певцы Большого театра: Иван Петров, Валентина Левко, Александр Ведерников, Тамара Сорокина, Евгений Райков. Затем их услышит Ирландия. Италия аплодирует композитору Родиону Щедрину и ленинградскому симфоническому оркестру. Фестивали в Вене, ФРГ, Зальцбурге ждут прославленных советских музыкантов: Святослава Рихтера, Игоря Ойстраха, Дмитрия Башкирова и многих других...

Я как-то пыталась, а руководители Госконцерта всемерно помогали мне в этом, уточнить все географические точки, где в течение одних суток выступают посланцы Советской страны. Однако перечень превзошел возможности тонкого журнала.

Поистине не будет преувеличением сказать, что весь мир аплодирует замечательным советским мастерам.

И. ВЕРШИНИНА

ние с благополучным прибытием и желает молодым воинам успешного продолжения боевых традиций прославленного полка.

Под звуки марша личный состав полка торжественным маршем проходит мимо новобранцев. Те заметно удивлены: не ожидали, видимо, такого торжественного приема. В их честь целый парад! И, глядя на чеканящие шаг стройные ряды, они видят уже и себя такими в недалеком будущем.

Торжественный ритуал закончился весьма прозаичной командой: «В баню!»

Долгонько парились новобранцы, из парилки доносился радостный гогот и звонкое шлепанье веников по могучим спинам.

А после бани предстояло занятие не менее интересное — облачение в новое обмундирование. Когда все было подобрано по росту и ребята приобрели должный воинский вид, произошло нечто неожиданное — вдруг перестали узнавать друг друга: все стали одинаковые. Впрочем, с новобранцами всегда так бывает, но это ненадолго — дня через два-три привыкнут, и все войдет в свою колею.

В казарме шумно — истинное новоселье.

Вот суетятся у коек братья-близнецы горьковчане Сергей и Александр Коноплевы. Их только что зачислили в одно отделение. Все как дома — и койки рядом и тумбочки. На сборном пункте братья казались несколько хрупкими, слабенькими, а в форме как-то сразу возмужали и ростом вроде стали повыше. Дома у них большая семья — отец, мать, два брата, сестра. И Коноплевы спешат послать первую весточку, сообщить родным свой новый адрес.

В одном взводе с ними Борис Фролов, котельщик судоремонтного завода в Новой Ладоге. Отец его воевал в Сталинграде, участвовал в штурме Берлина.

— Папа меня предупреждал,— говорит Борис,— что первое время скучно будет. Пока что-то не ощущаю этого.

Да, скучать ребятам не приходится — просто некогда. Все ново, все неизведанно, и дел хоть отбавляй: погоны надо точно пришить, воротнички подогнать. На помощь приходят старослужащие: Дмитрий Соколовский садится за швейную машину, и все с интересом наблюдают, как ловко он пришивает погоны.

Альберт Ряшко из поселка Ставрово, Владимирской области, уже справился с воротничком и теперь занялся другим весьма важным делом — пишет письмо своей жене Капе.

Командиры знакомятся с новым пополнением. Офицеры-политработники Н. М. Ялыныч и В. Г. Комаров беседуют с ребятами. Вот сын колхозника Николай Шаров. Он окончил восьмилетку и электротехническое училище, работал электромонтажником, электрифицировал села Костромской области. Борис Фролов окончил 9 классов и двухгодичное речное училище.

— Сейчас мы принимаем отличных, всесторонне развитых ребят,— рассказывает командир части.— Более 95 процентов нового пополнения имеют образование не ниже восьмилетнего, значительная часть училась в профтехнических школах, многие работали на заводах, стройках, учились водить автомашины, мотоциклы, могут работать радистами. Широк и политический кругозор призывников.

За окном еще светло — скоро белые ночи. Первый день подходит к концу. Устали. Поволновались. Остается последнее трудное дело: надо научиться складывать обмундирование, да так, чтобы не помялось, а главное, запомнить, где что лежит. Вдруг боевая тревога! Но с этим тоже управились. Теперь можно и отдыхать.

Завтра начинается первый день уже настоящей солдатской службы...

„ОГОНЬКУ" СОО

1

НА СТАПЕЛЕ — «КОМСОМОЛЕЦ ЛЕНИНГРАДА»

Маленькая комнатка набита битком. В металлических касках, брезентовых куртках — прямо со стапеля — пришли молодые строители Балтийского завода в штаб шефства над строящимся танкером. Стол завален письмами с фирменными штампами многих заводов, на стене белый лист ватмана, по которому бегут разноцветные линии. Начальник штаба Антон Грудницкий говорит по телефону — советует кому-то поэнергичней вмешиваться в дела самому, а не надеяться на помощь других...

А дел у штаба уйма. «Комсомолец Ленинграда» — огромный танкер. Его оснащают заготовками и оборудованием сотни предприятий страны. И почти все они под неослабным контролем молодых рабочих, инженеров, техников.

Новый корабль балтийцы сооружают трехостровным методом. Это значит, что танкер заложили на стапеле одновременно в трех местах: кормовую часть, середину и носовую часть. Фронт работ увеличился, а цикл стапельных операций резко сократился. Но трехостровной технологический процесс требует исключительной четкости в снабжении материалами и заготовками. Вот за это и взялись комсомольцы. Молодые судостроители хотят отправить подшефный им танкер в первый рейс накануне юбилея Ленинского комсомола.

В то время, как одни трудятся на стапеле, другие собирают металлолом, участвуют в субботниках; уже известно, куда пойдут деньги: комсомольцы решили купить для танкера библиотеку, цветной телевизор, пианино. Однажды кто-то предложил выкроить хотя бы маленькое помещение под корабельный музей, который будет рассказывать об истории Ленинградской комсомольской организации. Ребята собрали документы, снимки, книги...

К. ПЕТРОВ

Фото Н. Ананьева.

2

ВНУЧКА ДИВИЗИИ

Восемь лет тому назад в Кабардинке, пионерском лагере под Новороссийском, русские ребята встретились с вьетнамскими. На вечере дружбы к Тане Жилиной подошел черноволосый подросток и спросил:

— Ты откуда, девочка?

— Из Сочи.

— Я переписываюсь с пионерами из Сталинграда и Берлина. Будешь отвечать на мои письма?

Так завязалось это знакомство.

Мать Тани, Юлия Андреевна Жилина-Белова, фронтовичка, попросила у Фан Ван Хапа разрешения считать его своим сыном. Юлия Андреевна — ветеран прославленной Двадцатой дивизии, оборонявшей перевалы Кавказа. И на встрече однополчан она назвала Хапа сыном этой высокогорной дивизии.

Прошли годы. Хап стал кандидатом физико-технических наук, великолепно овладел русским языком, чудесно перевел на язык своей русской матери знаменитые стихи То Хыу «Мама».

Когда у Хапа родилась первая дочь, он назвал ее Россией, а ветераны Двадцатой дивизии считают ее теперь своей внучкой.

Ф. ВИНОГРАДСКИЙ

На снимках: военный врач-хирург, ветеран Двадцатой дивизии Юлия Андреевна Жилина-Белова — русская мать вьетнамского сына.

Фан Ван Хап, его жена Даунда (Ясный месяц) и дочь Россия.

3

БОЕВОЙ ТАЛИСМАН

Случилось это 17 марта 1943 года на фронте под Старой Руссой. Пилоту Николаю Григорьевичу Потаскаеву было дано задание: на самолете «ПО-2» вывезти из немецкого тыла тяжелораненых партизан. Одновременно надо было доставить партизанам боеприпасы и медикаменты.

Раненых было немало. Пришлось совершить несколько рейсов. И вот когда Николай Григорьевич Потаскаев уже в пятый раз возвращался на свою территорию, на рассвете при подходе к линии фронта его самолет обнаружили вражеские зенитчики. Летчик был тяжело ранен. По счастливой случайности пуля миновала сердце. Дело в том, что на пути разрывной пули оказалась боевая награда пилота — медаль «За отвагу». Она-то и отвела смертельный удар.

Несмотря на тяжелое ранение и большую потерю крови, у Николая Григорьевича все же хватило сил и мужества провести самолет через линию фронта и посадить его на своей территории. Задание командования было выполнено. Все семь человек, находившиеся в самолете, остались живы.

Выписавшись из госпиталя, Н. Г. Потаскаев снова отправился на фронт. Еще не раз был он ранен, но в госпиталях не залеживался: Николай Григорьевич сражался с фашистами до самого конца войны.

Теперь бывший военный летчик Н. Г. Потаскаев работает в Министерстве сельского хозяйства СССР.

А. ПУЗАНОВ

4

ОТ СЕМИ ДО СЕМИДЕСЯТИ

То и дело слышишь: «Не изобретайте велосипеды!» Дескать, это давно сделано Артамоновым, а через несколько лет после него — бароном Драйса... То ли не знал этого кандидат технических наук Б. Л. Меркулов, то ли просто не прислушался к советам, но начал однажды ладить веломашину. А недавно позвонил мне: «Хотите покататься?»

Сам я не рискнул воспользоваться экспериментальным и пока единственным экземпляром оригинального и весьма полезного велосипеда-самоката, но с удовольствием смотрел, как автор раскатывает на нем, конкурируя в скорости с обычными велосипедистами, ловко лавирует в автомобильном потоке.

Но такие вот гонки не основное назначение новой машины. Простая в управлении, она дает нагрузку мышцам рук. Велосипед удобен для тренировок лыжников, в какой-то мере полезен, видимо, и гребцам. Но еще более необходим он тем, кто хотел бы совершать небольшие летние путешествия,— есть для этого у машины даже небольшой багажничек. А пользоваться таким велосипедом при самом незначительном навыке сможет и школьник и человек пожилой. Жаль вот только, что сейчас такая машина в одном экземпляре. Пора бы подумать о размножении авторского оригинала в сотнях улучшенных копий.

К. КОСТИН

Фото автора.

5

ГАЗЕТА, ПРОЧИТАННАЯ ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

...Колхозный тракторист вспахивал целинный участок поля недалеко от грузинского села Ливади. Неожиданно в борозде блеснул металл. Это оказались куски разбитого стереотипа. В Институте истории партии при ЦК КП Грузии стереотип восстановили и сделали оттиск. На свет вновь появилась четвертая страница номера «Окопной правды» от 14 июля 1917 года.

Газета «Окопная правда» в это время издавалась в Риге Центральным комитетом социал-демократии Латышского края. И хотя выходила она легально, неоднократно подвергалась преследованиям со стороны Временного правительства за то, что пропагандировала на своих страницах большевистские лозунги. Пока неизвестно, как попал этот стереотип на Кавказ. На «Окопной правде» дата — 14 июля 1917 года. А 3 июля в Питере началась грандиозная антиправительственная демонстрация. После разгрома демонстрации непокорные войсковые части по приказу Керенского были выведены из Петрограда и брошены на фронты. 18 тысяч солдат — участников демонстрации, среди которых были и латышские стрелки, попали на Кавказский фронт. А с ними, вероятно, и этот самый газетный стереотип.

И. МЕСХИ

6

НЕРОВНОЕ РОВНОЕ

Интересно, кто назвал эти места ровными? И почему? В шутку, что ли? Кладовая серо-розового гранита, которая находится в двадцати километрах от Приозерска, города на Ладоге,— это нагромождение скал, замшелых, покрытых цепкими сосенками.

Именно здесь семь лет назад начал вырастать благоустроенный рабочий поселок Ровное. А вместе с ним появились и корпуса одноименного предприятия по добыче и переработке гранита.

В здешних местах бытует такая легенда. В первые годы Великой Отечественной войны на территории этого предприятия будто бы находился лагерь советских военнопленных. По приказу Гитлера они должны были изготовить гранитный обелиск в честь планировавшейся победы гитлеровских войск под Москвой. Чем окончилась эта затея бесноватого фюрера, известно всем. А вот куда девались гранитные блоки, заготовленные для того монумента? Словом, про те блоки точно не знаем — легенда ведь! — а вообще карельский гранит — это парапеты почти всех ленинградских мостов, постаменты памятников в том же Ленинграде, Мурманске и Пятигорске, Риге и Астрахани. Наконец, облицовочные плиты из карельского гранита украшают в Москве станции метро, высотное здание на Смоленской площади, лестницы и вестибюль Дворца съездов.

Вот он какой, карельский гранит.

Добывают его в Ровном взрывами. Каждый такой мирный взрыв дает выброс — 80—90 тысяч кубов горной породы. А хватает ее ровненским гранитчикам всего на полмесяца. И здешние плановики подсчитали: если бы продукцию, отгруженную гранитчиками с 1961 года, когда был пущен завод, и до конца года минувшего, юбилейного, разместить в одном составе, он протянулся бы от Ленинграда до Улан-Удэ.

П. ТЕРЕШКОВ

На снимке: вот какое оно, Ровное.

Фото В. Кузьмина.

Б Щ А Ю Т...

1

4

2

ОКОПНАЯ
ПРАВДА
РАБОЧИМЪ и СОЛДАТАМЪ

5

3

6

Ольга ЛЕПЕШИНСКАЯ,
народная артистка СССР

Необыкновенный балет

Фото Е. УМНОВА.

Думается, подлинная удача этого поистине необыкновенного балета прежде всего в том, что характер Спартака в нем живой, лишенный плакатной банальности. «Спартак» на сцене Большого театра — это спектакль высоких человеческих страстей, большого эмоционального накала.

Талантливый балетмейстер Юрий Григорович, создавая спектакль о Спартаке, не побоялся показать своего героя человеком страдающим и любящим. И вместе с тем Спартак предстает как полководец, герой, чья исключительность ставит его во главе народа, борющегося за свободу.

Спартак возникает в двух качествах — и как фигура конкретно-историческая и как обобщенный образ народного вожака, возглавляющего освободительную борьбу. Балетмейстер раскрывает не только целеустремленную, мужественную силу Спартака, но и его величие, чистоту и вместе с тем наивную доверчивость.

Великолепно сделана картина, в которой Спартак щадит Красса. Не глядя на патриция, резким движением руки, в которой зажат короткий меч (до этого на сцене происходил бой, и в нем Спартак одержал победу), Спартак отпускает Красса. Гордый патриций принимает дарованную ему жизнь, как пощечину. Но, предпочитая позор смерти, исчезает.

В спектакле точно разграничены плебейский и патрицианский Рим. В равной мере Ю. Григоровичу удалось выразить оригинальными, пластическими средствами блестяще написанные Хачатуряном музыкальные характеры-образы, выразить приподнятую тему Спартака — его борьбу, благородство, любовь, выразить тяжелую, пышную, злую тему Красса, в конце концов торжествующего свою победу.

Сделано это масштабно, крупными мазками. Причем балетмейстер не стремится все объяснить зрителю. Зритель сам домысливает, если можно так сказать, происходящее, пропускает действие через призму собственных ощущений, собственного сознания...

Мне не хотелось бы сравнивать эту постановку с теми двумя, что уже были осуществлены на сцене Большого театра. Хотя и там, конечно, были свои находки. Можно вспомнить хотя бы превосходно сделанный у Игоря Моисеева цирк (этой картины нет в новой редакции); живые барельефы Л. Якобсона, воспроизводившие скульптурные группы и фризы Древнего Рима.

Героическая трагедия, относящаяся к временам античности, заново прочтена нашими современными мастерами: композитором Арамом Хачатуряном, балетмейстером Юрием Григоровичем, художником С. Вирсаладзе, дирижером Г. Рождественским и всеми артистами, участниками спектакля,— с позиций острой современности.

Именно поэтому балетмейстер и не стремится к систематическому пересказу событий, передаче всех перипетий борьбы. Напротив, спектакль изобилует мыслью — танцами-монологами, в которых при тщательной пластической и хореографической лепке образов раскрывается самое характерное и значительное для каждого героя.

Форма спектакля удивительна как раз своим пониманием современного восприятия, учетом особенностей этого восприятия. Я бы сказала, что форма эта полна доверия к зрителю как еще одному участнику и создателю балета. Между зрителем, балетмейстером и исполнителями возникает таким путем незримая, но прочная связь. И она длится на протяжении всего представления.

Новаторство Ю. Григоровича не только в смелом композиционном построении спектакля. Оно дает себя знать и в пластическом решении образов. Оставаясь в общем-то в рамках выразительных средств классического балета, балетмейстер в то же время очень строго отбирает для каждого исполнителя свои средства, обобщает и развивает их. Это и помогает созданию пластически законченных, остро выразительных хореографических образов, полностью решаемых средствами танца.

Я не знаю, применялся ли в римских легионах «гусиный шаг». Но когда этим шагом шествуют легионеры Красса, вспоминаются документальные кинокадры — марширующие эсэсовцы. И за этим закономерно встает целая цепь ассоциаций, приближающих давние исторические события к современности.

На подобных пластических решениях, способных будить наши ассоциации, в балете построено многое. И это тоже дает убедительный повод говорить о новаторстве балетмейстера.

Григорович на редкость органично сочетает традиции и новаторство. Необычайно богата его танцевальная лексика, ее полифоническое звучание. Самой высокой оценки достоин кордебалет Большого театра, особенно его мужской состав. Кстати, этот спектакль окончательно утверждает мужской танец — его блеск, красоту, эмоциональность,— ставя его на одну ступень с танцем женским.

Григорович нашел блестящих исполнителей главных ролей. В первую очередь это относится к центральным фигурам — В. Васильеву

1	Спартак и Фригия — заслуженные артисты РСФСР В. Васильев и Е. Максимова.
2	Танец пастухов.
3	Танец патрицианок.
4	Эгина — народная артистка РСФСР Н. Тимофеева, Красс — М. Лиепа.
5	Танец патрициев.
6	Красс — М. Лиепа.
7	Спартак — М. Лавровский. Сцена из балета.
8	Спартак — В. Васильев, Фригия — Е. Максимова.
9	Финальная сцена балета.

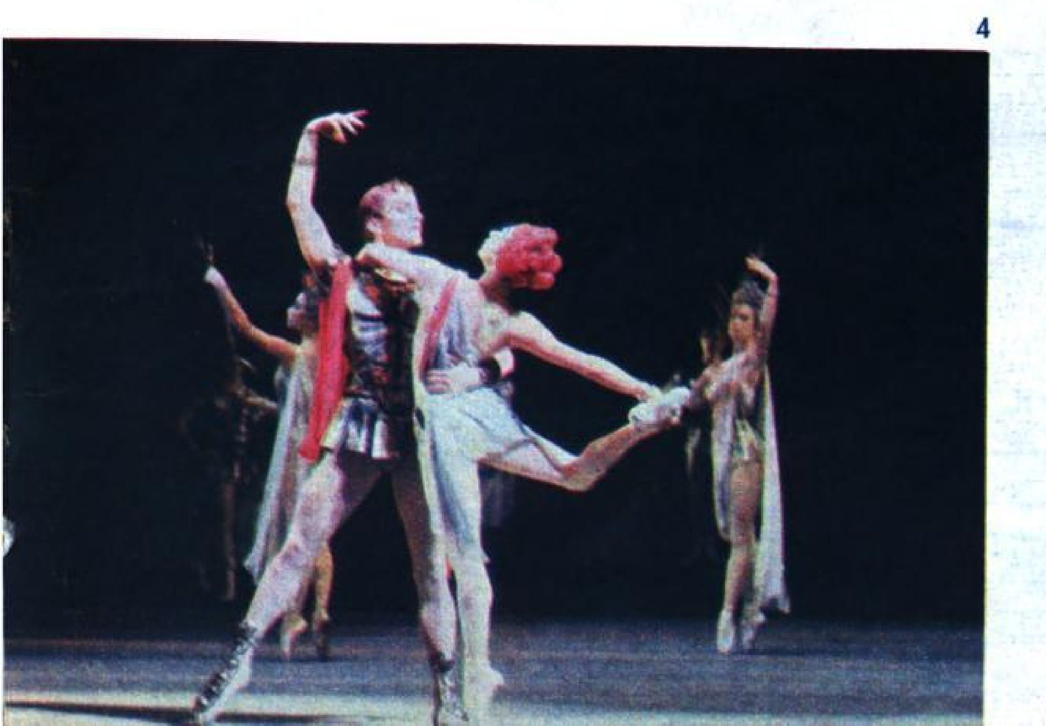
1

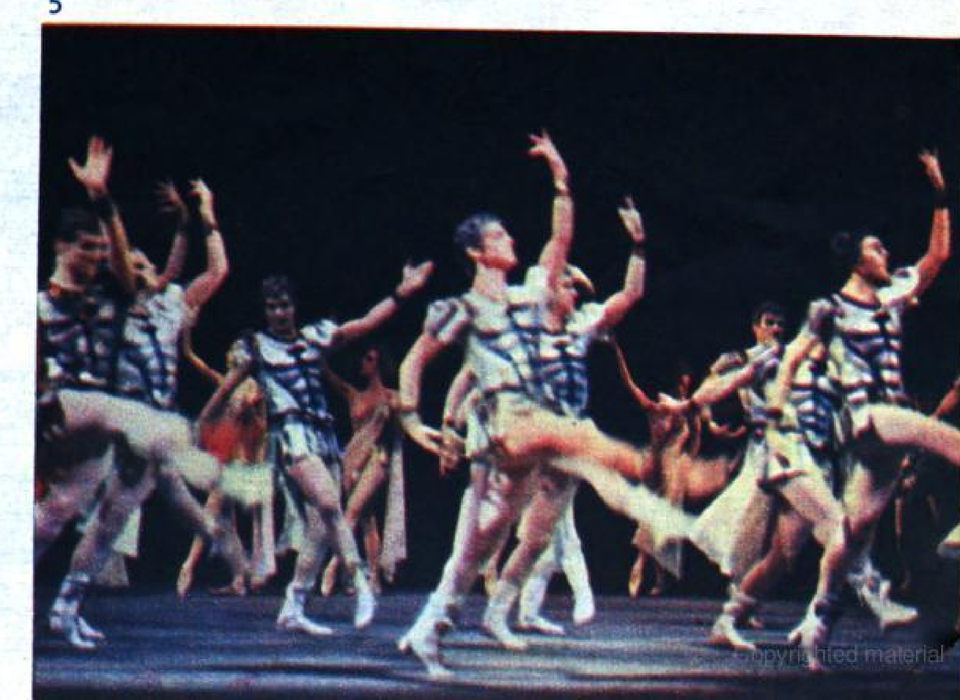
2

3

4

5

6

7

8

9

и М. Лавровскому — в роли Спартака, М. Лиепе и Б. Акимову — в роли Красса.

Спартак в исполнении В. Васильева все время парит в воздухе; его танец легок и необычайно убедителен. В облике его сочетаются возвышенность личности героя и простота обычного человека. Спартак — Васильев — частица своего народа. Он неотъемлем, неотделим от тех восставших рабов, руководить коими его поставила историческая закономерность. Герой М. Лавровского, хотя и более «земной», подобен Антею, черпающему свою силу и у земли, на которой стоит, и у соратников своих, что готовы отдать жизнь ради свободы. Он как бы рожден быть героем.

Когда я говорю о Лавровском «земной», это не значит, конечно, что его танец тяжел или приземлен. Меня поразили его легкие, свободные прыжки: Лавровский сделал огромные успехи и в освоении сложной техники танца и в актерском мастерстве.

Перед исполнителями роли Спартака стояла очень трудная задача: победить Красса в духовном соперничестве с ним, выразив это моральное превосходство хореографически. И Спартак побеждает! Он побеждает, несмотря на то, что образ Красса, созданный Григоровичем в интерпретации М. Лиепы (к сожалению, я не видела молодого, талантливого Б. Акимова), не буду бояться в этом случае громкого слова, — шедевр!..

По-видимому, Ю. Григорович, чуткий и умный художник, работая с Лиепой, использовал все возможности его актерской индивидуальности. В роли Красса Лиепа поражает не только превосходным исполнением трудных танцевальных движений, но и эмоциональной насыщенностью, темпераментом, доходящим до ярости, весьма уместной в облике легионера-завоевателя. Чем-то Лиепа напомнил мне в этой роли А. Ермолаева в партии Тибальда в «Ромео и Джульетте» — балете, поставленном Л. Лавровским и ставшем в истории развития советской хореографии этапным.

Правда, Ермолаев — блестящий танцовщик в прошлом и не менее блестящий педагог-репетитор в настоящем — вел огромную репетиционную работу в «Спартаке» по главным мужским ролям. Но это не значит, что он навязывал артистам свое вйдение роли. Напротив, Ермолаев умеет выжать из исполнителя все творческие возможности, порою скрытые даже для самого артиста. Конечно, возможно это только в том случае, когда балетмейстер, создавая роль, дает каждому актеру танцевально-пластический материал, точно отвечающий характеристике роли...

Н. Тимофеева, танцуя Эгину, широкими, яркими мазками рисует образ обольстительной и коварной куртизанки.

Дважды смотрела я спектакль с участием Тимофеевой. Безупречно владея техникой классического танца (пожалуй, нет балерины, равной ей по легкости исполнения самых сложных па), актриса все более вживается в образ. Вырастает значительность ее роли. Понимаешь, почему Красс выбрал именно эту женщину — умную, хитрую, коварную, как он сам. Вторую исполнительницу, С. Адырхаеву, я не видела.

Роль Фригии, жены Спартака, в обоих виденных мною спектаклях танцевала Е. Максимова. Ее танец красив: в памяти остается великолепный, графически отточенный рисунок дуэтов со Спартаком. Порадовала балерина и проникновением в глубины музыки, особенно в дуэте последнего акта. Поющая мелодия движений ее рук и корпуса проникнута лиризмом нежности и любви к Спартаку — избраннику сердца. Но вот в сцене гибели Спартака, мне кажется, хрупкая, тонкая фигурка Фригии, одетая в черное, на фоне ночного неба чуть теряется. Может быть, и самой актрисе следует сильнее подчеркнуть здесь трагедию скорби ее героини.

Другую исполнительницу, Н. Бессмертнову, я видела на репетиции в зале. Бессмертнова бесспорно талантлива! Даже по небольшому эпизоду, виденному мною, можно заключить, что роль подошла ее дарованию.

Работали исполнители над своими партиями с увлечением. И мне кажется, что самая масштабность, значительность этой работы заставят артистов — как опытных, так и молодых — рассматривать процесс создания своих ролей в дальнейшем еще глубже, еще серьезнее.

Я уверена в этом еще и потому, что помощниками Ю. Григоровича в репетиционной работе были прославленные мастера М. Семенова, Г. Уланова, А. Ермолаев, создавшие целую эпоху в прекрасном искусстве советской хореографии.

Отличным партнером коллектива балета в осуществлении спектакля явился оркестр под управлением Геннадия Рождественского. Талант Рождественского — это талант умного, эрудированного, глубоко мыслящего человека. Музыкант беспрестанно совершенствует свое мастерство, ему в равной мере доступны опера, балет, симфоническая музыка...

В заключение хочется сказать о художнике С. Вирсаладзе.

Суровость и простота сценического оформления как бы подчеркивают трагедийность спектакля. Багряное небо в картине восстания рабов, мрачное величие колонн, на фоне которых танцуют одетые в бело-серебряные одежды патриции,— все это великолепно! Надо сказать, что превосходны костюмы, созданные художником. И если декорации дают обобщенное представление о Древнем Риме, то продуманные до мельчайших деталей костюмы подчеркивают точность характеристик. Удивительно умело и оригинально применяет художник блики красного цвета: оранжево-красный короткий плащ Красса — словно злой язык пламени; красные перчатки мимов на пиру у Красса — как окровавленные руки, терзающие Фригию; широкие складки ярко-красной ткани, которую держит Спартак, звучат, как знамя. В конце спектакля гладиаторы несут на этом знамени и поднимают распростертое, бездыханное тело Спартака... Это едва ли не лучшая сцена спектакля, его кульминация.

Здесь лаконизм балетмейстера, скупая палитра красок художника перекликаются со страстной глубиной музыки композитора, душой необыкновенного, скажу это еще раз, высокохудожественного спектакля.

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР

ДВАЖДЫ ДВА — ПЯТЬ?

Редакция получает много писем — откликов на статью профессора Е. Маневича «Дважды два — пять?» («Огонек» № 15, 1968 г.). В этом выступлении известный советский экономист дал отповедь двум западным журналам, доказывавшим, что в СССР существует большое количество безработных. Доказать это невозможно, как то, что дважды два — пять. Мы публикуем сегодня три письма, пришедших к нам из разных уголков страны — из Крыма, Казахстана и Якутии.

ЛОЖЬ НА КОРОТКИХ НОГАХ

Скажу прямо, мы до слез хохотали над незадачливыми изобретателями советской безработицы.

У нас все говорят о том, что профессор Е. Маневич правильно отчитал западных писак. Я не профессор, но страну свою, жизнь нашу знаю неплохо и хочу сказать несколько слов клеветникам и их хозяевам.

Мы считаем, что борзописцы из «Дер Шпигель» и «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» оскорбляют не правительство, а всех трудящихся Советского Союза, они пытаются доказать недоказуемое, что якобы мы обездоленные, несчастные и безработные люди. Тогда позволительно спросить этих борзописцев: кто же, как не трудящиеся нашей страны, за 50 лет Советской власти коренным образом перестроил старую Россию, добился того, что все люди стали образованными и превратили Советский Союз в могущественную и непобедимую державу?

С уважением
читатель «Огонька»
М. ИЩЕНКО

Алдан,
Якутской АССР.

У НАС, НА МАНГЫШЛАКЕ...

Никогда не приходилось писать в журнал, но на этот раз, прочитав статью профессора Е. Маневича «Дважды два — пять?», не вытерпел. Не претендую, чтобы мое письмо было где-то опубликовано. Мне просто хочется сообщить свое мнение о проблеме кадров в самом малом масштабе, в пределах нашего производства, где я работаю.

Я с 1966 года пенсионер, пенсия у меня 120 рублей, но я продолжаю работать. По специальности — экономист-практик, по должности — начальник планового отдела автотранспортной конторы № 1 объединения «Казахстаннефть» на полуострове Мангышлак.

Так вот, начиная с 1964 года, то есть со дня организации АТК № 1, проблема укомплектования хозяйства кадрами до сих пор остается у нас в хозяйстве проблемой № 1.

Ежегодно я включаю в смету расходов подъемные, оплату проезда и другие расходы на привлечение рабочих «со стороны», потому что на месте их нет. При этом мы приглашаем на работу не в какое-то захолустье или отдаленный район страны, а в город Шевченко. Да и заработки у нас в два раза выше, чем на Большой земле.

Три года назад американские представители были у нас в городе Шевченко, знакомились с уникальной установкой по опреснению морской воды. Они не могли не обратить внимания на башенные краны как в самом городе, так и за его чертой. Пусть вновь приедут и посмотрят — этих кранов стало в два раза больше, а их устанавливают не для красоты. Вот где требуется рабочая сила!

Сообщите, пожалуйста, об этом господам из журналов «Дер Шпигель» и «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт».

С уважением
М. ХОЖАИНОВ

Шевченко,
Гурьевской области,
Казахской ССР.

НАПРАСНО СТАРАЕТЕСЬ, ГОСПОДА!

Сочинители из журналов «Дер Шпигель» и «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» дописались до абсурда, утверждая, что в Советском Союзе имеется большое количество безработных.

Это в нашей стране, где из года в год увеличивается число новых промышленных предприятий и растут ассигнования на капитальное строительство, где требуются миллионы строителей и рабочих! Авторы фальшивок не знают советской действительности или умышленно искажают ее. Возьмем, к примеру, наш город Керчь. Таких городов в Советском Союзе тысячи.

Вот вам факты, господа хорошие. Только в этом году на новостройки города необходимо дополнительно к имеющейся численности добавить 2 500 строителей. В будущем году по постановлению правительства Украинской республики ассигнования на капитальное строительство и благоустройство города удваиваются, а это значит: потребности в строителях еще более возрастут. Ежедневно в городской газете «Керченский рабочий» можно прочесть объявления: «Требуются, требуются, требуются...»

Вот так обстоят дела, господа наемные борзописцы. Тщетны ваши потуги. Вам не очернить нашу великую Родину — родину трудящихся, избавившую народы от нищеты и позорного спутника капитализма — безработицы.

Н. ПУЧКОВ,
начальник СУ-22

Керчь.

Евгений **ПОПОВКИН**

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Рассказ

Не так давно мы простились с Евгением Ефимовичем Поповкиным. Простились навсегда. Советские читатели, да и не только советские, знали книги Поповкина «Семья Рубанюк» и «Большой разлив». Писатель ушел из жизни после тяжелой болезни, оставив незаконченным роман «Таврида», 1-я часть которого будет опубликована в 7—8-м номерах журнала «Москва».

У Поповкина была боевая юность, активная работа в комсомоле. Об этой поре своей жизни он рассказывал своим друзьям, собираясь написать цикл произведений о днях юности.

«Графская кухарка», несомненно, относится к этому замыслу писателя... К сожалению, из этого цикла написанным оказался только один рассказ.

В память об ушедшем от нас друге мы публикуем рассказ «Графская кухарка»— последний труд писателя.

А. СОФРОНОВ

ГРАФСКАЯ КУХАРКА

I

Летней ночью выстрелом в окно Богодаровской сельрады был убит из винтовочного обреза секретарь комсомольской ячейки Ваня Стоянов.

После того, как его с почестями похоронили в сквере украинского районного городка, где Ваня родился и вырос, встал вопрос о том, кто его заменит.

Жребий пал на меня. Собственно, я настоял, чтобы послали в Богодаровку меня: Ваня был моим школьным другом.

Богодаровка, богатое и живописное село, находилась от нашего городка верстах в двенадцати, но почему-то наезжали из района сюда редко и неохотно. Ходила о ней дурная слава, которую неожиданная гибель общего нашего любимца закрепила еще больше.

Катя Бушанская, управделами райкома, белокурая низкорослая девчонка в защитной, перехваченной портупеей и вылинявшей от частых стирок юнгштурмовке с закатанными по локоть рукавами и в алой косынке, узнав, что я покидаю городок и ухожу из пединститута, куда поступил лишь в прошлом году, одарила меня таким долгим, таким восторженным взглядом небесно-голубых глаз, какой я только однажды случайно перехватил, когда она смотрела на Митю Руднева, секретаря комсомольского райкома.

— Будем шефствовать над тобой,— сказала Катя, продолжая радостно-тревожно глядеть мне в глаза.

В райисполкоме мне приготовили бумажку для богодаровского начальства; комсомольским секретарям никакого жалованья не полагалось, поэтому приезжих приходилось ставить на квартиры к более зажиточным.

Вручили мне также мандат на право пользования обывательскими подводами и небольшой сверток.

— Паек тебе выхлопотали,— сказали мне.— Так что пошамать пока что у тебя будет...

В бумажном пакете было несколько сухих таранок, две ржаные лепешки, махонький узелок с солью, пачечка сахарина.

— Кукурузной муки еще два фунта положено, возьмешь?

— Куда мне с ней! — отмахнулся я.

— Там, в Богодаровке, главой сельрады Самойленко,— продолжали напутствовать меня.— Он и на квартиру поставит, и о шамовке с ним договоритесь... Учти вот еще что. Мы приказали поэнергичней заняться розыском тех, кто убил Стоянова. Подключи к этому местных комсомолят...

Мои несложные сборы были закончены, оставалось лишь заглянуть по пути домой, взять полотенце, зубную щетку, книги и пистолет.

— Тебя Кухаренко хочет видеть,— сказал Митя Руднев, когда я зашел к нему в райком комсомола попрощаться. Митя позвонил по телефону и сообщил:— Сейчас сам придет сюда.

Секретаря райкома партии Кухаренко мы, комсомольцы, высоко ценили и втайне побаивались. Умный, требовательный, начитанный, он казался по первому впечатлению сухим и суровым, но среди районных работников не было, пожалуй, человека более душевного, отзывчивого и внимательного. Мы, часто и ожесточенно споря о моральных качествах партийного и комсомольского работника, ставили в пример друг другу Кухаренко, единодушно сходясь на том, что он и «целеустремленный», и «правдивый», и «беспристрастный», в общем — «в мировом масштабе» большевик.

Кухаренко появился у Руднева спустя минут пять, молча и крепко пожал мою руку и, расстегнув черную кожаную куртку, усадил рядом с собой на жесткую кушетку.

— С каким настроением едешь? — спросил он, испытующе глядя в глаза.

— Настроение боевое.

— Это хорошо. Но недостаточно... Надолго надо запастись тебе силенками, упорством... В Богодаровке парторганизации нет. Более того — ни одного партийца! Да и комсомольцев раз-два и... обчелся. Сколько их, по вашим сведениям, Дмитрий?

— Было четыре. Осталось три,— ответил Руднев.

Кухаренко соединил кончики смуглых пальцев, с минуту смотрел на Митю молча. Меднокрасное от летнего степного загара худощавое лицо его, большие карие глаза с темными от усталости впадинами, светлые волосы, тронутые сединой, властный изгиб энергично сжатых губ — все мне нравилось в нем; может, потому, что и по внешности и чертам характера был он удивительно похож на другого близкого мне человека — первого в моем детстве учителя.

— Тебе почти все придется начинать с азов,— продолжал Кухаренко.— Проморгали мы село. А кулацким душком от него на расстоянии разит... Председатель сельсовета Самойленко в коннице вел себя отважно. Я знакомился с его послужным списком. А каков он в качестве председателя?.. Во всяком случае, опирайся на него. И еще один тебе совет, если позволишь... Есть меткая восточная поговорка: «Доброжелательность — любимая дочь мудрости». Поближе к людям, подемократичней, подушевней! Почаще бывай у них дома, держись попроще. Всюду есть честные, не в каждом подозревай кулака или подкулачника... Создавай вокруг ячейки актив. Мы к тебе будем наезжать, поможем. Верно, Руднев?

Руднев кивнул. Кухаренко расспросил меня, как я решил вопрос о своей дальнейшей учебе, справился о семье.

— Добираться на чем будешь?

— На попутных.

— Ну, у меня пока и все.— Он поднялся.— Желаю успеха...

— Вещи твои где? — спросил меня Руднев.

— Омниа меа мекум порто,— блеснул я знанием латыни.

— Это что, если по-человечески?

— Все свое ношу с собой.

— Могуч!

Серые, чуть шельмоватые глаза его щурились в усмешке.

— Ладно уж! — нехотя пробормотал я.

Митя Руднев проводил меня до соборной площади. Ударив ладонью по плечу, он притворно-весело воскликнул:

— Да здравствует пламя жизни! Гори, юнец, дерзай! А за Катю не волнуйся... В обиду ее не дадим.

II

Почти до самой Богодаровки я добирался пешком. Шел неторопливо по проселочной дороге, укатанной до глянцевого блеска колесами и усыпанной соломой. Шел, обдумывая все, что предстояло сделать на первых порах, как держать себя с неведомыми мне пока людьми. «Конечно же,— размышлял я,— есть в селе учителя, может быть, врачи, агроном должен быть. Всех вовлечем в свою деятельность!..»

День разгулялся тихий и теплый, какие бывают только бабьим летом. Как оборванная пряжа, серебристые нити паутины, искрясь на солнце, странствовали и где-то в недосягаемой голубой вышине и над золотисто-бурым, ископыченным скотиной жнивьем, мягко обволакивали лицо. Много ее зацепилось за стерню, кусты. Воздух, крепко настоянный на сизой полыни, на привядших кустах шалфея, молочая, еще какой-то терпко пахнущей придорожной травы, кружил голову, подбивал забыть обо всем, свернуть со шляха и прилечь где-нибудь у молчаливого кургана.

Верстах в трех от села, когда уже завиднелась на угорье беленькая богодаровская церквушка с голубыми куполами и я поравнялся с ветряком, который со скрежетом и нудным скрипом вращал дрожащие крылья, меня догнал на порожней арбе дедок в кобеняке, с курчавой рыжей бороденкой и бельмом на глазу. Он остановил быков, предложил подвезти.

Сперва ехали молча, потом возница, покосившись на мой шлем с красной матерчатой звездой, на кобуру с пистолетом, осведомился с ленивым любопытством:

— Из червонармейцев?.. Вроде молодой. Або курсант?

Я ответил. Дедок задумчиво пожевал губами и пошарил у себя в кармане.

— Огонька, сынок, не найдется? Потерял, чума его знает где, свое кресало. А курить — ухи поопухали...

Я протянул ему коробок со спичками:

— Возьмите себе.

— Оцэ великэ спасыбо! — искренне обрадовался старик.— У нас с серниками бида. Не купишь, хоть плачь!

Закуривая увесистую цигарку из самосада, он вдруг зашелся в хрипящем кашле, кашлял долго и натужно, вытирая рукавом кобеняка наполненные слезами глаза.

— Ось що хотел спытать,— сипло сказал он, справившись с кашлем.— Прошу извинить, если ошибусь. Я людына стара... Кумсомол этот, чи як его... консомол... Он так, як милиция? Для порядку?.. Мне почему интересно? Внук у меня служит в армии. Пишет, что записали его в комсомолисты...

Дед внимательно, повернувшись ко мне всем корпусом, выслушал пояснения о задачах комсомольцев, под конец поглядывал на меня с доброжелательным интересом.

— То спасибо, сынок, что не погребовал, рассказал,— довольно произнес он.— А то ста́ра пытае меня про внука, а я и сам не знаю. А на улице только и чуешь: «анчихристы», «шибеники з рогами»... То добре, що молодь нашу консомол до культуры тянет... А то што вона бачит? Пьянство, по чужим клуням лазают... Баловные, нету проходу... Шалопуты, словом...

— Не всем комсомол по душе,— сказал я.— Слышали, наверно, про убийство комсомольского секретаря у вас?

— Та чув.

— Кто мог это сделать?

— Охо-хо! Такого раньше у нас не бывало,— сказал дед, пожимая плечами, и вдруг остановил быков.— Мне сюда, в проулок треба повертать.

Я слез с арбы, спросил, как разыскать сельраду, точнее, председателя ее Самойленко.

— А кто его видел, того Самойленко?! — вяло усмехнулся дед.— Что то за Самойленко, и сам бы рад побачить... В сельраде он не бувае, один Керенский крутится за всех. Инвалид у нас такой есть...

— Фамилия у него такая — Керенский?

— Фамилия его — Дзюба. Керенским — его по-уличному.

— Почему?

— Брехать не стану, не знаю... Так что повидаете зараз нашего Керенского...

* * *

Мне, однако, повезло. Самойленко оказался на месте. Здоровенный, с густым кирпичным румянцем на тугих щеках, исклеванных рябинками оспы, он, развалясь за столом, курил. На нем была добротная, офицерского покроя папаха и бекеша, из-под которой виднелись синие галифе, щегольской защитный френч и поскрипывающие наплечные ремни. Так обмундировывались курсанты кавшколы в нашем районном городке, и я поглядывал на Самойленко с явным расположением.

И все же с гораздо большим любопытством наблюдал я за секретарем сельрады — Керенским. Длинный и тощий, в рыжем заношенном полушубочке с куцыми рукавами, он обладал редчайшим лиловатым цветом скуластого лица, красноижильным, хрящеватым носом, на утином кончике которого пучком росла щетина, запухшими глазами в землистых мешочках, тонкой жилистой шеей с большим острым кадыком. На голове его как-то нескладно прилепился новехонький артиллерийский картуз с бордовыми кантами и черным бархатным околышем.

Дзюбе сопутствовал сложный запах кислой овчины, самосада, мяты, дегтярных сапог.

В боковушке, где сидел секретарь, было нестерпимо душно от печи, жарко натопленной углем, но Дзюба сидел в нагольном, источающем уксусно-кислый запах полушубке, который не снимал ни в холод, ни в жару, вытирал большим голубым платком лоб и жилистую шею.

Он выслушал мой яростный, сбивчивый рассказ о кулацких издевательствах, отвернулся и с шумом очистил свой волосатый фиолетовый нос.

— У кого зараз квартируете? — флегматично справился он.

— У Максима Скробота.

— Это что с краю села живет? И не хочет кормить?! От бисова душа! Под вечер зайду до него,— начальственно добавил он...

...Миша Неборака, повстречавшийся мне невдалеке от сельрады, узнав, зачем я заходил к Дзюбе, сдвинул на затылок самодельную заячью шапку, сказал с усмешкой:

— Взял бы я тебя к себе, так самим жрать нечего. Восемь душ... Зайдем, посмотри, как живу...

Хата Небораки стояла в тупике глухого проулка. Со свежего воздуха удушающим показался мне запах кислого хлеба, пеленок, помоев. Сквозь маленькое, заткнутое в двух местах фанерой оконце проникал тусклый свет.

Худощавая молодица укачивала колыску с младенцем, мрачно ответила на мое приветствие. На лежанке сидел двухлетний ребятенок с пальцем во рту, на печи виднелись еще две ребячьи головки. Девчонка лет двенадцати стирала что-то в корыте.

— Вот это мой дворец,— сказал Михаил с наигранной веселостью,— а это моя сеструха Ярина.

В углу, где обычно висят образа, были прилеплены два старых, пожелтевших от времени плаката: «Заводы — рабочим», «Хлеб — крестьянам».

— Садись,— пригласил Михаил, сняв какую-то ветошь с глубокого старинного кресла, продранного до пружин и украшенного инкрустацией.— Шурина моего похоронили в позапрошлом году, так вот и живем... Мать еще больная есть.

Мать его, скрюченная, сухая, лежала в параличе в пристройке.

С грустью смотрел я на гору немытой посуды, на черные от копоти стены и потолок, на самодельную большую кровать — голые доски, на которые был брошен старый тулуп, подушки без наволочек.

На столе, покрытом ветхой клеенкой, лежала «Азбука коммунизма», еще две-три книжки.

Хотелось хоть чем-нибудь помочь Михаилу, бескорыстному, неунывающему парню, но что я мог сделать! Он содержал всю ораву.

— Знаешь, что такое неборака?

— Знаю.

— Бедный... убогий... Цэ я...

Мы вышли из хаты, и только тогда Михаил спросил:

— А ты сегодня снедал?

— Да мои хозяева, я еще спал, куда-то все ушли. Нашел краюху хлеба, стакан молока. Ничего!

— Ну, мы этому Скроботу запишем, куркульской морде,— ругнулся Михаил.

— Мне кто-то украдкой по куску пирога подкладывал в каморку, где сплю.

— Это не иначе Настя, его дочка меньшая. Она и меня жалела. Ну, это не дело, чтоб комсомольский секретарь так побирался.

Михаил вдруг остановился около криницы с высоким журавлем и каменным корытом для скота, хлопнул себя по лбу:

— До бабы Соньки становись на квартиру...

— Что за баба Сонька?

— Вдовушка. Живет одна.

— Ну?

— Чистяха. Веселая...

— А сколько лет?

— Не больше полусотни. Завалюшка у нее поменьше моей, зато голодовать не будешь. Чего мы раньше тебе не сказали?.. А пока идем до Скробота.

— Что нам там делать?

— Посмотрим по обстановке.

В хате Скробота по-прежнему не было ни души, хозяйка с дочками ушла, как я вспомнил, помогать соседям шинковать капусту, хозяин уехал куда-то еще с вечера.

— Скидай шинельку,— сказал Михаил, сняв и свой полушубок.— Зараз пообедаешь за всю неделю.

Он уверенно отодвинул жестяную заслонку печки, достал рогачом большой чугун, затем в шкафчике миску, ложку, отрезал хлеба.

— Садись,— командовал он весело.— Борщ у них со свининкой... Чуешь?..

Во втором чугуне, который он извлек, было жаркое из гусятины.

— Давай рубай! — хозяйничал Михаил.

— А ты?

— Я не буду. Меня на квартиру сюда не ставили. А ты законно!

Он так и не стал есть, сколько я ни уговаривал его. Я же знатно пообедал за все это время.

— Есть какие вещички? — спросил Михаил.— Забирай. Больше сюда не вернешься.

Все мои пожитки состояли из полотенца, мыльницы, зубной щетки, нескольких книг и смены белья.

Мы вышли на улицу, и Неборака вдруг вспомнил о том, что у него неотложные дела в соседнем селе Солонцеватом: обещали принять на работу сестру.

— Я б тебя отвел до бабы Соньки на квартиру. Да она с дорогой душой возьмет.

Он подробно объяснил, как найти ее хибарку, и заторопился в Солонцеватое.

Улицы были безлюдны, я шел, раздумывая о Мише Небораке и его семье, и вдруг меня остановил чуть хрипловатый голос:

— Вы, случаем, не бабу Соньку шукаете?

— Угадали. Ее.

— Я и есть баба Сонька. Заходьте до хаты...

Я, конечно, прошел бы мимо, если бы хозяйка крохотной хибарки, под серой от старости соломенной стрехой, о двух маленьких оконцах, меня не окликнула.

Глиняная хибарка стояла в глубине крохотного огородишка, ни ворот, ни калитки не было. Хозяйка перехватила мой взгляд, прикрывая рот платочком, беззвучно засмеялась:

— Думали, хоромы господские у меня? Хором не нажила, все своими руками ляпала... А городские завсегда становятся до меня на квартиру... Так что, если понравится... заходите!

Низко пригнувшись на пороге, чтобы не удариться о притолоку, я пошел за бабой Сонькой.

В хатке пахло земляным полом, душистой луговой травой, любистиком, мятой и чем-то еще почти неуловимым, но приятным.

Не снимая шинели, я сел на чисто вымытую деревянную лавку, огляделся. Большая свежепобеленная мелом украинская печь с белоснежным «камином» и широкой лежанкой, кровать с взбитыми подушками в накрахмаленных наволочках, божница с иконами, обильно развешанные на стенах фотографии, и угловой столик под образами, ходики с гирьками — все содержалось, как нетрудно было заключить с первого же взгляда, в идеальной чистоте и порядке. Правда, хатка была очень тесной, обстановка бедная, но все здесь дышало достоинством.

— Вас, кажется, Софья Аверьяновна? — спросил я.

— Ермолаевна,— поправила хозяйка.— Да вы кличьте меня, как все: «баба Соня». Не обижусь.

Она снова звучно и весело засмеялась, по привычке прикрыв рот платочком. Была она в тех летах, когда трудно определить возраст,— вероятно, что-то около пятидесяти. Но здоровый, смуглый румянец во всю щеку, крепкие белые зубы, несвойственная ее годам живость, то ли голубые, то ли серые глаза, озорной и приветливый взгляд — в общем, вся она, крепко сбитая и, чувствовалось, на редкость выносливая и энергичная, принадлежала к тем деревенским бабам, которым износа нет.

Короче говоря, ее скромная глиняная мазанка, опрятно побеленная мелом, ее общительность вполне меня устраивали. Но я предупредил Софью Ермолаевну, что никакого жалованья не получаю; как придется выкручиваться с харчами, не представляю.

Софья Ермолаевна с минуту думала, машинально постукивая носком сапога по земляному полу, затем, сокрушенно вздохнув и краснея, сказала:

— Вы хоть гасу для лампы та угля для топки достанете? Сельрада обязана дать... Ну, а остальное якось переживаемо. Коли и у вас будут гроши...

— А вы одна все время живете? — спросил я.

— Зараз одна... Через хату племянник и пле-

мянница мои живут... Сироты... Ну, так як вы порешили?

— Если разрешите, останусь.

— Якось викрутемось,— ободряюще улыбнулась она мне.— Та раздевайтеся, будете обидать.

— А я вже пообидав.

— Знаю я, яки там обиди у куркулив!

Я рассказал, какой пышный обед организовал мне Михайло Неборака у Скробота.

— Ну, то проголодаетесь, скажете. Обед и у меня готов.

Мне предстояло встретиться с комсомольцами Никитой Павлущенком и Иосей Беренбоймом, потолковать о наших делах. Софья Ермолаевна показала потайное местечко, где она кладет ключ от хаты:

— У меня в селе тоже свои дела...

Павлущенко и Беренбойм, проведав, где я, пришли к Софье Ермолаевне. Надо было наличными комсомольскими силами создать клуб для молодежи, организовать для начала хотя бы любительский драматический кружок. Кое-какой опыт я приобрел в школе и на первом, а для меня и последнем курсе пединститута.

— Давайте, ребята, советуйте, кого из местной интеллигенции можно привлечь... Где собираться для репетиций, спевок.

— Эх, жалко, графский замок спалили! — сказал Никита.— Там бы и театр, и клуб, и что угодно. Комнат двадцать было...

— Что двадцать! — возразил Иосиф.— Отец был как-то в замке, говорит, комнат тридцать пять...

— То, что сгорело, нас не греет,— сказал я.— А хоть что-нибудь из построек осталось?

— Ничего,— вздохнул Никита,— если не считать стен флигеля, в котором жил управляющий. Ни окон, ничего не осталось. Ваня Стоянов тоже прицеливался...

— А может, посмотрим?

— А чего ж! Это в парке. Недалеко...

По дороге хлопцы рассказали мне все, что знали о графском имении.

Сейчас мы довольно долго шли с ребятами по зарослям бурьяна, крапивы, лопухов, мимо сохранившихся рядов синеющей ели. Даже и сейчас смутно угадывалось, каким живописным был парк.

Беренбойм первым остановился, показал на груды камней. Некоторые уже поросли бархатным мохом.

— Все, что осталось от сладкой графской жизни,— сказал он.

Руины, все больше зараставшие травой, уже почти сравнялись с землей, и я, призвав на помощь все свое воображение, не мог представить, что все здесь выглядело некогда иначе.

Грустно пахло мокрой древесиной, корой, прелым листом. Под ногами много листьев. Но вот блеснуло на пепелище под носком ботинка Никиты сварившееся в пламени стекло, показался ржавый кусок водосточной трубы.

— Тут и контора была и управляющий жил. Густав Карлович Трауб. Немец.

— А где флигель управляющего? — спросил я.

— Это при выходе.

Вернулись. Скрытый кустами орешника и высокими голыми тополями, стоял бывший флигель управляющего имением.

Это был внушительных размеров остов здания без окон, но под крышей и с дверями. Крыша источена ржавчиной, сточные трубы обломаны. Ступеньки деревянного крыльца сгнили.

Мы вошли внутрь, прошлись по сырым, голым комнатам. Здесь гулял ветер. Обои в грязных подтеках всюду отстали, висели безобразными полосами, белые кафельные печки стали разрушаться, не досчитывали уже изразцов, паркет рассохся.

Село мало-помалу начало ломать, растаскивать и флигель. Уже не все медные душники были в кафельных печках, не было медных ручек в дверях, по сырым углам паутина, кучки птичьего помета. В большом зале чудом уцелели в верхней фрамуге цветные стекла — рубиновые, синие.

И я подумал: можно все отремонтировать, и будет в селе свой отличный клуб, можно разместить здесь комсомольскую ячейку.

— А где достать лесу, стекла? — охладил мой пыл Никита.— Ваня Стоянов тоже подбирался к этому флигелю и... бросил.

Но мне уже невозможно было расстаться с мыслью о том, что мы будем иметь свой клуб, свой драмкружок, свой хор.

— К зиме мы должны справить здесь новоселье,— сказал я твердо.

— К новому году? — уточнил Никита.

— Нет, ребята, раньше. Надо нам рождественские святки прихватить.

— Вряд ли получится,— вздохнул Иося.— У нас же ничего нет, и никто не даст.

— Возьмем за глотку голову сельрады, в район съезжу, друзья помогут,— пообещал я.— Ставили же когда-то, как я слыхал, любительские спектакли в Богодаровке?

— Еще как ставили,— подтвердили ребята.— Учительница, дочь нашего попа, Леокадия Ивановна, здорово играет, завшколой Кирилл Иванович представлял, хором дирижировал...

— Да что они, откажутся? — горячился я.— Схожу к ним. Попрошу.

Мне хотелось действовать безотлагательно, но Иося и Никита должны были торопиться по домам; заканчивалась уборка огородов, оба были кормильцами в своих семьях: отца Никиты, большевика, расстреляли петлюровцы, отца Иоси, владельца маленькой бакалейной лавчонки, застрелили бандиты. Я пошел в школу один. Мне очень хотелось поскорее изменить тусклую жизнь в селе.

— Леокадия Ивановна уже давно домой пошла,— сказала маленькая курносая сторожиха.— А Кирилл Иванович уже два года, как в соседнем селе учителюет. В Солонцеватом... Да вы до учительши домой сходите, если дела важные... Их дом около церкви.

Дом священника на выгоне был приземистый, из камня, под почерневшей черепицей. У калитки меня встретил рыжий полусонный пес, несколько раз лениво тявкнул и, больше не обращая на меня внимания, лихо вертя хвостом, направился вниз по выгону, к собачьей шайке.

Возле крыльца пожилая рыхлая женщина, подоткнувшись, чистила красными от холода пальцами алюминиевую кастрюлю. Ответив на мое приветствие и узнав, кто мне нужен, она прервала работу и повела меня в дом.

— Вот тут посидьте, а я пыйду скажу хозяину,— подав мне на кухне табуретку и искоса оглядев мою буденовку, шинель, кобуру с пистолетом, сказала она.

Ждал я довольно долго. Дом и впрямь был большой, на кухню не доносилось ни голосов, ни шагов. На минутку приоткрылась дверь, в ее проеме возникла фигура священника, в коричневом подряснике, домашних шлепанцах, в золотых очках, с косичками жидких седых волос и бородкой клинышком. Он взглянул поверх очков, поздоровался и тотчас же исчез.

Спустя немного в кухню вышла наконец и его дочь. Я представлял ее себе почему-то дородной и белотелой, какими вообще обычно рисуют поповен и попадей. В Леокадии Ивановне было что-то цыганистое: стройная, с копной пышных темных волос, быстрыми, насмешливо-умными черными глазами и синеватыми белками, сросшимися на переносице густыми бровями, ярким ртом, она сразу же показалась надменной. В платье с широким вырезом вокруг тонкой темной шеи с худыми ключицами.

Не поздоровавшись, не приглашая в комнаты, она с натянутой улыбкой спросила:

— Чем могу служить?

— Служить ничем,— поднимаясь с табуретки и сняв буденовку, сказал я, как мне показалось, язвительно,— а на хороший разговор рассчитывал...

— Слушаю вас,— малозаинтересованно проговорила поповна.

— Я секретарь Богодаровской ячейки комсомола.

— Знаю. Слышала...

— Мы так и будем торчать на кухне и вести беседу стоя? — сердито спросил я.

— Ох, извините, бога ради,— вспыхнула хозяйка.— Ваш приход неожидан, а в комнатах уборка.

Она смахнула с лавки хлебные крошки, присела со мной рядом.

— Что вас привело ко мне? — сказала она уже не таким пренебрежительным тоном, как вначале.

Я начал объяснять ей планы сельячейки, сказал о намерении создать клуб, польстил ей, что слышал об ее превосходной игре в самодеятельных спектаклях.

Поповна слушала терпеливо, не перебивая, а когда я умолк, развела руками:

— Вот тут уж, к сожалению, я вам ничем услужить не сумею.

— Было бы желание,— грубовато перебил я.

— Устраивать в школьном помещении спектакли нам строго запретили,— сказала она, пропустив мимо ушей мою реплику.— Да и поставили мы всего одну пьесу. Что же касается меня лично, я свое отыграла... Не хочу смешить людей. Вот Кирилл Иванович, может быть, согласится.

— А я не понимаю, как советский учитель способен стоять в стороне от культурной работы,— проговорил я презрительно.— В общем, зря ячейка на вас надеялась. Ну что ж, как-нибудь обойдемся.

Хозяйка молча поднялась. Сухо ответила на мое «до свидания», нетерпеливо прикрыла за мной дверь на крыльцо.

Выйдя за церковную ограду, я постоял, подумал. Дернул меня черт ходить к поповне! Засмеют ребята в райкоме, если узнают.

До вечера было еще далеко, и я решил пойти в сельсовет: обязан же он был поддержать комсомол, помочь чем-нибудь!

Самойленко, как обычно, в сельраде не было, хотя на крыльце его ждало много людей, и я прошел в боковую комнатенку к Дзюбе.

Постукивая по полу деревянной култышкой, прыгая на одной ноге, секретарь сельсовета раскладывал по открытым шкафам папки и бумаги, сел за стол и закурил.

Я рассказал о затее с клубом, заметил, что сельраде никак невозможно стоять в сторонке.

Дзюба что-то невнятно промямлил в ответ, затем покровительственно заметил:

— Во-первых, надо решение сельской рады, чтоб вам дали этот флигель... Во-вторых, по бюджету клуб не предусмотрен...

Мне хотелось яростно ответить Дзюбе, что они уже допустили разрушение строения, но в это мгновение увидел в окно, что подъехал на бричке Самойленко.

Откуда такой шикарный выезд был у председателя?! Пара красавцев рысаков в серых яблоках, новехонькая, отлакированная бричка на рессорах, цветастое рядно на сиденье.

Самойленко ловко спрыгнул с брички, не отвечая на поклоны людей. Он попросту не хотел замечать их. Поднявшись на крыльцо, председатель прошел не к себе в комнату, а к Дзюбе.

От него довольно сильно разило спиртным.

— И комсомол тут,— с притворным удивлением бросил он, расстегивая бекешу и доставая из кармана коробку дорогих папирос.— Курите, комсомоле?

— Редко.

— Вам что, запрещают?

— Нет, почему?

Самойленко, не мигая, смотрел на меня мутно-синими холодными глазами, и мне вдруг стало неприятно.

Я сказал ему, что комсомол надеется на его поддержку в своих делах. Самойленко молчал, щурился от дыма, потом вдруг, пьяно мигнув Дзюбе, проговорил с веселой небрежностью:

— На кого ж вам надеяться, как не на власть? Начинайте делать, что там надо, а я вам... Что вам нужно?

— Лес для оконных переплетов клуба.

— Дадим. А? Яков Хведорович? — Перед Самойленко Дзюба держался льстиво.

— Стекло.

— Будет!

— Обои, мебель нужны.

— Составь список. Все дадим... Нам с комсомолом надо дружбу водить. Верно я говорю, Дзюба? — Самойленко рывком протянул мне крупную потную руку.— Будь здоров, хлопец! Список мне тут оставишь.

Я перехватил откровенно насмешливый взгляд, которым Самойленко обменялся с Дзюбой, и понял, что глава сельрады явно издевается над моими требованиями.

Я не торопился уходить.

— Мы хотим первый спектакль в своем клубе в канун рождества поставить,— сказал я.

— Валяйте,— уже с какой-то легкой досадой буркнул Самойленко.

— Нам уголь нужен. Дров нету.

Самойленко нахмурился:

— Дашь им, Дзюба, уголь?

— Неоткуда. Школа, сельрада, почта — вот и все.

— Выкрой! От сельрады отними.

— Спасибо,— поблагодарил я, но Самойленко уже меня не слушал.

Слишком щедрым и покладистым старался показаться сегодня председатель, поэтому и ушел я из сельрады не очень спокойным. Пустые слова.

Близились сумерки. Я основательно проголодался. И вспомнив, что у меня есть квартира, где никто не будет ехидно шептаться в мой адрес, не запрячет от меня подальше еду, широко и уверенно зашагал по улице.

Еще издали я заметил, что оконце моей хибарки не светится, значит, Софья Ермолаевна где-то гостюет. Замедлил шаг, а сзади, чуть слышно постукивая обувью, кто-то настигал меня.

— Не заблудились? — спросила Софья Ермолаевна. Низенькая, подвижная, она двигалась быстро и бесшумно, словно не шла, а катилась.

Мы пошли рядом. Одевалась Софья Ермолаевна, как и большинство богодаровских женщин ее возраста. На ней был плюшевый жакет, широкая и длинная, почти до щиколоток, темная юбка «на сборах», теплый платок, сапоги на подковках. И все же чем-то она неуловимо отличалась от остальных сельских старух, чем — я понял лишь много времени спустя.

Дома она проворно скинула жакет, ни о чем не спрашивая, накрыла скатеркой стол.

— Левкадия Иоановна не приглашала вас обедать? — усмешливо спросила она, вытянув ухватом чугун из печи.

— А вы уже знаете, что я у нее был?

Софья Ермолаевна рассмеялась.

— Я знаю, что вы и в сельраде были, с Самойленком балакали,— похвастала она.— От меня ничего не скроется.

Борщ, которым она наполнила большую глиняную миску, показался мне столь аппетитным, что я не подыскал даже похвальных слов.

— А вы почему не кушаете? — спросил я, кладя ложку.

— Я уже. Для аппетита тут я вам... чарочку.

Она достала из мысника графин, в котором настояны были какие-то травы, поставила стакан.

— Самогонка? — спросил я.

— Первачок. Запалите серником, весь сгорит.

— А вот этого я пить не буду! — решительно сказал я, отодвигая стакан.— Вы уж не обижайтесь!

— Чому?

Кто у вас его гонит?

— И-ии! Да в кажной хате гонят.

— А мы обязаны с этим бороться... Хорош секретарь ячейки получится...

— Да как же ее, окаянную, не гнать?! — искренне удивилась Софья Ермолаевна.— Горилка в городе дороговата да и не такая крепкая. А чем магарычевать?.. Не понесите Яшке Дзюбе литру, он ничего не сделает. Вы еще нашей власти не знаете.

— Дзюба где ногу потерял? — спросил я, чтобы переменить тему разговора.— Инвалид гражданской войны?

— Инвалид, только, звыняйте, с другого боку... Там и ногу потерял...

Больше о Дзюбе Софья Ермолаевна распространяться не стала и подала затейливо разложенную на тарелке картошку с мясом и отдельно, в соусничке, что-то пряное и ароматное.

— Кушайте на здоровье.

Я отведал и взглянул на хозяйку повнимательнее, чем раньше: такого мне в своей жизни пробовать никогда не приходилось.

— Да вы вот какая,— сказал я, без стеснения вымазывая тарелку хлебом.

— Ведь жила при господах,— сказала, покраснев от удовольствия, Софья Ермолаевна. Она стала прибирать и мыть посуду, я не без удовольствия взобрался на теплую печь.

— Что ж вам поповна пообещала насчет клуба? — полюбопытствовала она.

— Ого, вы и про клуб знаете?

— Я же вам говорила, что баба Сонька, як то радиво, про все знает...

Я рассказал ей со всеми подробностями о посещении учительницы, о щедрых обещаниях председателя сельрады.

Софья Ермолаевна стояла у печи, слушала очень внимательно.

— Ой, набрешет он вам! — покачала она головой.— Ему этот клуб, як собаци «здрастуйте». Он свадьбы свои не управляется справлять. Зараз у поповой дочки, Левкадии Ивановны, подночевывает. Харчи попу возит...

Это была для меня чересчур неожиданная новость, чтобы я в нее поверил. «Видно, любит моя хозяюшка присочинить»,— подумал я.

— Он же партиец, вероятно,— вслух предположил я.— Все-таки сельская власть.

— Нам неизвестно, кто он и що он,— пренебрежительно сказала Софья Ермолаевна.— Он сам не богодаровский. Люди балакают, что у его батька паровой млын был... А там, хто знае... Може, и брешут... А клуб вам надо в поповском доме сделать. Живет поп с дочкой вдвое, да наймички... Семь комнат занимают, а одна такая, що там сборы проводить можно... К чему така хата им?!

— Если, как вы говорите, голова сельрады чуть не в приймаках у попа, то не скоро нам его дом удастся под клуб занять,— сказал я.

— Та оно так.— Софья Ермолаевна стояла, скрестив на груди руки, о чем-то раздумывала.— А насчет того, чтобы нашей молоди трошки культуры показать, это я поддерживаю. Що воны бачили в нашей Богодаровке? Вы Кирилла Ивановича в гости пригласите, побеседуйте. Разумна людына. Чарочку ему доведется дать. А флигель можно починить, тут я согласна. Плотников наймем, есть у меня кум. Я ему весной на огороде отработаю...

До полуночи просидели мы с ней, обсуждая.

Она выполнила свое обещание, привела через два дня плотника, неразговорчивого рыжего старичка в брезентовом плаще, с большими, раздавленными работой руками, поросшими рыжей щетиной. Выслушав, что от него требуется, он страдальчески уставился на носки своих растоптанных валенок, подшитых кожей, пробормотал «гм!».

Софья Ермолаевна догадливо усмехнулась, поднесла ему выпить и закусить.

— Вы, дядько Олекса, беритесь, а за нами не пропаде.

Опрокинув стаканчик и крякнув, старичок долго разжевывал сало и паляницу, снова бормотнул «гм!».

— Добре. Схожу замеряю. А вы мне лес подготовьте. Чтоб сухой... Гвозди... Стекло...

Ни леса, ни стекла у меня до сих пор не было, обращаться к Дзюбе было бесполезно: «Голова обещал, нехай и дает... А у меня нету».

Софья Ермолаевна тем временем не поленилась разыскать Кирилла Ивановича, учителя, бывшего руководителя хора и драмкружка.

Он пришел под вечер, уже далеко не молодой, волосатый, длинношеий, в высоких сапогах, с лицом старого выпивохи и гуляки, весь пропахший едкой махрой. И, несмотря на все это, чем-то привлекал к себе старый сельский учитель, пожалуй, юмором, общительностью.

Я заметил, что и Софья Ермолаевна держит себя с ним иначе, чем с другими...

Она собрала на стол закуску, внесла из каморы два нахолодавших шкалика водки, поставила два стакана и все время разглядывала помятое лицо гостя, с серебряной щетиной на темных от загара щеках. Он мне казался преждевременно состарившимся, но глаза его смотрели тонко-насмешливо.

— Познакомьтесь, Кирилл Иванович, с моим квартирантом,— сказала она, срывая красную сургучную головку со шкалика и разливая по стаканам.— Я вам рассказывала...

— Очень приятно,— кивнул в мою сторону с улыбкой Кирилл Иванович.—А ты что же, Соня, с нами не выпьешь?

— Выпью! — Софья Ермолаевна лихо мотнула головой.

— Это казенная, не самогонка,— сказала она мне и достала из шкафчика граненую чарку.

— Ну, за знакомство!

Пил учитель с явным удовольствием, почти не притрагиваясь к закуске — соленым огурцам, домашней колбасе, салу. Софья Ермолаевна выпила свою чарку до донышка.

— Может, яешеньку изжарить? — искательно спросила Софья Ермолаевна.

Кирилл Иванович отрицательно мотнул головой, повернулся ко мне.

— Вы не охотник?

— Как-то не приходилось.

— Я если на охоту не схожу, снотворное надо принимать. А тут славные места для охоты!.. Весной приглашу, поохотимся.

Я быстро заметил, что он любит рассказывать об охотничьих эпизодах, причем сочиняя неимоверно.

Сейчас я был одержим другим: мне нужно было вовлечь Кирилла Ивановича в драмкружок. Он, выслушав меня, ответил:

— Дело это я люблю, опыт есть, но работа не позволит. Я же в Солонцеватом сейчас учительствую. Пока туда, пока обратно... А совет могу дать.

Покровительственно положил он мне на плечо крепко пахнущую самосадом ладонь.

— Без девчат драмкружок у вас не получится. А девчата все воют на клиросе. Парубки — за ними. Надо вам помещение, спевки организовать, а потом — и пьеску. Будет у меня время, подмогу советами... Где вы думаете собираться?

— Графский флигель восстановим, там и клуб у нас будет и ячейка комсомола.

— Большие деньги нужны, от флигеля остались рожки да ножки.

— А мы без денег...

— Ну, нехай вам счастит...

Софья Ермолаевна сказала:

— У людей всего много, а живут скучно.

Перед уходом Кирилл Иванович извлек из кармана пальто бумажный сверток, вручил мне:

— Это вам для начала. Тут две пьесы: «Назар Стодоля» и «Шельменко-денщик». А главное — роли всем переписаны.

— Ох и ловко ж Кирилл Иванович представляли того Шельменка,— вставила Софья Ермолаевна.

— Было, было,— сказал Кирилл Иванович.

Софья Ермолаевна набросила на голову платок и шубейку, пошла проводить. Они еще долго стояли за сенцами возле хаты, о чем-то разговаривали. Я залез на печь и сразу же заснул.

Проснулся я среди глубокой тишины, лежал с открытыми глазами.

— Может, пить хотите? Я подам,— негромко сказала Софья Ермолаевна.

— Спасибо, Ермолаевна,— поспешно поблагодарил я.— Чего вы-то не спите?

— Выспалась...

У меня вдруг возникла идея. Самое трудное было достать стекло для клуба. Это затормозит остальные работы. И тут я вспомнил своего давнего друга в городке, старого фотографа, у него скопились в чулане холмы использованных негативов больших размеров. Если он их не уничтожил, он отдаст их нам или возьмет самую маленькую плату.

Утром я написал ему страстное письмо, передал с ехавшим в город Иосей и наказал Беренбойму без стекла не возвращаться.

Уже поздно ночью около хаты остановилась повозка; озябший, синий от холода Иося вошел, припорошенный мокрым снегом, и торжественно объявил:

— Помогайте сгружать. Тут стекла на всю Богодарицу хватит.

Старик фотограф не поскупился и отдал Иосе, видимо, все свои запасы; сгружали долго, пачки тяжелого, приятно, холодящего руки стекла заняли в хатке почти все свободное пространство.

Всю ночь я помогал Софье Ермолаевне смывать с негативов эмульсию, делала она это с подлинным вдохновением.

Рано утром Софья Ермолаевна привела дядьку Олексу, плотника.

Тот задумчиво смотрел на горы стекла, выдавил из себя привычное «гм!».

— Это ж какие мне фрамуги делать? — покачал он головой.— С таким стеклом у нас на тюрьму похоже будет.

— Разбогатеем, заменим,— заискивающе произнес я.— Да и бить не так будут.

Выпив чарку, дядько Олекса взял для образца цветистую пачку негативов, попрощался.

Окончание следует.

В. ВИКТОРОВ

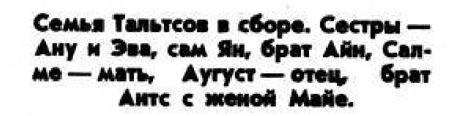
Фото В. САЛЬМРЕ.

Нисколько не сомневаюсь в том, что многие эрудиты от спорта, узнав, кто оказался избранником спортивных журналистов, кого они посчитали первым спортсменом 1967 года, были озадачены не на шутку. Наибольшее количество голосов в традиционном опросе получил Ян Тальтс!

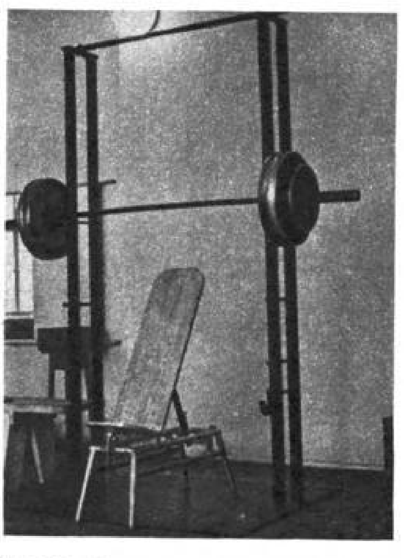
Но знаете ли, кто больше всех был удивлен таким исходом опроса Федерации спортивных журналистов? Сам Ян Тальтс! Он узнал о своей победе по радио, отдыхая дома после очередной тренировки, и долго не мог прийти в себя от изумления. И у меня такое впечатление, что Тальтс до сих пор так и не понял, почему именно ему были отданы наши голоса. Но в своем мнении на наш счет окончательно укрепился: с журналистами надо быть начеку, никогда не знаешь, какой фокус они могут выкинуть. А ведь фокус выкинул он, Ян Тальтс, а не мы! Да еще какой фокус! Весом в полтонны...

Но не будем забегать вперед. Путешествие начинается с первого сделанного шага. Знакомство со штангистом — с первых поднятых им килограммов. Эти килограммы были подняты пятнадцатилетним Яном как бы мимоходом: он в то время интересовался не тяжелой атлетикой, а легкой. Да и метание диска привлекало студента сельскохозяйственного техникума постольку, поскольку он надеялся стать потяжелее.

Мальчика можно было понять: эстонцы — народ рослый, плечистый, приверженный к спорту. И отец Яна — высокий, сильный человек, большой любитель легкой атлетики. И три его старших сына как на подбор. Надо знать, как дружна и сплоченна эта семья, как все ее мужчины едины в своих

Семья Тальтсов в сборе. Сестры — Ану и Эва, сам Ян, брат Айн, Салме — мать, Аугуст — отец, брат Антс с женой Майе.

Это не средневековые орудия пыток, а всего лишь приспособления для тренировки жима.

лько весит удача

В тренировочном зале.

вкусах, чтобы представить себе всю остроту огорчений Тальтса-младшего.

Тальтсы выросли, живут и работают на скупой эстонской земле, которая любит людей сильных, выносливых. Тальтс-старший, Аугуст, по специальности зоотехник, его первый сын, Матс, окончил сельскохозяйственную академию, Антс работал в колхозной мастерской и заочно учился в сельскохозяйственном техникуме, куда поступил и Ян, окончив восемь классов. Да, всем равны были братья, только младший силой не вышел: рост — 1 метр 60 сантиметров, вес — 55 килограммов. Вот и стал Ян в свободное время убегать со старой мызы, где находился техникум, в правление соседнего колхоза. Там у правления лежала видавшая виды, покореженная и изрядно ржавая штанга, но килограммы-то на любой штанге одинаково тяжелые!

Разница была лишь в одном: у колхозной штанги Ян не встретил тренера, советчика, который мог бы его научить бороться со слепой и жестокой тяжестью по всем правилам атлетического искусства. Да и зачем ему был такой советчик, если визиты к правлению колхоза были мимолетны и преследовали чисто служебную цель: размяться между двумя лекциями! И все же что-то его привлекало к тяжелой железине. Он даже предпочел штангу борцовскому ковру и, проиграв первую же свою схватку, отказался от дальнейших тренировок, несмотря на все уговоры преподавателя техникума Пауля Паакспуу, бывшего борца.

А деревенская штанга постепенно начала подчиняться усилиям тщедушного паренька, и через год это слово «тщедушный» к Яну уже никак не подходило. Он удивительно окреп, и появилась в его фигуре та атлетическая стать, по которой всегда можно узнать штангиста.

Ну как же после этого Ян мог забросить штангу? Самоучка со старой мызы все больше времени проводил на колхозной площадке, сам постигая секреты жима, рывка и толчка. В шестнадцать лет Ян начал выступать на соревнованиях по легкой атлетике и, хотя к восемнадцати стал чемпионом Эстонии среди юниоров в толкании ядра и метании молота, своих штангистских забав не бросил.

Казалось бы, для чего ему теперь тяжелая атлетика? Ведь он своего добился: догнал братьев по комплекции, а по спортивным успехам даже перегнал. Но теперь не только Ян держал штангу, но и она его: Ян Тальтс выиграл в восемнадцать лет первенство Эстонии в среднем весе среди взрослых. Занял в молодежном первенстве СССР второе место уже в полутяжелом весе, подняв в сумме трех движений 407,5 килограмма.

К этому времени Ян Тальтс окончил техникум, переехал в Тарту к старшему брату, и тот настойчиво его уговаривал поступать в сельскохозяйственную академию, а не в университет на физкультурный факультет. Однако за них двоих все решил военкомат: Ян был призван на срочную службу в армию.

В школе сержантов, в Полтаве, тяжелая атлетика не входила в учебную программу, и до января 1964 года, пока не была дана присяга, молодой боец не подходил к штанге. Но весной он уже выступал в составе сборной команды Полтавской области на первенстве Украины и победил, хоть результат его не достиг 400 килограммов — рубежа, освоенного им еще в Эстонии. И толчок его — 158 килограммов,— хоть и являлся рекордом Украины, на 2 килограмма уступал весу дополтавскому.

После этого Тальтсу не пришлось больше искать подходящий тренировочный зал: его перевели в Киев, помогли ему всем, и скоро доармейские килограммы были превышены сперва на 18, а затем еще на 25 килограммов. В 1966 году молодой армейский полутяжеловес Ян Тальтс оказался зачисленным в сборную команду страны. Но какие шансы у него были там рядом с олимпийским чемпионом Владимиром Головановым, Анатолием Калиниченко и штангистом с огромным опытом Эдуардом Бровко? К тому же старший тренер сборной Аркадий Воробьев, в свое время сильнейший полутяжеловес мира, конечно, с особым интересом должен был отнестись к появлению новичка.

Найдет ли Тальтс свое место среди лучших? Но все оказалось проще, чем он предполагал. И Воробьев не стал ему навязывать своих взглядов, и «совесники» — если так можно назвать спортсменов одной с ним весовой категории — с благожелательным интересом приглядывались к этому сдержанному, чуть-чуть хмурому, ладно скроенному, красивому парню. «Ну-ка покажи, на что ты способен,— как бы говорили они.— И покажи нам это на настоящем большом соревновании, а не где-то там на молодежно-юниорских республиканских первенствах!»

И вот решено: новичок сборной Ян Тальтс выступит вне конкурса в Риге на Кубок Москвы, крупнейшем международном соревновании.

Надо ли описывать настроение Яна, когда ему стало известно это решение? Ведь это будет первое в его жизни международное выступление. Ему предстоит встреча с лучшими «полутяжами» мира. Первая встреча! И что с того, что он будет выступать вне конкурса? От этого штанга не станет легче.

Может быть, впервые испытал этот штангист-отшельник чувство одиночества: нет у него тренера, кому он мог бы доверить свои сомнения, чьи советы помогли бы ему. И, словно разгадав настроение немногословного новичка, его прикрепили к тренеру средневеса Владимира Беляева — Якову Романовичу Криницкому, знающему дело и готовому помочь своему временному подопечному. Но чем можно помочь штангисту за две недели до старта? Объяснить ему, что жим его явно отстает от рывка и толчка? Но разве от этого что-нибудь изменится? Прочесть ему лекцию о взаимодействии трех атлетических движений: первое силовое, второе темповое, а третье — сочетающее и то и другое?.. Нет, с плохим жимом хорошей суммы трудно добиться. Но разве Ян Тальтс этого не знает?

Ян знал о недостатках своего жима, а скоро получил и новое подтверждение этому. Он начал борьбу в Риге с Эдуардом Бровко и поляком Иренеушом Палинским с того, что проиграл одному в жиме пять килограммов, а другому — два с половиной. В рывке Бровко оторвался еще на два с половиной килограмма, и хоть в толчке Ян и отыграл у своего маститого соперника то, что уступил ему в рывке, но покрыть потерь в жиме не смог. А борьба с Палинским за второе место сложилась еще драматичнее. После рывка Ян и Палинский оказались обладателями одинаковой суммы — 285 килограммов, и все должен был решить толчок. Но и в этом движении они подняли один и тот же вес — 180 килограммов, разделив второе и третье места...

Что ж, дебют Яна Тальтса был совсем неплох, и для того, чтобы исправить жим к следующему со-

ревнованию, у него было достаточно времени — больше месяца. И Ян трудился так, что у повидавших на своем веку всякое округлялись глаза.

Яну было для чего тянуть жилы: в мае сильнейшие атлеты должны были съехаться в Новосибирск, чтобы разыграть призовые медали на чемпионате страны, и там Ян Тальтс еще раз смог убедиться в коварстве жима. Впервые видел он, как хватают «баранку» в первом же движении и выбывают из борьбы. И кто схватил «баранку»? Сам Калиниченко — один из сильнейших и опытнейших атлетов мира! Не смог он выжать те самые килограммы, которые поднял Тальтс в Риге.

В Новосибирске Ян не уступил Бровко: оба они выжали по 152,5 килограмма, оба подняли в рывке по 140 килограммов, и теперь, казалось бы, Тальтс был близок к титулу чемпиона страны, ведь в Риге Бровко проиграл ему в толчке. Но то была Рига, а это Новосибирск. То был опытный, волевой боец Эдуард Бровко, и он не отдал новичку золотой медали. На финише они были рядом, но Бровко оказался легче Тальтса, и вот тридцатитрехлетний атлет оставил двадцатидвухлетнего на втором месте. Снова на втором...

Осенью в Берлине, на чемпионате мира, Ян убедился, что в жизни спортсмена бывают огорчения, и большие. И эти огорчения снова были связаны все с тем же заглавным движением — жимом.

«Полутяжелый вес принес нам огорчение. После жима, получив нулевую оценку, выбыл из борьбы Ян Тальтс». Такие строчки промелькнули в газетах, вышедших 23 октября. Несколько лаконичных строк, а они до сих пор бередят душу Яна Тальтса. Не может он забыть того берлинского наваждения. Ведь брал же он на тренировках 160 килограммов, а тут не смог совладать все с теми же 147,5 килограмма, которые лишили его победы в Риге, которые выбили из борьбы Анатолия Калиниченко в Новосибирске. Теперь они сыграли злую шутку с Яном в Берлине, и ему оставалось лишь в роли зрителя наблюдать за тем, как два польских спортсмена, Марек Голомб и Иренеуш Палинский, и венгр Гёзе Тот делили между собой призовые медали.

Никогда, даже приблизительно, не представлял себе Ян, как может гнуть к земле чувство непоправимой беспомощности. Что штанга рекордного веса! Пушинка! Без штанги тяжелее. И с чувством невыносимой тяжести на душе, не смея в глаза поглядеть товарищам, следил Ян за дальнейшим развитием событий. Он видел, как следом за ним на рубеже 150 килограммов сорвался прославленный английский атлет Луис Мартин и в третий раз, не выжав штанги, ушел с помоста... Вот кто схватил «баранку»! Тот, кто вел борьбу с Воробьевым и Ломакиным еще в Риме, тот, кто четырежды был первым на чемпионатах мира! Утешиться этим? Или тем, что Марек Голомб всем показал, как важно хорошо жать? Вот поднял он штангу весом в 162,5 килограмма, и после рывка никто не мог его догнать, хотя Гёзе Тот и показал в рывке самый высокий результат. Ну, а разве не являлось великим утешением для «молодого дебютанта», как его назвал один из журналистов, то, что в этом внутреннем споре между ненавистным жимом и любимым толчком победил все же толчок? Толчок в лице Тота. Да здравствует толчок! Венец тяжелой атлетики! Ведь в толчке атлет может поднять вес больший, чем в жиме, и больший, чем в рывке. Разве это одно не делает толчок самым главным козырем? Раз — и штанга на груди. Два — и она над головой! Вот так, в два счета, с помощью рекордного толчка и победил Жаботинский Власова на Олимпийских играх в Токио. А Гёзе Тот с помощью толчка вырвался вперед в Берлине. На 15 килограммов обогнал в толчке Голомба! Да и Палинский после толчка обогнал Голомба и занял второе место.

Толчок позволил Тоту повторить мировой рекорд Голованова в сумме трех движений, установленный им на Токийской олимпиаде,— 487,5 килограмма. Это вес! Но до пятисот никто не может добраться, до фантастических пятисот. До штангистской стратосферы. Это все равно, что Жаботинскому поднять шестьсот килограммов! Несбыточная мечта! А почему бы здесь, в Берлине, не попытаться подойти поближе к такой мечте? Хоть как-нибудь скрасить отчаяние неудачи?..

И может быть, тогда, на чемпионате мира в Берлине, в тот момент, когда Гёзе Тот упивался своим поистине выдающимся успехом, и решился вопрос, быть или не быть спортсменом дебютанту Тальтсу. Он смог в этот критический момент преодолеть упадок, собраться с силами и решиться на недостижимое. Совсем как Гёзе Тот, который в молодости выступал в среднем весе и ни разу не мог добиться победы, а за год до своего берлинского триумфа перешел в полутяжелый вес и вот тридцати двух лет стал чемпионом мира, совладельцем мирового рекорда.

Сила духа — вот в чем истинная победа Гёзе Тота. Если нет этой силы, нет спортсмена. И Ян Тальтс в Берлине доказал, что он спортсмен. На вечере побития рекордов впервые громогласно прозвучало имя молодого эстонского штангиста. Ян Тальтс начал с того, что покорил в жиме 160 килограммов, взяв предельный для себя вес, поднял в рывке 140 килограммов, а в толчке—190 килограммов. Слагаемые дали сумму нового мирового рекорда—490 килограммов. Правда, этот рекорд не утвердили: ведь соревнования были неофициальными,— но Яна Тальтса как спортсмена утвердили лучшие знатоки тяжелой атлетики.

Да, теперь всем ясно, что Тальтс способен преодолевать не только килограммы, но и малодушие. И он еще раз доказал это весной в Тбилиси, где на сей раз разыгрывался Кубок Москвы. Год прошел после его спортивного дебюта в Риге, и вот снова рядом с ним и Мартин, и Тот, и Палинский. Но для Яна важнее было испробовать свои силы в борьбе с Калиниченко, которого надолго вывела из строя болезнь. А кроме Калиниченко, пробовали свои силы в Тбилиси еще три наших спортсмена— Кидяев и Шишов, перешедшие из среднего веса, и молодой литовский штангист Приц. И именно он после жима захватил лидерство, подняв 160 килограммов. Лишь после рывка вперед вышел Тальтс, и только отличный толчок — 187,5 килограмма — позволил ему снова повторить сумму троеборья, показанную в Берлине. И теперь 490 килограммов — это уже сумма официального мирового рекорда. И имя Яна Тальтса теперь известно не только в Эстонии, куда он вернулся, закончив свою службу в Советской Армии, но и в Берлине, в Тбилиси, Новосибирске, во многих городах советских и зарубежных. А летом 1967 года имя Яна Тальтса прогремело в Москве, на Спартакиаде народов СССР.

Долго и тщательно готовился Ян к своему выступлению. Отрабатывалось каждое движение, но он понимал, что успех зависит от того, как удастся ему собрать воедино жим, рывок и толчок. Что надо для того, чтобы поднять пятьсот килограммов? Закрепить свои усилия в жиме на тех 160 килограммах, которые ему уже удавалось поднимать? Победить в рывке 147,5 килограмма? Преодолеть в толчке 192,5 килограмма? Но это же ему все по плечу! Последнее слагаемое успеха — толчок был проверен им в Болгарии, где Яну удалось установить мировой рекорд — 193 килограмма. Так что задача лишь в том, чтобы повторить пройденное в один день. И день этот известен — 2 августа 1967 года. Именно тогда по программе Спартакиады народов СССР поднимутся на помост полутяжеловесы...

Уже закончили жим Калиниченко и Кидяев. После жима они сразу потеряли все шансы на полутонную сумму, а Тальтс только тогда взошел на помост. Начинать со 152,5 килограмма — это лихачество, решили тогда многие, но опасность для молодого штангиста таилась в следующем подходе. На штанге 160 килограммов, и два подхода Тальтс использовать не смог. Теперь у него всего один шанс. Неужели неудача?..

Говорят, что секундант и близкий друг Тальтса известный штангист Володя Каплунов подметил причину неудачи и бросил ему на ходу: «Локотки повыше...» Так или иначе, а 160 килограммов покорились Тальтсу, а за ними покорился в рывке и 151 килограмм. В зачет шло 150 килограммов, а еще один килограмм на штанге делал эту попытку рекордной. План был превышен, и Тальтс не стал вступать в борьбу, когда Калиниченко на полкилограмма улучшил его мировой рекорд в рывке. Перед Яном была другая заветная цель— полтонны в сумме трех движений. И Ян и здесь не ошибся в своих расчетах: уже после второй попытки, подняв в толчке 190 килограммов, он стал первым полутяжеловесом, показавшим 500 килограммов. Но у него ведь есть еще одна попытка, и тут же вес мирового рекорда стал еще на два с половиной килограмма больше. Но при проверке штанга оказалась весом в 193,5 килограмма, и мировой рекорд в толчке, установленный Тальтсом в Болгарии, вырос на 500 граммов. (Недолго продержался и этот рекорд в толчке: в октябре, выступая на соревнованиях в Мехико, Тальтс довел его до 194 килограммов.)

Так вчерашний новичок стал одним из непременных членов сборной команды страны. Тальтс обладал редким даром тренировать самого себя, но умел ценить и содружество тренера и атлета. Общение с сильнейшими полутяжами страны и их наставниками открыло Яну глаза на многое, и очень скоро он понял, что рекордсмен мира, первый и пока единственный член клуба пятисотников, открыватель пятисоткилограммовой эры, не может быть кустарем-одиночкой. Вот почему он предложил себя в ученики Тайме Виру, закончившему физкультурный факультет Тартуского университета, тоже штангисту. Теперь Тальтс тренирует своего тренера, помогает ему войти в курс дела, раскрывает секреты своей подготовки, и тот постепенно начинает тренировать своего учителя.

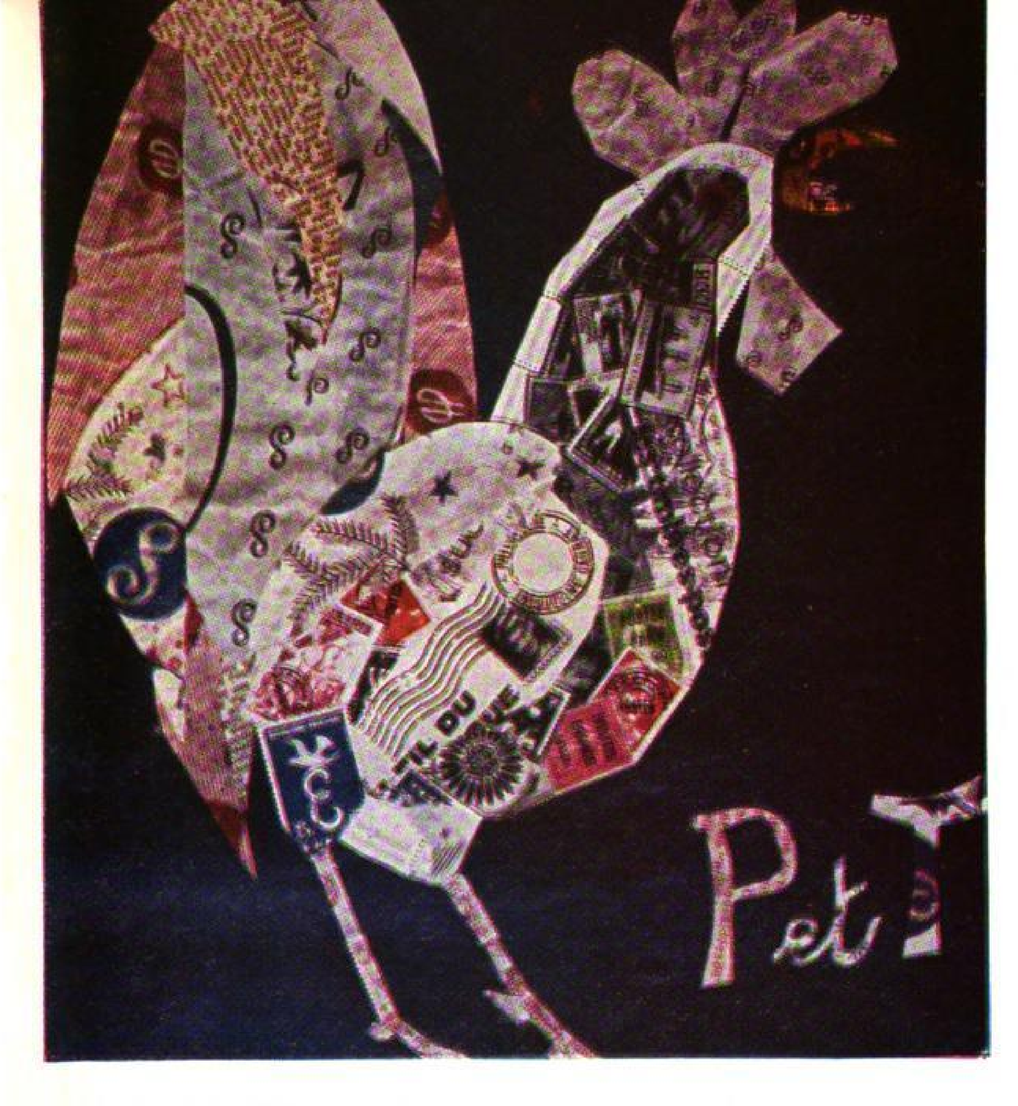
Тайме Виру Ян сразу и позвонил, услышав о том, что избран первым спортсменом года. Видал, что придумали журналисты! Поставили его выше Жаботинского! Это же надо совсем потерять чувство меры! А для Тальтса чувство меры всегда было решающим. Весь его тренировочный план построен на этом. В нем наращивание силы, столь необходимой для жима, сочетается с развитием скорости, без которой ни в рывке, ни в толчке успеха не добьешься. И в работе на больших весах Ян всегда придерживается разумной меры и свой собственный вес умеет держать в разумных пределах. Его обычный вес — 94 килограмма, так что перед соревнованиями его всегда приходится сгонять. Только штангисты знают, какой это мучительный процесс. А ведь Ян уже шесть лет гоняет вес. Ни грамма свыше девяноста килограммов — вот всегда висящий над ним дамоклов меч.

И как же удивился тот первый журналист, который, узнав о результатах референдума, первый проник к Тальтсу и на вопрос о планах на будущее услышал в ответ: «Буду в Мехико штурмовать 510 килограммов...»

Сразу скачок через две весовые ступеньки? Вот вам и чувство меры! Но Ян Тальтс не изменил этому чувству в своем интервью. Он просто учитывал, что, выступая в полутяжелом весе, нельзя терять времени: уж очень здесь собралась сильная компания. И действительно, в те февральские дни, когда Ян Тальтс и Анатолий Калиниченко выступали в Мехико, в Москве Владимир Голованов установил рекорд в жиме — 171,5 килограмма. Узнав об этом, Ян только руками развел: ведь он в Мехико не смог преодолеть свои обычные 160 килограммов! Но зато в толчке Тальтс снова улучшил мировой рекорд еще на один килограмм. Так или иначе, а больше пятисот килограммов Ян в Мехико поднять не смог, где же шансы на то, что он на Олимпиаде увеличит свой результат на семь с половиной килограммов?..

И действительно, шансов на это теперь нет никаких. Нет, потому что еще задолго до начала Олимпийских игр в Мехико, в апреле, на соревнованиях в подмосковном городе Дубне Ян Тальтс осуществил свое намерение. Ему удалось наконец сдвинуться с мертвой точки в жиме, подняв 162,5 килограмма, в рывке — 153 килограмма, отобрав мировой рекорд у Калиниченко, а в толчке установить новый мировой рекорд — 195,5 килограмма.

Отныне мировой рекорд в сумме трех движений для полутяжеловесов равен 510 килограммам. Вот какой новый фокус выкинул Ян Тальтс! Вот сколько весит удача!

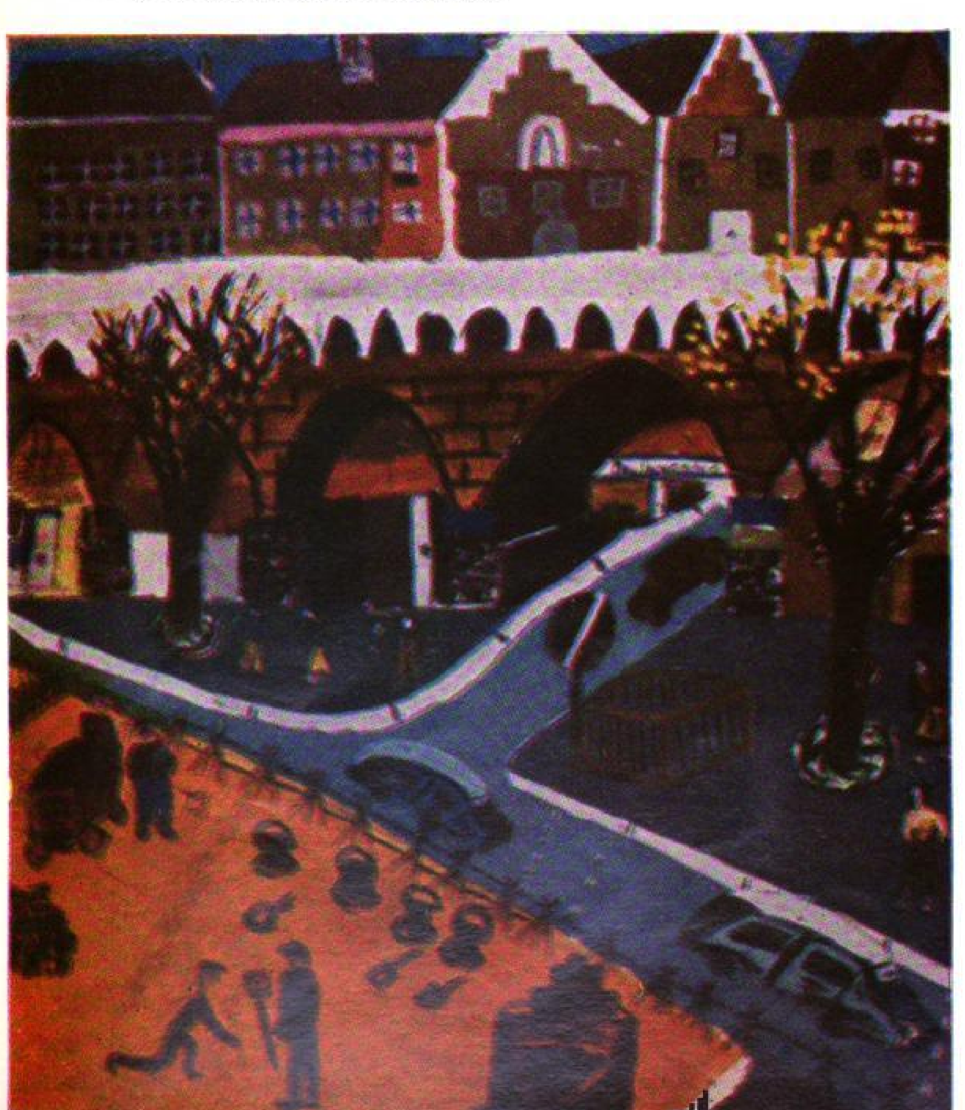

Жизель Гайро (12 лет). ПЕТУХ.

Франсуа Буссе (16 лет). ДЕКОРАТИВНАЯ ЖИВОПИСЬ

Юболь (13 лет). ПАРИЖСКИЙ ПЕЙЗАЖ.

Франсуаз Роземпик (11 лет). НА НАБЕРЕЖНОЙ СЕНЫ.

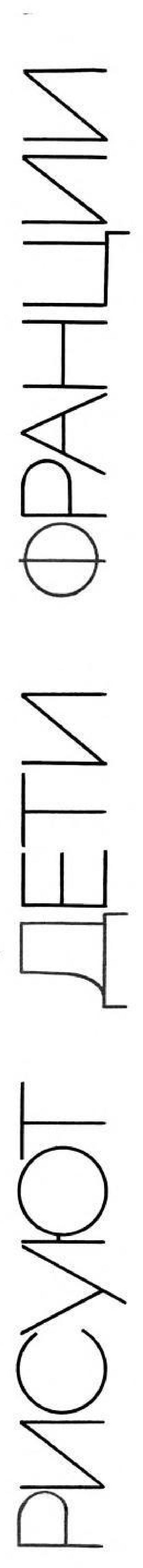

Мишель Фетте (5 лет). В АВТОБУСЕ.

Устали Яшмин (12 лет). МУЗЫКАНТЫ.

Мы знаем Францию, прославленную всемирно известными писателями, поэтами, художниками. Теперь мы увидели Францию глазами ее детей: в Московском городском дворце пионеров и школьников экспонировалась выставка французского детского рисунка. Около ста работ авторов в возрасте от 5 до 18 лет были отобраны Национальным педагогическим институтом и присланы муниципалитетом Парижа в Москву в ответ на выставку рисунков советских детей во Франции.

Чем же порадовала нас выставка юных французов? Прежде всего своей живописностью. Яркими, веселыми красками сияют на стендах рисунки малышей: «В автобусе» Мишель Фетте, «Работа в саду» Ив Шани и многие другие. Папа-ушастик, мама-носатик и двое детей в красных одеждах чинно восседают за столом на коричневом фоне стены в «Семейном завтраке» Алена Арну. А у Моники Трембле Сена широкая, как море, и вода в ней синяя-пресиняя...

У ребят постарше палитра более сдержанна, краски светлы и жизнерадостны. И что бы ни писали они — натюрморты или жанровые сценки, портреты или пейзажи,— их работы привлекают внимание тонким чувством цвета, своеобразным и поэтическим видением мира.

Так рисует 14-летняя Мари Шанталь. В сероватой, почти призрачной дымке совсем раннего утра спит деревня. Маленькие домики лепятся друг к другу, словно им стало прохладно от ночной свежести. Желтоватые блики возвещают скорый рассвет. От рисунка веет удивительным покоем, тишиной еще не проснувшегося летнего утра. Изящная композиция, какая-то особая одухотворенность отличают эту работу.

Но больше всего на выставке городских пейзажей. Это и не удивительно. Ведь большинство авторов — парижане. Ребята нежно любят свой город, чувствуют и понимают его красоту. Они пишут его улицы и дома, будни и праздники, Сену во все времена года. Вот она в мягких, сочных красках осени. Каштаны, ящики букинистов — знакомые приметы прекрасного города. А за парапетом Сена. Как по-разному рисуют ее ребята! Слепые коричневатые дома набережной совсем не интересуют одного, зато лодки, вернее, корабли всех цветов радуги,— это стоит внимания. Их так много, что из-за них почти не видно воды, такой же ослепительно синей, как и небо чудесного солнечного дня... На набережной напряженно работают люди и машины — идет стройка... Снова осень, тяжело нависшее над городом небо сулит дождь. Сиротливо тянутся вверх старчески искривленные руки деревьев и холодные прямые стрелы антенн. Желтовато-серые дома, стены, потемневшие и позеленевшие от времени, жмутся друг к другу. И даже красные мазки афиш не снимают настроения легкой грусти, которое возникает порой глубокой осенью.

А вот и снег. Для маленьких парижан это такая редкость и радость! Может быть, поэтому так весело смотрится пейзаж Тесье. На серо-зеленом фоне улицы с черными силуэтами деревьев как-то очень ловко работают люди в ярко-синих комбинезонах. Один человечек в зеленой куртке и в таком же шарфе нашел укромное место для себя и своей тачки около тумбы, яркой и пестрой из-за множества афиш. И над всем этим чудесный белый пушистый снег.

Мир, который рисуют ребята, тесно населен людьми и животными. Взрослые много работают и иногда отдыхают. Дети бегут в школу, от души веселятся в цирке. Чудеса изобретательности проявил юный Кудьер, который в сравнительно небольшом по формату рисунке изобразил все эти удовольствия, которые можно получить в праздничный день. Здесь и цирк, и тир, и гонки мотоциклов и автомашин, и выступления артистов, и яркие соцветия шаров, которые так и рвутся в голубое небо. Музыка, шум, суета, и все это залито горячими лучами солнца.

Произведения разнообразны не только по тематике, но и по технике исполнения. Темпера, гуашь, масло. Есть работы, выполненные мозаикой из кусочков картона или бумаги разных цветов. А петух Жизель Гайро — аппликация из старых газет, использованных конвертов и марок, различных этикеток. Мы не будем утверждать, что это тот самый галльский петух, который красуется на национальной эмблеме Франции, но сделано это со вкусом и мастерством.

Есть на выставке целая серия работ под названием «декоративная живопись». Здесь ребята дали простор своей фантазии, воображению, сказке. Богатство красок и их удивительно гармоничное сочетание делают нарядным рисунок Франсуаз Буссе. Ее лесная фея кажется сотканной из зелени листвы, коричневато-красных корней и голубизны лесных озер.

А с трехцветной линогравюры Устали Яшмина, навеянной, по-видимому, страничкой истории или посещением музея, фресками или старинным гобеленом, смотрят на нас трубадуры, готовые по первому знаку спеть «Песнь о Роланде».

О лучших рисунках выставки наши ребята писали в книге отзывов. Они высказывали пожелание, чтобы такие выставки устраивались регулярно и стали бы доброй традицией.

Ю. РАКЧЕЕВА

1944 год. Иосиф Уткин (в центре) среди офицеров действующей армии.

ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ДО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

...На гражданскую войну 17-летний иркутский паренек Иосиф Уткин ушел добровольцем в составе «Первой ударной группы», сформированной из комсомольцев. Демобилизовавшись в 1922 году, он возвратился в Иркутск, но связи с армией не порывает: служит политруком у допризывников.

С гражданской войны иркутский комсомолец Иосиф Уткин вернулся не только политработником, но и поэтом. К этому времени он уже опубликовал несколько стихотворений в иркутской печати.

Среди них едва ли не первое «Красноармеец»:

На лбу искрится пять углов.
В далеком взоре — буря веры.
Он незатейливый, он серый,
строитель солнечных миров.

Ты за спиной не видишь крыл?
Под серым — сердца голубого?
Он, как апостол, для другого
свое все личное забыл.

И у палящего столба
кует он голою рукою.
Но шумнокрылою хвалою
его не чествует толпа.

Когда же время алость лент
заткет узорами столетий —
их торжествующие дети
ему воздвигнут монумент.

И слава светлостью жива,
в сердцах народа не остынет.
Он будет сказочный Добрыня,
он будет сказочный Бова[1].

Этим стихотворением было положено начало рождению уткинского героя, который под разными именами, в различных ситуациях, взрослея и мужая, пройдет через все творчество поэта и встретит вместе с ним суровые дни Великой Отечественной войны. Уже 25 июня 1941 года в центральной печати появилось первое стихотворение Уткина этой тревожной поры. А еще через полтора месяца он уехал на Брянский фронт — в редакцию красноармейской газеты «На разгром врага».

Иосиф Уткин воевал не только стихом. Он сражался на поле боя. В одной из контратак поэт был ранен и тяжело контужен. Его наградили орденом Красной Звезды. После ранения Уткин отказался демобилизоваться. Это ему принадлежит фраза, ставшая крылатой: «Поэт всегда остается в строю!» Он добился отправки на фронт, и вновь «в ногу с тревожным веком» вместе с наступающей армией шагали поэт и его стихи — «стихи о России, о чувствах России к солдатам ее...».

В годы войны поэт печатался чаще и больше, чем когда-либо в мирное время. Поэзия Иосифа Уткина военных лет — это подлинная «летопись боя» и чуткая «хроника чувств». В его стихах жила необоримая уверенность в победе. Но до Дня Победы ему так и не довелось дожить: 13 ноября 1944 года, возвращаясь с фронта, Иосиф Уткин погиб во время авиационной катастрофы.

Кто-то из солдат нацарапал на стене рейхстага, должно быть, штыком, уткинские строчки:

Вот когда война пройдет
сторонкой
И действительную отслужу,
Я в Сибирь, в родную
деревеньку
На могилу к матери схожу.

Такой факт многое говорит нам об Иосифе Уткине — поэте-воине, человеке большого мужества и большого таланта.

Давид ФИКС,
секретарь Комиссии по литературному наследию поэта И. П. Уткина при ССП

[1] Журнал «Красные Зори» № 1, 1923. В книги поэта не включалось.

РЕЙД

Как будто убаюканный,
Дремучий лес застыл.
Идут гвардейцы Крюкова
Сегодня к немцам в тыл.

Уж кони в нетерпении
Кусают мундштуки;
Клинки — как продолжение
Карающей руки.

Немало будет пройдено,
А скажется — в обрез:
— За Родину!
За родину...
И вздрогнет Брянский лес.

И засверкают голые
Клинки в густой ночи.
И заскакают головы
У немцев, как мячи.

Скрываясь за каштанами,
За дубом схоронясь,
По Жуковке бесштанная
Бежит штабная мразь.

А крюковская конница
Летит наперерез!
...И вот уж славой полнится
Старинный Брянский лес.

И вспоминают пройденных
Путей геройских труд.
И ждут, когда за Родину
Опять на бой пойдут.
1943.

Георгий ЕФИМОВ

Спасибо, край родной!

МГНОВЕНИЕ

Мгновение по времени — пустяк.
Все это так.
И все-таки не так.

Мгновенье —
Не успеешь глаз сомкнуть.
Мгновенье —
Не успеешь сон стряхнуть.
Мгновенье —
Не успеешь в дверь войти.
Мгновенье —
И утраты впереди...

Мгновенье —
Пуля вышла из ствола
И человечью жизнь
Оборвала.

Мгновенье —
Залп за слезы матерей
И эхо
Потрясенных батарей.
Мгновенье —
И Матросов недвижим.
Не будь мгновенья,
Он остался б жив.
Но то мгновенье
Стоит сотен лет...

Мгновенье —
И войны на свете нет!
А есть рейхстаг,
Поверженный рейхстаг,
Да наш победный
Густо-алый стяг...

Мгновенье —
И мартены плавят сталь.
Мгновение —
И взята высота.
И космонавт
В неслыханной дали
Прославил вновь
Шестую часть земли!

Мгновение —
Пожар любви в душе,
И девушка
Просватана уже...
Мгновение по времени — пустяк.
Все это так.
И все-таки не так.
Мгновенье —
Чья-то жизнь оборвалась,
А чья-то
Только-только началась.
Идут мгновенья.
Время не стоит.

Эпоха
Из мгновений состоит.

* * *

Вы доле позавидуйте моей:
Я ночь провел
В объятиях полей.
На землю
Опустились облака,
Легли постелью,
Что, как пух, мягка.
Устало ветер по полю сновал,
Меня накидкой звездной
Укрывал.
Луна
Подушку заменила мне.
И я забылся в самом сладком
сне...
Спасибо, край родной,
За доброту,
За мир полей,
За песен чистоту,
За то, что я, устав,
Могу лежать
И одному тебе принадлежать.

Спасибо, край родной,
Что я живу,
Храня
Родного неба синеву,
За то, что я
И пахарь и кузнец,
Минувших дней
И будущих творец;
За то, что занимает
Высота
У нашего орнамента
Цвета —
Цвета земли,
Цвета полей и рек,
Что выразил чувашский человек...

О, как тебя, мой край,
Благодарить
За то, что дал умение
Творить,
Уменье жить, не плача, не
скорбя,
Во имя человека
И тебя!..
Вы доле позавидуйте моей:
Я ночь провел
В объятиях полей.
А сколько их, таких ночей,
Вдали,
Пока я не уйду с родной земли!

Перевел с чувашского
Вл. ФИРСОВ.

Лев ХАЛИФ

Испытания

* * *

Нас светлым днем
Обдаст
нахлынувшим.
И берег отойдет к виску,
И парус крепче в небо
вклинится —
Хозяин неба — маленький лоскут.
Там штиль у берега,
Там ветра нет,
Там только пена белая.

А здесь волна вполнеба,
А здесь паруса над водой на весу
Полосками полощутся...

Нас ветры в море отнесут
И назад возвратятся
Порожние.

* * *

Не называйте злых людей
собаками,
Того не стоят
Те,
кто люты.
Собаки
просто внешностью
запаздывают,
А так они почти что люди.

Собаки —
верности солдаты,
Служивый пес
Нас не покинет в гибели.
Что может быть добрей
Собаки,
Когда тебя
По-человечески обидели?

Сильные,
правда,
не плачут,
Но если их понимают
Хотя б по-собачьи —
Это немало.

У пса —
послушай —
Глаз поет,
В другом глазу
Родное сердце скачет...

О человек,
при всем могуществе твоем
Тебе ли не известна
Жизнь собачья?!

Ушасты морды,
Теплые,
как шапки,
От боли доброту оскалив,
Лежат натруженные самки,
По-матерински шевеля соска́ми.

Находит немота густая
От умных песьих глаз.
Пес
по природе
Не создаст гестапо,
Пес
не ударит мордой
в грязь.
Я пса,
ей-богу б, осебячил.
А что верней
Любви
Собачьей?!

* * *

Достоинства неписаный закон
Провинций и столиц:
Гордый —
и сидит высоко́,
Подхалим —
и стоит ниц.

* * *

Лес горизонт перервал
Зубцами затонувших сосен.
Моросит облаков перевал
По соснам, успевшим обсохнуть.
Пропахшая дымом костра,
Пропащая где-то в тайге
Душа отогрела костяк,
Замерзшая по тебе.
Там, где, высо́ко крестясь,
Падает птица вниз,
Где ветры без эха кричат,—
Неистово оглянись!
Там далеко-далеко,
Рассыпчатую, как лед,
Как маленькое долото,
Звезду
кольнул самолет,
Там только ты не видна.
Оглянись, всюду небо сплошь...
Такая на небе одна
Ладошкой от выстрела прочь.
Ну, сберегись,
Оглянись!
Как ты там без меня?
. . . .
Падает птица вниз,
Небо на нас променяв.
Вполнеба глаз распрягла,
Взглядом алеет —
Падает птица стремглав
На пулю всего тяжелее.

Е. КРЕЧЕТ,
подполковник милиции

Цепочка

1

Перед отъездом в Москву лейтенант милиции Игорь Михайлович Коровяков последний раз бродил по полям. Почти месяц прожил он в украинском селе Вязниковке и теперь был благодарен друзьям, посоветовавшим ему провести здесь отпуск.

Земля дышала сухим зноем. В прозрачном мареве текли хлеба, источая запах меда. Островном среди поля дыбились кусты. Коровяков по тропинке добрался до них, прилег в холодке и незаметно для себя уснул.

Разбудили его приглушенные голоса: совсем рядом разговаривали мужчина и женщина. По временам женщина замолкала на полуслове, а потом счастливо смеялась.

«Целуются, черти»,— подумал Коровяков.

Разговор продолжался.

— Слушай, Вера, почему ты с мужем рассталась?

— Долго рассказывать. Да и зачем тебе знать? Пойдем-ка лучше по домам. Мама сегодня такой обед готовит — пальчики оближешь! Не откажешься, если в гости приглашу?

— Спрашиваешь...

Мужчина помолчал немного и сказал:

— Встретимся в Москве — пройдешь мимо, даже не посмотришь.

— Ерунду говоришь. Я тебя каждый день видеть рада.

— В таком случае, может, на работу возьмешь?

— Оформляй перевод, а нет — увольняйся и приходи. На хорошую должность всегда можешь рассчитывать.

— Не на всякую должность я гожусь: у меня «белый билет».

— Нам нужен начальник пожарной охраны. Устраивает? Будем считать, что договорились...

Мужчина и женщина ушли. Коровяков так и не увидел их. А увидеть обязательно надо было. Только ведь лейтенант не знал, что надо...

2

Над Москвой опустилась ночь. Сержант милиции Александр Косточкин внимательно наблюдал за улицей. Вдали послышался крик:

— Держите его!

Из переулка, прямо на постового, выскочил долговязый парень с дамской сумкой в руке. Увидев милиционера, он бросился в сторону и ловко перемахнул через забор. Сержант немедленно последовал за ним, догнал. Завязалась борьба. Парень владел приемами самбо. Косточкину пришлось трудно, но он все-таки справился.

Постовой доставил грабителя в отделение милиции. Документов во время обыска у него не нашли. Неизвестный сказал, что сам он из Ростова-на-Дону, а в Москве проездом.

Вскоре в сопровождении дворника в дежурную часть вошла заплаканная девушка. Это была потерпевшая.

Дежурный, капитан милиции Петров, успокоил ее, усадил в кресло, спросил, как зовут, поинтересовался, где она живет и работает, кто ее родители.

Отец девушки (ее звали Таисия) Дмитрий Наумович Гудилин работал кладовщиком на колхозном рынке, мать — домохозяйка, два брата — девяти и двенадцати лет — учились в школе. Петров обратил внимание на дорогой туалет девушки, на оригинальные золотые наручные часы, серьги и перстни с крупными бриллиантами.

— Вот вам протокол заявления.— Дежурный протянул Таисии лист бумаги.— Напишите, пожалуйста, как выглядела ваша сумка, что в ней находилось, укажите примерную цену каждой вещи.

Кончив писать, девушка бросила взгляд на часы: было половина второго ночи. В дежурной части снова появился Косточкин.

— Александр Иванович,— обратился к нему дежурный,— напиши рапорт да проводи девушку домой — она недалеко живет.

— Ой, большое вам спасибо,— поблагодарила Гудилина.— Знаете, я так перетрусила!

— Завтра зайдите к нам еще раз,— сказал Петров.— С вами будет разговаривать следователь. Он и решит, что делать с вашей сумкой. Вернет вам или приобщит к делу в качестве вещественного доказательства.

— Хорошо,— ответила Таисия.— Завтра я работаю во вторую смену, сумею зайти к вам утром.

Она ушла. Петров раскрыл ее сумку.

Там лежали деньги (восемьсот рублей!), пять драгоценных камней, кулон на золотой цепочке, письма, записная книжка.

«На какие средства девчонка так шикарно одевается?— раздумывал видавший виды дежурный.— Откуда у нее столько денег? Накопила? Но ведь она зарабатывает немного. Отец, если судить по должности, тоже получает не ахти сколько. А драгоценные камни? Пишет: чешское стекло. Нет, милая, тут не стеклом пахнет, я в этом деле кое-что понимаю...»

3

После той памятной ночи Косточкин стал встречаться с Таисией Гудилиной. Ему нравилась эта красивая, веселая девушка, всегда нарядно и со вкусом одетая. Правда, свидания их были редки: то сержант дежурил, то у Таисии, по ее словам, не было свободного времени.

Как-то перед вечером, переодевшись в штатский костюм, Косточкин пришел к заветной скамейке под липой. Гудилины жили в старинном, из красного кирпича доме и занимали три комнаты. В большой коммунальной квартире с лабиринтом коридорчиков, прихожих, кладовок жили еще четыре семьи. Обо всем этом сержант узнал позднее при обстоятельствах, для него неожиданных, а пока что Таисия дальше подъезда его не пускала.

Усевшись на скамейке, Александр закурил. Он не знал, дома ли Таисия, и пришел так, на всякий случай.

Из подъезда вышел какой-то старик, сел рядом с сержантом, поздоровался, завел разговор о погоде, перешел на футбол, а потом вдруг спросил:

— Демобилизовались недавно?

— Недавно,— растерянно ответил Косточкин.— А как вы узнали?

— Выправка военная видна. Я полковник в отставке, мне это особенно заметно. Костюм новый еще приобрести не сумели, этот до службы был куплен. Правда?

— Правда,— признался Косточкин и покраснел.

— Знаете, давно хочу вам сказать, молодой человек...— вдруг переменил тему старик.— Не пара она вам, Таисия. Не обижайтесь на меня, выслушайте. Никто у нас Гудилиных не любит. Какие-то скользкие они, не ухватишь. Вечно полон дом гостей, и всегда новые. У мальчишек — пианино, баян и аккордеон, учитель музыки к ним ходит. У Таисии, сами знаете, что ни день — обновы. Летом Гудилины снимают дачу под Звенигородом. Откуда все это берется? Дмитрий-то Наумович кладовщиком на рынке подвизается. Велик ли у него заработок, если даже учесть, что он и приворовывает?..

Таисии, видимо, дома не было или она не захотела выйти. Косточкин поговорил еще немного с полковником и распрощался. Весь разговор он через несколько минут передал начальнику отделения милиции.

Прошло некоторое время. Однажды за спекуляцию импортными лекарствами работники ОБХСС арестовали некоего Нурдаблетова. У него изъяли партию лекарств, крупную сумму денег и драгоценностей, среди которых оказались пять камней Гудилиной. (После беседы со следователем Таисия получила свою сумку в целости и сохранности.)

Спекулянт заявил на допросе, что камни он приобрел давно в Прибалтике у какого-то иностранца. Домашним драгоценности не понравились, и на семейном совете решили продать их. С этой целью и была якобы предпринята поездка в Москву.

Работники ОБХСС прекрасно знали, что Нурдаблетов говорит неправду, но пока не разубеждали его: веских улик против Гудилина и его дочери у них не было.

Месяца через полтора-два после этого случая в поле зрения работников ОБХСС оказались гастролеры-валютчики Иванов, Коснинов и Сатпаев. То там, то здесь они встречались с ранее судимыми лицами, находящимися под гласным надзором милиции. В сквере у Большого театра их видели с Таисией Гудилиной, а около одного из ювелирных магазинов — с самим Дмитрием Наумовичем.

Когда стало совершенно ясно, что Иванов, Коснинов и Сатпаев замешаны в спекулятивных сделках, сотрудники милиции решили принять полагающиеся в таких случаях меры. Приезжих «бизнесменов» задержали с поличным. Не ошиблись в ОБХСС! Только золота у спекулянтов изъяли более двух килограммов. Преступники признали себя виновными, но о сделках с Гудилиным никто из троих показаний не дал.

4

Полковник милиции Павлов собрался идти обедать, когда зазвонил телефон. В последнее время звонки особенно тревожили начальника райотдела милиции. Почти каждый телефонный разговор завершался серьезными внушениями. В начале осени оперативная обстановка на территории района осложнилась. Несколько тяжких преступлений оставались нераскрытыми, виновные гуляли на свободе, возможно, готовили новые, более опасные злодеяния, и с Павлова серьезно спрашивали за отсутствие действенной профилактики. Неприятный разговор произошел у него как-то с первым секретарем райкома партии.

— Разонравился ты мне, Кузьма Иванович,— сказал партийный руководитель.— Столько времени не можешь раскрыть кражу платины в институте.

Оправдываться было излишне.

Часто звонил и несколько раз приглашал для доклада начальник Управления охраны общественного порядка, который детально интересовался делом о краже драгоценного металла.

Павлов понимал озабоченность и первого секретаря райкома партии и комиссара милиции. Несколько килограммов платины, неизвестно как исчезнувшей из институтской лаборатории,— это не мешок картошки. Металл стоил больших денег.

Полковник снял трубку и услышал голос подчиненного — начальника одного из отделений милиции. Тот просил Павлова никуда не уходить, доложив, что есть новость.

...В одном из молодежных рабочих общежитий время от времени пропадали деньги, часы, авторучки, транзисторные приемники. Ребятам сразу бы поставить в известность администрацию завода, милицию, а они побоялись позора, который, по их мнению, лег бы на весь коллектив образцового в районе общежития, понадеялись на свои силы.

Однажды, когда в общежитии собрались все его обитатели, председатель совета предложил провести собрание. Разговор получился громкий. Было внесено много предложений. Шофер самосвала Сергей Мартемьянов, косая сажень в плечах, высказался совершенно определенно:

— Вор живет среди нас. Чужой по тумбочкам и карманам шарить не станет. Это точно. Тут разное предлагали. Не знаю, может, и будет какая польза. А пока суд да дело, предупреждаю: если у меня что пропадет — под землей эту сволочь найду и так отхожу вот этими...— Сергей потряс в воздухе пудовыми кулаками...— до конца дней своих на лекарства работать будет.

Но не помогло и собрание — кражи не прекратились. Правда, у Мартемьянова ничего не пропадало.

Совет общежития и члены комсомольского оперативного отряда решили наступать. В день выдачи в цеху заработной платы пометили условными значками несколько купюр, поставив об этом в известность комсомольцев, работавших в цеховых буфетах, столовых и магазинах. Девчата из заводской лаборатории обработали химическим составом два десятка новеньких полтинников, поместили монеты в мешочек и вшили его в карман пиджака председателя совета общежития.

За ночь деньги пропали у троих. Из мешочка исчезли монеты.

Прошел день. Активисты нетерпеливо ждали развязки. Из предприятий общественного питания никаких сигналов не поступало. Сергей

Мартемьянов, чего раньше не случалось, не ночевал в общежитии, утром не вышел на работу. Дело принимало серьезный оборот — волей-неволей пришлось заявить в милицию. К розыску исчезнувшего водителя приняли меры. По поводу краж в общежитии возбудили уголовное дело, и началось расследование.

Спустя три дня председатель совета общежития, расплачиваясь за папиросы в табачном киоске на одной из улиц, расположенных далеко от завода, протянул десять рублей. Получив сдачу, он на всякий случай осмотрел деньги: на пятирублевой купюре была знакомая пометка.

Кто мог тут покупать папиросы? Это вскоре стало известно.

...Мартемьянов улыбнулся на прощание сменщице и отправился в душевую. Смыв масло, он ужаснулся: кисти рук были ярко-малиновыми. Наскоро переодевшись, Сергей поспешил к Капитолине Бурмистровой, смазливой молоденькой женщине, недавно освобожденной из мест заключения.

— Не иначе заподозрили тебя,— предположила Капитолина, узнав, в чем дело.— А если обыск устроят?

— Не паникуй,— успокоил Мартемьянов.— Никто же не знает, что я к тебе хожу.

Целую неделю пробыл он у возлюбленной. По нескольку раз в день мыл руки бензином, керосином, тройным одеколоном, щелочами — ничего не помогало. И только с течением времени кожа на руках приняла естественный вид. Сергей мог выйти на работу. Свое отсутствие шофер объяснил внезапной тяжелой болезнью и обещал завтра же «закрыть» и принести бюллетень.

После смены, засунув руки в карманы, он долго бродил по улицам, бренча мелочью и раздумывая над тем, как бы ему половчее вывернуться из щекотливого положения. Увидев палатку «Пиво — воды», подошел, протянул в окошко руку с лежащими на ладони монетами и тотчас отдернул ее — кожа снова была ярко-малиновой.

Сергей бежал, ничего не видя перед собой. Сбил с ног лоточницу, опрокинул корзину с пирожками. Постовой задержал его и привел в дежурную часть, где в то время находились и комсомольцы из оперативного отряда. Они сразу все поняли.

У Мартемьянова нашли меченые деньги. Он признался в кражах и рассказал, где спрятаны вещи, которые Бурмистрова не успела продать. (Сбытчица краденого жила, между прочим, неподалеку от табачного киоска, в котором председателю совета общежития дали меченую пятерку.)

В записной книжке Мартемьянова, которую страничку за страничкой изучал руководитель оперативной группы лейтенант милиции Коровяков, были десятки адресов и телефонов. Мартемьянову предложили подробно рассказать историю каждой записи, а потом все это тщательно проверили. То была трудная и кропотливая работа. Многих абонентов Мартемьянов забыл. А может быть, хитрил, старался сбить следователя с толку.

Проверка показала, что телефон некоей Тамары (так было помечено в записной книжке Мартемьянова) принадлежал институту, из лаборатории которого месяц назад украли платину. Аппаратом пользовались слесари-водопроводчики, электрики, пожарные, экспедиторы, шоферы. В институте ни одной Тамары не было. Кто же скрывался под этим вымышленным именем?

Телефон Тамары числился среди тех, кого Мартемьянов «забыл». Лейтенант Коровяков, не акцентируя внимания задержанного на этом имени, несколько раз пытался выяснить истину, но все было безрезультатно...

— Вот все, что я хотел доложить вам, товарищ полковник,— закончил рассказ начальник отделения милиции.

— Спасибо за добрые вести! — Павлов был доволен.— Если уж Коровяков зацепился — дело верное.

Павлов снял трубку телефона и набрал номер.

— Товарищ комиссар, вышли на металл,— коротко доложил он.

5

Так кто же скрывался под именем Тамары? В памяти лейтенанта Коровякова промелькнули недавние события.

...О краже в научно-исследовательском институте стало известно в понедельник утром. Оперативная группа милиции, тотчас выехавшая на место происшествия, не обнаружила никаких следов преступника. Лаборатория, из которой исчезла платина, находилась на третьем этаже главного корпуса. С двух сторон к нему примыкал сад. Клены и липы, достигавшие высоты пятого этажа, позволяли влезть по ним в окно и проникнуть в помещение. Работники опергруппы считали, что вор попал в лабораторию именно таким путем. И к тому имелись основания: ни одно из трех окон лаборатории не было закрыто на шпингалеты. Дверь повреждений не имела. В открытой двери сейфа торчал заклиненный ключ.

После тщательного осмотра места происшествия, анализа обстановки и изучения инструкции о хранении драгоценных металлов Коровяков пришел к убеждению, что преступник сам работает в институте или по крайней мере имеет здесь сообщников.

Человек, не знакомый с расположением лаборатории, местами хранения драгоценных металлов, не решился бы на кражу вслепую. Не имея представления о системе охраны, о сигнализации, посторонний вряд ли отважился бы появиться на территории института в нерабочее время.

А ключ? Как бы мог подделать его чужой человек, не видевший сейфа?..

В воскресенье охрану несли двое вахтеров, патрулировавших территорию, и пожарник. На допросе они показали, что с постов не отлучались, посторонних не видели, никакого шума нигде не слышали.

В связи с задержанием Мартемьянова возникла новая версия: кражу совершил водитель заводского самосвала, кто-то из работников института помог ему. Не прекращая проверки ранее выдвинутых версий, работники опергруппы взялись еще за одну. Первым делом они обратили внимание на тех, кто уволился из института за последний год. Таких оказалось немало: люди почему-то не держались в этом учреждении.

Десятки адресов... Перед Коровяковым и его товарищами проходила вереница людей. Нет, они не держали ответ в служебных милицейских кабинетах и даже не догадывались, что ими интересуются. Бывая в ЖЭКах, на предприятиях и в учреждениях, обсуждая с директорами, партийными и комсомольскими руководителями, председателями месткомов самые различные вопросы, оперативные работники, как бы между прочим, интересовались нужными им людьми.

Отпадала одна фамилия за другой. Наконец последняя. Владимир Степанович Бубнов был начальником пожарной охраны института чуть больше месяца. Веселый, общительный, он сразу полюбился всем, хотя был чересчур строгим и никому не прощал даже малейших нарушений противопожарных правил. По нескольку раз в день обходя кабинеты, лаборатории, библиотеки, он отучил курильщиков шутить с огнем. За предотвращение пожара в гараже директор института объявил ему благодарность и премировал.

Но однажды после продолжительного и, по всему было видно, бурного разговора с начальником отдела кадров Верой Петровной Алехиной, интересной незамужней женщиной, которая, как говорили злые языки, имела виды на нового стража пожарной безопасности, Бубнов подал заявление об увольнении по собственному желанию, проработал после этого две недели, получил расчет накануне кражи платины и ушел. Где он теперь работал, никто не знал. В отделе кадров (Алехина была больна), кроме приказов директора института о зачислении и увольнении Бубнова, никаких других документов не оказалось. Коровяков навел справки в адресном бюро. Ответ ошеломил его: Владимир Степанович Бубнов умер два года назад.

В тот же день Игорь Михайлович встретился с вдовой Бубнова. Женщина рассказала, что Владимир Степанович погиб, попав на улице под машину. Незадолго перед смертью он по состоянию здоровья уволился с предприятия, на котором трудился много лет, и подыскивал работу полегче.

Где его паспорт и трудовая книжка? Скорее всего остались в отделе кадров. Когда Владимир Степанович погиб, документов при нем не оказалось.

Теперь лейтенант знал наверняка: паспортом и трудовой книжкой погибшего завладел преступник. Видимо, он украл их у Бубнова незадолго до трагической минуты.

Коровяков выбрал в семейном альбоме несколько фотографий Владимира Степановича, пообещав хозяйке обязательно вернуть их.

6

Скоро выяснились удивительные вещи: на протяжении последних двух лет человек, выдававший себя за Владимира Степановича Бубнова, успел поработать в пожарной охране нескольких различных предприятий, не задерживаясь нигде более одного-двух месяцев. Лейтенант посетил их. Директорам, товарищам, ведающим наймом и увольнением рабочих, он показывал фотографии, среди которых были снимки Владимира Степановича Бубнова. И все утверждали, что именно этот человек работал у них в пожарной охране.

На одном заводе оставалась нераскрытой кража ценной продукции, на другом — крупной суммы денег из сейфа. Были кражи и на других предприятиях, но руководители махнули на них рукой и в милицию не заявили.

Лейтенант еще не имел никаких доказательств, но интуитивно чувствовал, что все преступления — дело рук «пожарника», как окрестил он неизвестного, и про себя возмущался: какое вопиющее ротозейство! Проглядеть такого махрового жулика! Неужели у людей совсем притупилась бдительность?

Поправившись после болезни, вышла на работу Вера Петровна Алехина. Коровяков никогда не встречал ее раньше, но увидевшись и разговорившись с нею, не мог отделаться от мысли, что ему знакомы и голос и смех этой красивой особы. И вдруг его осенило: а не она ли была тогда в поле под Вязниковкой с каким-то мужчиной?

Разговор шел о том о сем.

— Отпуск я провел на Украине, у совершенно чужих людей,— сказал Игорь Михайлович к слову.— Есть там такое село в пятидесяти километрах от железной дороги, Вязниковка называется.

— Ой! — воскликнула женщина.— Это моя родина: я из соседнего хутора, Вишневого. В июле побывала там.

Вспомнили, как выглядят окрестности Вязниковки, обменялись впечатлениями.

— Вам не знакомы люди вот на этих снимках? — спросил Коровяков, передавая Вере Петровне стопку фотографий.

Скользя безучастным взглядом по чужим лицам, Вера Петровна густо покраснела, когда у нее в руках оказался снимок Владимира Степановича Бубнова.

— Этот вот знаком,— тихо сказала она.

Долго продолжался разговор с глазу на глаз в кабинете начальника отдела кадров. Вера Петровна рассказала, как повстречала она на хуторе, где уже не оставалось ее сверстников, человека, приехавшего из Москвы почти одновременно с ней, и увлеклась им; как, боясь потерять его, помогла ему получить работу в институте; как однажды он совсем неосновательно устроил ей в этом вот кабинете сцену ревности и, оскорбленный, подал заявление об увольнении. Вера Петровна не имела никаких вестей от избранника своего сердца.

Что «пожарник» совсем не тот, за кого себя выдает, что на нем лежит подозрение в тяжких преступлениях, лейтенант решил Алехиной пока не говорить.

7

«Пожарника» долго и упорно искали работники милиции, дружинники, члены комсомольских оперативных отрядов. Коровяков бродил по улицам, толкался в магазинах, на рынках, бывал в пивных и закусочных, наведывался в отделы кадров.

Скучно? Неинтересно? Кому как. Коровяков считал, что это очень здорово — отыскать в многомиллионном городе человека, о котором почти ничего не известно.

Однажды Коровяков зашел в ресторан. Заказал бутылку вина, кое-какую закуску. Сидел, приглядывался к людям, прислушивался к разговорам.

Освободившийся рядом столик заняли трое новых посетителей. Они уже были выпивши, вели себя шумно. Пришедшие продолжали разговор, начатый где-то за стенами ресторана, и понять их было трудно. Вдруг — стоп!

— К кадровичке ты здорово подъехал,— осклабился белесый, словно бы полинявший, фатоватый верзила с усиками.— Силен, бродяга!

— А ты думал! — самодовольно ответил мужчина, сидевший спиной к Коровякову.— Все было расписано, как по нотам.

— Клад Духану исхарчили,— сказал третий, толстяк с багровой бычьей шеей. Он все никак не мог усесться поудобней, и стул жалобно скрипел под ним.

— Ну и что? — не понял человек, сидевший спиной к Коровякову.

— Ничего,— ответил толстяк.— Скоро и на выпивку не наскребем.

— Духана надо пощупать,— предложил верзила.— У него столько добра — на пятилетку себя коньяком обеспечим.

— Поганый ты человек, Дылда! — вскипел толстяк.— Духан и под землей найдет, у него не сорвешься. Да и кому в случае чего добычу спускать будем?

— Эй, бутылочку коньячку! — Человек, сидевший спиной к лейтенанту, повернулся и поманил пальцем официанта.

Коровяков сразу узнал соседа: «пожарник!»

— Ты заначку проверил? — спросил «пожарник», обращаясь к толстяку.

— На месте,— ответил тот.— А что ж Духан, не берет?

— В Среднюю Азию подался, отпуск взял. Приедет — возьмет. Завтра погляди еще разок, цело ли.

— Выпьем по этому поводу,— предложил Дылда.

Все трое дружно выпили и стали закусывать.

— Эх, друзья, и местечко я подобрал! — объявил «пожарник».

— Опять кадровичку опутал? — хохотнул Дылда.

Игорь Михайлович расплатился, взял портфель, стоявший на полу, у стола, и походкой человека, знающего себе цену, вышел из зала.

Вызванные Коровяковым работники опергруппы собрались в условленном месте. Получив инструктаж, они организовали наблюдение за изрядно выпившими дружками, навели о них необходимые справки.

Человек, выдававший себя за Владимира Степановича Бубнова, на которого он был поразительно похож, оказался Виктором Николаевичем Купцовым. Был в прошлом дважды судим, но за последнее время, как сообщили сотрудники местного отделения милиции, остепенился, почти не пил. Устроился дворником. У него были жена и трое детей.

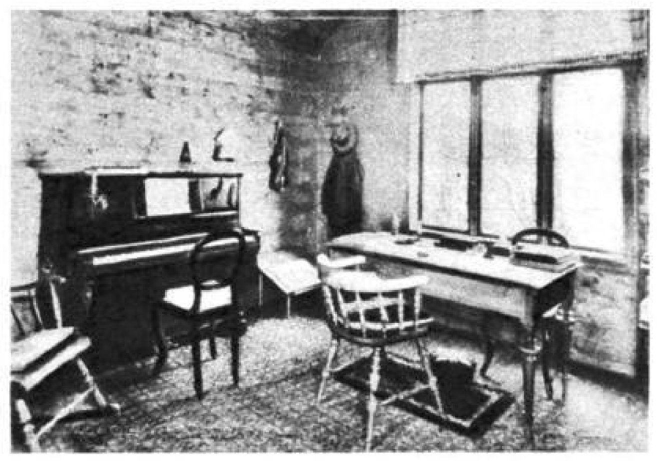
Дружки Купцова — Владимир Федорович Крымов и Александр Александрович Виноградов — работали в одном из строительно-монтажных управлений. Они тоже были в прошлом судимы, вместе с Купцовым отбывали наказание в колонии.

За всеми троими работники милиции стали внимательно присматривать.

8

На месте старых деревянных домишек должен был подняться девятиэтажный дом из железобетона и стекла. И домишки сносили. Бульдозер рушил строения, поднимая облака пыли. Искореженные бревна и доски обливали солярной и поджигали. У огромных костров, словно галчата, восторженно гомонили мальчишки.

Последний из подлежащих сносу домов двое рабочих-строителей сговорились «загнать». Пригласили знакомого водителя самосвала, с ходу согласившегося сделать одну-две «левые» ездки,

Тут работал композитор.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО НОРВЕЖЦА

Эдвард Григ. Скульптура.

На самом берегу морского залива, неподалеку от крупнейшего торгового центра Западной Норвегии Бергена, есть живописный уголок, сказочной красоте которого обязан он своим названием — Трольхауген (Холм Троллей). Здесь провел большую часть жизни великий норвежский композитор, пианист и дирижер Эдвард Григ. Вилла богата воспоминаниями: здесь бывали писатель Бьернсон, композитор Свенсен... Сюда писал П. И. Чайковский после знаменательной встречи в Лейпциге, которая связала двух музыкантов большой творческой и человеческой дружбой. Чайковский настойчиво звал композитора в Россию. Он еще раз напомнил Григу об обещании побывать в Москве, посылая ему в 1888 году свое посвящение — увертюру-симфонию «Гамлет».

Григ так и не приехал в Россию. Но музыка его получила в нашей стране самое широкое признание. Одним из усердных пропагандистов норвежского композитора был Рахманинов. Горячие почитатели Грига — Н. Мясковский, Ю. Шапорин, В. Шебалин — постоянно обращались к его музыке в работе с учениками. Музыка Грига постоянно присутствует в репертуаре С. Рихтера, З. Долухановой; многочисленные фортепианные, оркестровые произведения, романсы и песни звучат на советской эстраде с неизменным успехом.

Творчество Эдварда Грига привлекало к себе внимание советских исследователей Б. Асафьева, Ю. Кремлева. Профессор Московской консерватории О. Левашева создала большую монографию о Григе.

— Мне посчастливилось,— рассказывает О. Левашева,— во время поездки в Норвегию повидать одного из тех, кто знал Грига, норвежского ученого-фольклориста Арне Бьорндаля. Он с увлечением вспоминал встречи со старым уже, но неизменно веселым, жизнерадостным композитором, подробности тех далеких лет, когда жил и творил чародей норвежской музыки.

В Бергене свято сохраняется память о «великом норвежце». Неподалеку от виллы Грига, которая стала теперь мемориальным музеем, затерявшись в зарослях, стоит маленькая хижина — «рабочий домик» композитора. Все здесь осталось, как было при Григе, спартанская обстановка рабочего кабинета, располагавшая к творчеству.

На родине Грига 15 июня — день его рождения—отмечается ежегодным музыкальным фестивалем. Сюда съезжаются почитатели творчества композитора из многих стран. В этом году в подарок соотечественникам юбиляра народный артист СССР С. Рихтер привез новую свою работу — концерт Грига для фортепиано с оркестром.

Н. ЗЫБИНА

нашли покупателя. Быстро раскатали дом по бревнышкам, погрузили на машину. В последний момент в нише фундамента обнаружили ржавую банку. Клад! Изделия из золота, драгоценные камни, золотые десятирублевики... Дрожащими руками поделили сокровища. Водитель сел в кабину самосвала и повез бревна заказчику. Строители поспешили по домам. Шито-крыто...

И все же работники ОБХСС об этом узнали. Но мер, к сожалению, принять не смогли. Случайные прохожие, высказавшие сотрудникам милиции свои подозрения, впоследствии не опознали среди массы строителей тех троих. Никто не запомнил и номера самосвала.

Минуло два года. И вот эта встреча в ресторане...

Сотрудники милиции знали о посещении Толстяком (так для краткости стали называть Владимира Федоровича Крымова) склада строительных материалов.

Когда Крымов был уже дома, они повторили его маршрут и обнаружили тайник. Платина! В местах, скрытых от постороннего взгляда, устроили засады.

Через пять дней, после полудня, на складе снова появился Толстяк. Он извлек из тайника слитки платины, пролез через забор и сел в поджидавшее его такси. На людной улице отпустил машину, вскочил в уже отходивший автобус, проехал две остановки, вышел, подождал троллейбус и добрался на нем до одной из окраинных улиц. Здесь, возле пивной палатки, Крымов встретился с Купцовым. Дружки поговорили о чем-то и направились к расположенным неподалеку сараям. Там их ждал Гудилин.

«Бизнесменов» задержали в тот момент, когда в руках у них были слитки платины. Они уверяли, что металл вот только что нашли возле сарая.

Гудилин выпустил из рук какой-то предмет и придавил ногой. Игорь Михайлович отстранил Гудилина и поднял с земли аптекарские весы.

— Это тоже нашли? — спросил он.

При личном обыске аптекарские весы изъяли и у Купцова. В карманах у Гудилина были крупные суммы денег.

9

После разговора с полковником в отставке сержант милиции Косточкин ни разу не встречал Таисию Гудилину. И вот теперь ему предстояло не только войти в квартиру, в которой она жила, но вместе с лейтенантом Коровяковым, другими товарищами и понятыми произвести в ней обыск.

Обстановка квартиры поразила работников милиции. В каждой из трех комнат — дорогостоящий импортный гарнитур, телевизор. В серванте — саксонский фарфор, хрусталь, серебро. На полу — дорогие ковры.

Таисии дома не оказалось, и Косточкин благодарил судьбу. Ему не хотелось встречаться с ней.

Обыск продолжался долго. Хитер был Гудилин, ой, хитер! Изделия из золота и драгоценные камни он хранил в подушке для иголок, висевшей на стене, в корпусе массивных карманных часов «Павел Буре», в электрических выключателях. Попробуй найти! Но Игорь Михайлович нашел.

На общей кухне стояла грубо сколоченная Гудилиным скамья. Женщины всех пяти семей стирали на ней белье. И никто не знал, что в тщательно замаскированном тайнике лежали драгоценные камни. Тайник обнаружил сержант Косточкин.

В коридоре стояла швабра с намотанной на ней половой тряпкой. Швабра принадлежала Гудилиным, но пользовались ею все жильцы. Разве мог кто-нибудь из них подумать, что в ней были спрятаны два десятка бриллиантов!

Таисию задержали на улице, когда она возвращалась домой после встречи у Большого театра с Дылдой — Александром Александровичем Виноградовым. В варежке у нее лежали бриллианты.

Золото и драгоценные камни нашли во время обыска и в квартире Купцова.

10

На скамье подсудимых — Нурдаблетов, Иванов, Косинов, Сатпаев, отец и дочь Гудилины, Купцов, Крымов, Виноградов, Мартемьянов, Бурмистрова и другие — всего восемнадцать человек.

Гудилин был хлебосольным хозяином. Почти все подсудимые гостили у него. Сколько было выпито и съедено, сколько клятв в дружбе «до гроба» было произнесено! А теперь валютчики, воры, сбытчики и скупщики краденого, сводницы, словно пауки в банке, готовы были сожрать друг друга. Стараясь обелить себя, жулик топил жулика, уличая его и тем самым объективно подтверждая все, что было добыто в процессе следствия.

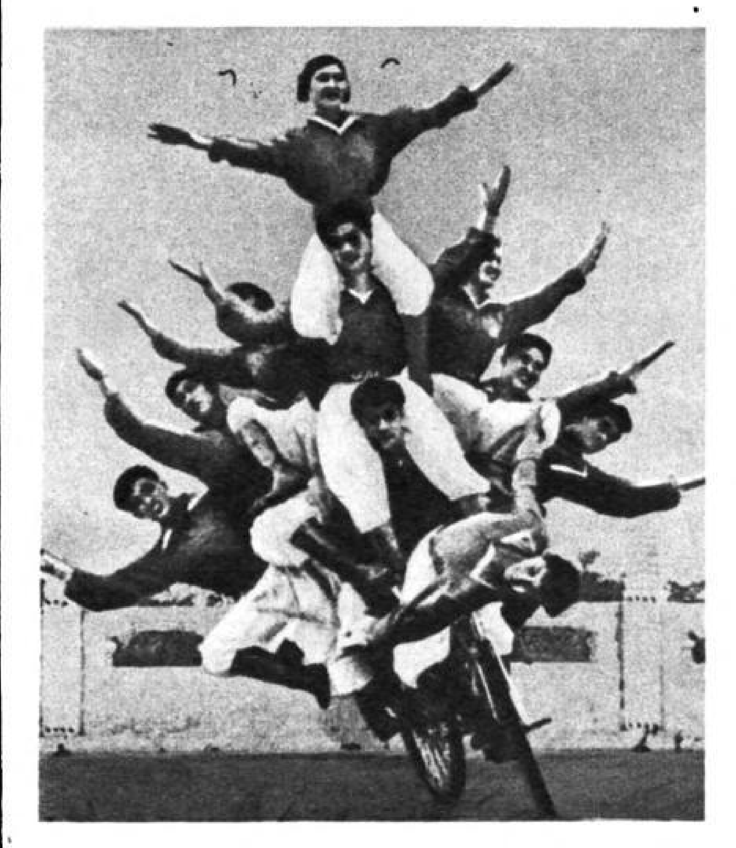
Как же образовалась эта опасная преступная группа?

Ответить на этот вопрос и легко и трудно.

Нурдаблетов, Иванов, Косинов, Сатпаев... Все четверо — люди из прошлого. Пятьдесят лет шагает по нашей земле Советская власть, а сынки баев и мулл никак с этим не хотят примириться, все ждут: вот споткнется Советская власть, вот упадет. Им мерещатся кибитки из дорогой кипенной кошмы, пуховые подушки на персидских коврах, огромные чаши с дымящейся бараниной, хмельная арака, покорные жены и толпы слуг.

Спекулянты гастролировали по стране. С Гудилиным, этим давним изворотливым валютчиком, они познакомились на колхозном рынке. Справедливо сказано: рыбак рыбака видит издалека...

Купцова, Крымова и Виноградова сблизила колония. Отбыв наказание, они не захотели трудиться, как все, а руководители предприятий, куда бывшие заключенные устроились для видимости, не интересовались ими. Заполнены штаты — и баста!

ПИРАМИДА НА КОЛЕСАХ

Сколько человек может поднять обычный легкий мотоцикл? На этот вопрос ответила группа японских студентов: на двухколесной машине проехались десять человек.

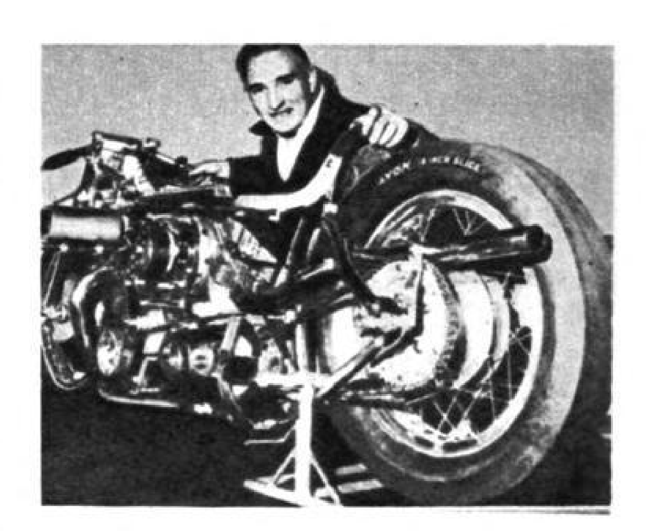
◀

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

НАЗЕМНЫЙ САМОЛЕТ

Англичанин Джим Копер считает свой мотоцикл самым мощным в мире. Он установил на нем два сильных мотора, позволяющих машине развивать скорость до трехсот километров в час.

▶

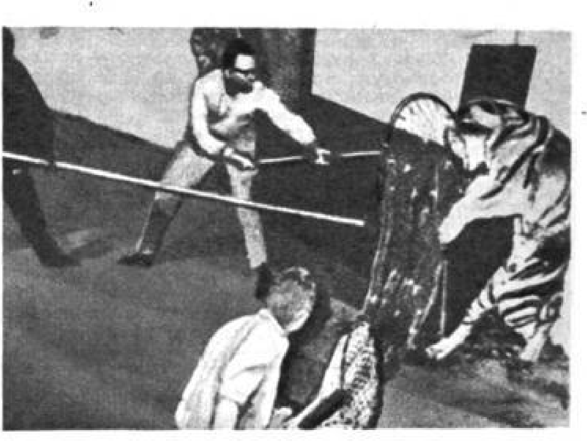

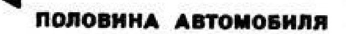
ПОБЕГ ИЗ НЕВОЛИ

Чтобы поймать уссурийского тигра, который вырвался из клетки зоопарка в Филадельфии, пришлось сначала усыпить его, выпустив несколько стрел со снотворным, а затем уже набросить сетку.

▶

◀

ПОЛОВИНА АВТОМОБИЛЯ

Для трюковых съемок в США изготовлено несколько автомобилей, которые в пути могут раздвоиться и двинуться в разные стороны. У каждой половинки свой мотор и четыре колеса — два видимых и два скрытых.

Крымов и Виноградов определились в строительное управление. Работали кое-как, нынче пьяны, завтра с похмелья. И тащили все, что попадалось под руку. И все им сходило. Безнаказанность окрыляла жуликов.

Купцова приняли дворником, но работала за него жена, тихая, забитая женщина.

Однажды в трамвае Крымов увидел человека, удивительно похожего на Купцова. Возникла мысль вытащить у него документы и передать дружку, может, они тому пригодятся. Опытный карманник в два счета осуществил задуманное.

Биографические данные Владимира Степановича Бубнова и Купцова совпадали. Пользуясь ротозейством некоторых кадровиков, Купцов устраивался в пожарную охрану того или иного предприятия, осмотревшись, с помощью Крымова и Виноградова совершал кражи и под благовидным предлогом увольнялся.

Мартемьянов жил в общежитии и ни с кем дружбы не водил, держался в стороне. Пристрастился к водке. Возвращаясь с работы, обязательно заходил в облюбованный им магазин и искал глазами жаждущих выпить. В поисках «третьего» и познакомился он с Крымовым и Виноградовым, а через них — с Бурмистровой. Смазливая, вконец развращенная женщина быстро прибрала к рукам застенчивого Сергея. Чтобы иметь деньги, Мартемьянов стал воровать, «калымить». Это он вместе с Крымовым и Виноградовым «загнал» дом, нашел на строительной площадке клад.

Бурмистрова работала вместе с Гудилиной, рано познавшей изнанку жизни. Капитолина и Таисия сблизились на почве пьяных оргий. Цепочка от Купцова, Крымова, Виноградова, Мартемьянова и Бурмистровой через дочь протянулась к Дмитрию Наумовичу, к Духану, как его называли в преступном мире. Много ценностей перешло по этой цепочке к Гудилину, а от него — к Нурдаблетову, Иванову, Косинову и Сатпаеву.

О том, что в институте можно поживиться платиной, Купцов узнал случайно: подслушал в закусочной разговор двух молодых людей, видимо, работавших там. Он долго обдумывал, как ему устроиться на «теплое» место. Институт — организация особая, там обязательно будут проверять, кто ты такой и откуда взялся.

Решение задачи невольно подсказала подружка Бурмистровой, машинистка института. Любительница посплетничать, она, встречаясь с Капитолиной, перемывала косточки всем, кто работал в этом учреждении. В последний раз она особенно много рассказывала о женщине — начальнике отдела кадров, которую бросил муж и которая на днях уезжает в отпуск на Украину, где «даст жизни»...

— Я выпытала у подружки все, что надо,— говорила Бурмистрова Купцову, встретившись с ним в закусочной.— Поезжай ты следом за этой красавицей, встретишься там где-нибудь с нею будто случайно и действуй.

Читателю уже известно, что в институте Купцов развил бурную деятельность. В одно из частых посещений облюбованной им лаборатории он, выговаривая научному работнику, на секунду оперся о стол, чтобы обратить внимание хозяина на окурок, лежавший в корзине поверх скомканных и порванных бумаг. И этого мгновения было достаточно, чтобы получить слепок с лежавшего на столе ключа от сейфа: в руке у начальника пожарной охраны был пластилин.

Выходя, Купцов так хлопнул дверью, что ключ из нее выпал. Слепок был сделан мгновенно. Вставив ключ, Купцов открыл дверь и извинился перед научным работником...

За оградой института, в кустах сирени, был люк, в который когда-то, до перехода на газовое отопление, ссыпали каменный уголь. Через люк, по небольшому тоннелю, можно было проникнуть в котельную, располагавшуюся под главным корпусом, а оттуда — в любую лабораторию или кабинет. Пользуясь правом начальника пожарной охраны, Купцов спустился в подземелье, осмотрел его и снял запоры с крышки люка: теперь ее с улицы можно было открыть без труда.

Крымов и Виноградов со строительной бригадой находились в командировке в Ташкенте, поэтому Купцов подговорил совершить кражу Мартемьянова, подробно проинструктировал его. Ему же он поручил сделать и ключи.

Закончив подготовку к краже, Купцов спровоцировал ссору с Алехиной. Расчет он получил в пятницу, а в воскресенье, когда в институте не было никого, кроме охраны, пришел «проститься» с товарищами. Ему не стоило большого труда уговорить двух вахтеров и пожарника «пропустить по маленькой». Расположились в помещении вдали от главного корпуса и начали пировать. Водки и закуски было вволю.

В разгар веселья зазвонил телефон. Раздосадованный пожарник схватил трубку. Выслушав абонента, он крикнул:

— Катись к черту, понял? Тут никакой Тамары нет и никогда не было. Не мешай людям работать...

Купцов улыбнулся и налил всем еще по одной. Звонок к «Тамаре» был условным сигна-

НЮРЕНБЕРГСКАЯ ДЕВА

В Лондоне была продана с торгов так называемая «Нюренбергская дева» — футляр с железными шипами внутри, в котором в XVI веке умерщвляли ведьм и злодеев. Орудие пытки куплено одним немецким музеем.

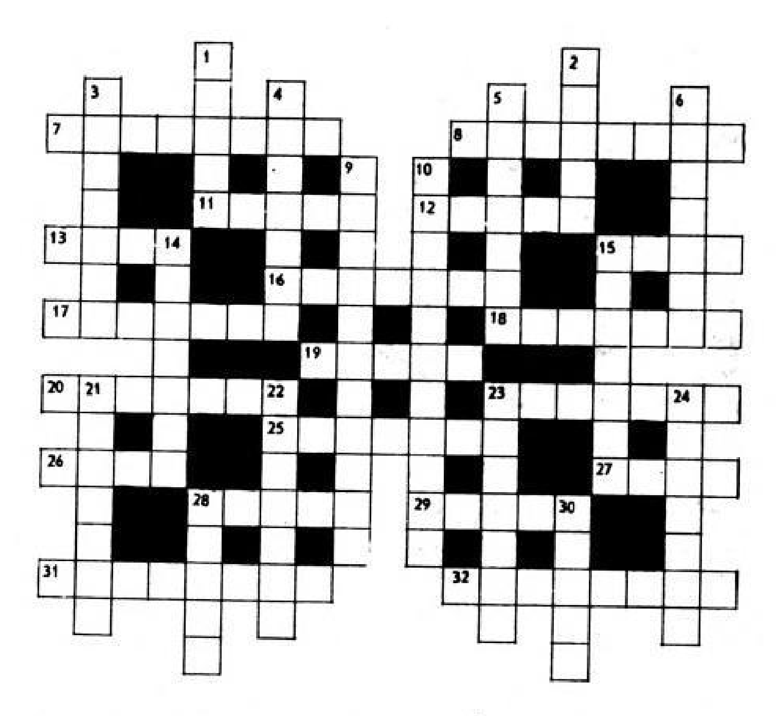

КЛАДКА ИЗ ПЛАСТИКА

Французские строители начали выпускать кирпичи из пластика. Из такого материала можно построить двухэтажный дом без большого труда и особой квалификации.

ДОМ В ЧАШКЕ

Эта миниатюрная мексиканская собачка свободно умещается в чайной чашке. Ее ежедневный рацион — пятьдесят граммов мяса и ложка воды.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Русский композитор XIX века. 8. Картина А. К. Саврасова. 11. Река в Югославии. 12. Стадо овец. 13. Самая яркая звезда северного полушария неба. 15. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 16. Неглубокий овраг. 17. Государство в Пиренеях. 18. Балет А. И. Хачатуряна. 19. Повесть А. П. Гайдара. 20. Областной центр БССР. 23. Сигнальное устройство. 25. Русский полярный исследователь. 26. Нотный знак. 27. Легкая сетчатая ткань. 28. Шахматная фигура. 29. Изображение земной поверхности на плоскости. 31. Мера земельных площадей, применявшаяся в России. 32. Элементарная частица.

По вертикали:

1. Остров в Балтийском море. 2. Хвойное дерево. 3. Искусственный водоем. 4. Обезьяна. 5. Литературный кружок в Петербурге, в котором участвовал А. С. Пушкин. 6. Венецианская лодка. 9. Союзная республика. 10. Медицинское учреждение. 14. Заключительная торжественная сцена спектакля. 15. Воинское звание младшего командного состава. 21. Приток Нижней Тунгуски. 22. Лиственное дерево, кустарник. 23. Народный музыкальный инструмент. 24. Роман И. А. Гончарова. 28. Советский ученый, специалист по электросварке, академик. 30. Часть ходового механизма часов.

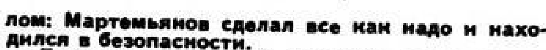
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

5. Деепричастие. 7. Черенок. 10. Сфера. 12. Нера. 13. Санд. 15. Децима. 16. Ракетка. 17. Алдан. 19. Чардаш. 20. Ракурс. 24. Байдара. 25. Удочка. 26. Озон. 28. Пике. 29. Капри. 30. Берлиоз. 31. Гроссмейстер.

По вертикали:

1. Геометрия. 2. Ливенка. 3. Ларек. 4. Атмосфера. 6. Прадед. 8. Кряква. 9. Кербабаев. 11. Рокировка. 13. Сараево. 14. Дарасун. 18. Анабас. 21. Клапан. 22. Багратион. 23. Гониометр. 27. Обручев. 30. Брест.

лом: Мартемьянов сделал все как надо и находился в безопасности.

«Тамара» — это тоже продукт изощренного ума Бурмистровой. Когда обсуждались детали намечавшейся кражи, Сергей записал в свою книжку служебный телефон Купцова.

— Смотри не вздумай ставить рядом фамилию Владимира Степановича (Мартемьянов не знал, что под этим именем скрывается другой человек),— предупредила Капитолина, наблюдавшая за своим возлюбленным.— Мало ли что может случиться. Впиши какое-нибудь женское имя, скажем, Тамара.

Мартемьянов недоуменно посмотрел на свою повелительницу.

— Не понимаешь? — хмыкнула женщина.— А ведь все яснее ясного. Попадешь, не дай бог, в милицию. Там тебя как липку обдерут: все складочки прощупают, все бумаги — под микроскоп. Найдут телефон этой самой Тамары. Отчества нет, фамилии тоже. Какая-то знакомая женщина. Мало ли их у холостого мужчины! Такую и искать никто не будет. Кто за ветром в поле гоняется!..

Сейф Мартемьянову закрыть не удалось: от бородки ключа отломился кусочек и, видимо, заклинил что-то в запирающем устройстве.

* * *

Суд приговорил преступников к различным срокам наказания с конфискацией принадлежащего им имущества. А принадлежало им немало.

Лейтенант милиции Игорь Михайлович Коровяков носит теперь капитанские погоны.

На первой странице обложки: Сцена из балета «Спартак» в Государственном академическом Большом театре Союза ССР. Спартак — заслуженный артист РСФСР В. Васильев.

Фото Е. Умнова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-38-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00416. Сдано в набор 21/V-68 г. Подписано к печ. 4/VI-68 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 1179. Заказ № 1414.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Фоторепортаж Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА.

ЧАС НА КИНГС РОУД

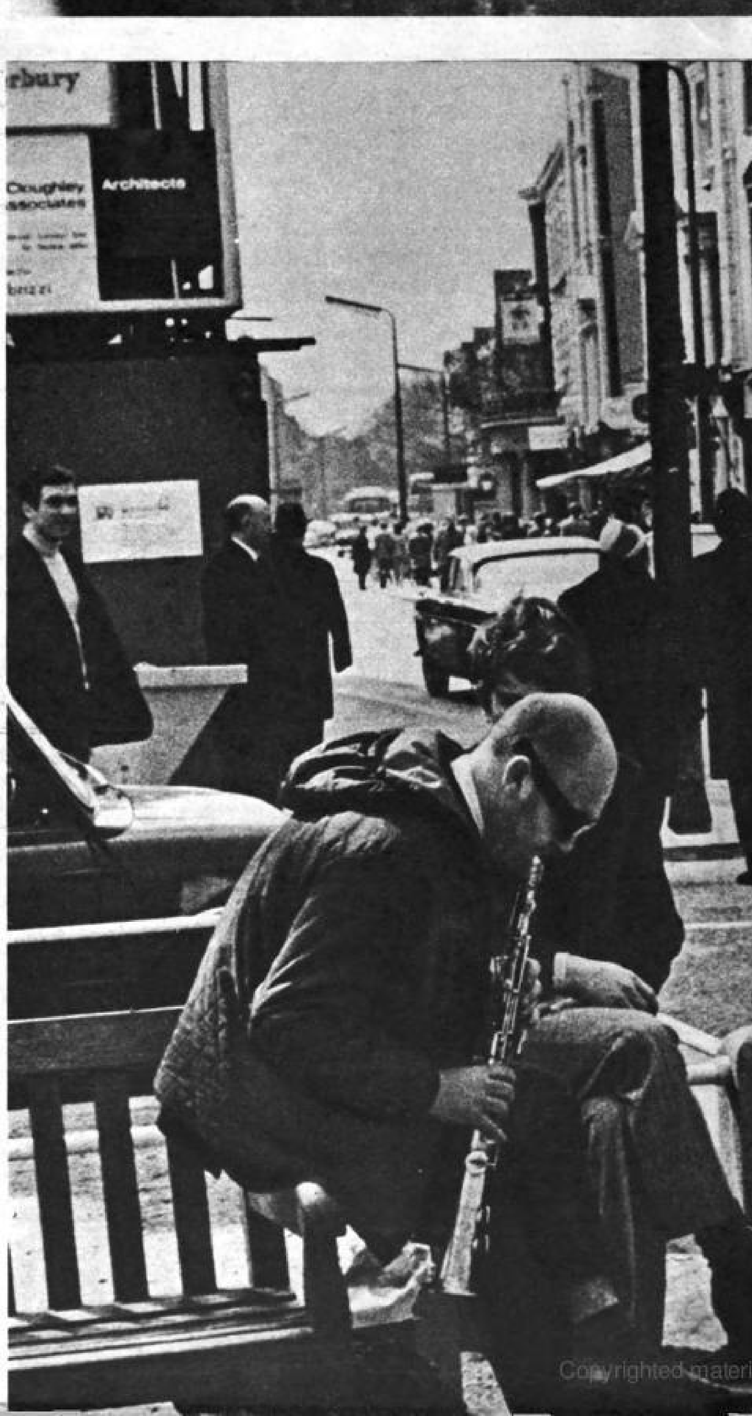
Почти все эти снимки сделаны на одной из лондонских улиц — на Кингс Роуд. В переводе это значит — королевская дорога. Ничего королевского в этой узкой улице, застроенной в основном двухэтажными домами, я не обнаружил. Возможно, что в давние времена королевская семья ездила через район Челси именно по этой улице — отсюда ее название.

Но меня привлекло сюда другое. Эту улицу выбрали для своих прогулок «хиппи», или, как они себя называют в Англии, «дети-цветы».

Сегодня суббота. Их здесь особенно много. По тротуару движется непрерывный поток вычурно одетых парней и девушек. Все смешалось — одежда различных эпох. Многие парни в женской одежде, а девицы — в мужской; длинные волосы, раскрашенные сверх меры лица. И все это на фоне непрерывной линии витрин магазинов, где продают и рекламируют именно то, что в моде у «хиппи».

Однако мой репортаж не ставит целью рассказать о сущности этого движения молодежи в современном буржуазном обществе.

Фигуры «хиппи» очень колоритны, но они не могли заслонить картин, характерных для большого и шумного буржуазного города. Поэтому вы видите на снимках, кроме самих «хиппи», и забор с надписью «США + напалм = фашизм», и человека-рекламу, и музыканта, собирающего подаяние, и хозяина улицы — полицейского.

ДЕЛОВЫМ ЛЮДЯМ, ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ
НОВЫЕ ЛИНИИ АЭРОФЛОТА
Ленинград—Копенгаген—Лондон
Ленинград—Берлин
Ленинград—Париж
Ленинград—Прага
Ленинград—Вильнюс—Варшава
На трассах — скоростной экспресс «ТУ-134». На борту — комфорт, русская кухня, традиционное гостеприимство.
Справки — в представительствах Аэрофлота и Интуриста СССР.
ЛЕТАЙТЕ САМОЛЕТАМИ АЭРОФЛОТА!
АЭРОФЛОТ
Цена номера 30 коп. Индекс 70663